

Россия в мемуарах

В.В. Стратонов
ПО ВОЛНАМ ЖИЗНИ

I

Новое
Литературное
Обозрение

Всеволод Викторович Стратонов

По волнам жизни. Том 1

Серия «Россия в мемуарах»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43041394

По волнам жизни. Том I: Новое литературное обозрение; Москва; 2019

ISBN 978-5-4448-1304-1

Аннотация

В 1922 году большевики выслали из СССР около двухсот представителей неугодной им интеллигенции. На борту так называемого «философского парохода» оказался и автор этой книги – астроном, профессор Московского университета Всеволод Викторович Стратонов (1869–1938). В первые годы советской власти Стратонов достиг немалых успехов в роли организатора научных исследований, был в числе основателей первой в России астрофизической обсерватории; из нее потом вырос знаменитый Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга. В то же время Стратонов был непримиримо конфликтным человеком – он не только навлек на себя немилость партии большевиков, но и рассорился со многими коллегами-учеными. Воспоминания Стратонова переносят читателя в разные уголки дореволюционной и раннесоветской России – на Кубань и Кавказ, в Среднюю Азию, в Москву, Тверь, Муром и Петроград. Автор описывает, как учились, сдавали экзамены

и бунтовали студенты, как наблюдали звездное небо астрономы и ходили в экспедиции военные топографы и геодезисты, как жили казаки, кавказские горцы и народы Туркестана, как был устроен чиновничий мир на окраинах империи, как свершалась революция и как боролась за высшую школу московская профессура. В мемуарах Стратонова читатель обнаружит не только ценное историческое свидетельство, но и увлекательное повествование.

Содержание

Бурная жизнь астронома, потом чиновника, затем банковского служащего, а потом опять астронома В. В. Стратонова	6
Часть I	34
Раннее детство	34
1. Екатеринодар[37]	34
2. Казачество	58
3. Новороссийск	67
Гимназические годы	81
Студенческие годы	124
1. Жизнь студенческая	124
2. Студенческие волнения	151
3. Профессура	185
Конец ознакомительного фрагмента.	192

В. В. Стратонов

По волнам жизни. Том 1

Серия выходит под редакцией А. И. Рейтблата

Рукопись выявлена в архиве и скопирована К. В. Ивановым; подготовка текста В. Л. Гениса и К. В. Иванова; предисловие К. В. Иванова; комментарии В. Л. Гениса при участии К. В. Иванова; послесловие, аннотированный именной указатель и библиографический список В. Л. Гениса

© В. Л. Генис, комментарии, 2019

© К. В. Иванов, предисл., комментарии, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение». Оформление, 2019

* * *

Бурная жизнь астронома, потом чиновника, затем банковского служащего, а потом опять астронома В. В. Стратонова

Имя Всеволода Викторовича Стратонова (1869–1938) – автора публикуемых воспоминаний – было на долгое время вычеркнуто из российской историографии. Вычеркнуто в буквальном, грубом смысле этого слова – с изъятием его книг из фондов российских библиотек, удалением соответствующих каталожных карточек, со старательным замалчиванием его роли в ряде событий, серьезно повлиявших на ход российской истории. Случилось это по ряду причин, не все из которых были политическими. Да, с одной стороны, возглавив забастовочный комитет профессоров Московского университета, он навлек на себя немилость большевистских властей, был арестован и вскоре выслан на так называемом «философском пароходе». Однако, с другой стороны, на момент высылки Стратонов находился в конфликтных отношениях с большинством российских астрономов (подробнее об этом пойдет речь далее). Противоречивое сочетание качеств политически тонко организованного и вместе с тем непримиримо конфликтного человека проходит через всю

жизнь Стратонова. Как мы писали в одной из предыдущих публикаций, «за что бы ни брался Стратонов, он везде оставлял глубокий след, но память о нем выветривалась слишком быстро»¹. Словом, опала Стратонова была результатом в том числе конъюнктурного поражения, а не только открытой идеологической оппозиции.

В 1990-е гг. В. В. Стратонов был реабилитирован – как политически, так и профессионально². Его научно-административные «авантюры» в период большевистского переворота были признаны скорее благом, чем злом, вполне оправданным последующей научной продуктивностью созданных им научных учреждений, прежде всего – ГРАФО. Стратонов основал первую в России астрофизическую организацию, выработав принципиально новый подход к проведению астрономических исследований. Согласно этому подходу, оптические инструменты следовало располагать в местах, благоприятных для наблюдения, а центры обработки данных – институты – в столицах, чтобы научный коллектив имел возможность быстрого обмена информацией с дру-

¹ *Иванов К. В.* Редактор газеты «Кавказ» В. В. Стратонов (1910–1911 гг.) // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность: сб. статей. Краснодар, 2005. Вып. 3. С. 95.

² Первая заметка о Стратонове в постсоветский период была опубликована (вместе с фрагментом его воспоминаний о забастовке профессоров Московского университета) В. А. Бронштэнном: *Бронштэн В. А.* Всеволод Викторович Стратонов: биографическая справка // На рубежах познания вселенной: историко-астрономические исследования. М., 1992. Вып. 23. С. 403–410.

гими учреждениями. Перед высылкой Стратонову удалось найти квалифицированного преемника своего начинания – В. Г. Фесенкова, под руководством которого организационный комитет ГРАФО был преобразован в Государственный астрофизический институт (ГАФИ). В 1931 г., на волне укрупнения и централизации научных учреждений, ГАФИ был объединен с Московским астрономо-геодезическим научно-исследовательским институтом и обсерваторией Московского университета, в результате чего возник Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга (ГАИШ) – самое титулованное астрономическое учреждение СССР. ГАИШ унаследовал традиции, выработанные в течение десятилетия работы ГАФИ. Это следует хотя бы из того, что печатное издание института – «Труды ГАИШ» – продолжило порядок нумерации томов не Московской обсерватории, а «Трудов ГАФИ».

Сегодня о Стратонове упоминают и в историко-научных статьях³, и в работах по истории белой эмиграции⁴, и в поли-

³ См., например: *Бочарова З. С. В. В. Стратонов – астрофизик, финансист, управленец, декан Московского университета (по воспоминаниям ученого) // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3. № 5. С. 153–158; Иванов К. В. Проект главной российской астрофизической обсерватории – грандиозная авантюра или рутина дисциплинарного строительства? // Вопросы истории естествознания и техники. 2015. № 1. С. 87–123.*

⁴ См., например: *Тимошин Е. И. Вклад русских ученых-эмигрантов в развитие естественных наук // Пространство культуры: исторические, философские, социально-антропологические аспекты. Омск, 2008. С. 143–144; Гусяров Е. Пассажиры Философского парохода: Всеволод Стратонов (1869–1938) // Родина. 2017.*

тических обзорах большевистских реформ в сфере образования⁵. Его имя включено в «Летопись Московского университета»⁶. Стали публиковаться⁷ фрагменты его воспоминаний. И все же они не образуют полной картины. Будучи вырванными из контекста, они зачастую воспринимаются односторонне и порождают всевозможные аберрации. Между тем воспоминания Стратонова представляют собой целостное литературное произведение – с уникальным стилем, хорошо продуманной композицией, с многочисленными реминисценциями, упоминаниями одних и тех же эпизодов в различных контекстах, что делает их более многогранными и менее однозначными. Стратонов вложил в свои воспоми-

№ 9. С. 30–31.

⁵ См., например: *Афанасова Т. М.* Взгляд из зарубежья на судьбы профессуры и студенчества Московского университета после революции 1917 г. (по воспоминаниям астрофизика В. В. Стратонова) // Материалы XLV научно-творческой конференции студентов СГИК «Культура и молодежь: искусство соучастия». Самара, 2017. С. 7–10; *Иванов К. В.* Новая политика образования в 1917–1922 годах. Реформа высшей школы // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 359–379.

⁶ URL: <http://letopis.msu.ru/peoples/1034>.

⁷ См. наши публикации: В Румянцевском музее // История библиотек: исследования, материалы, документы. СПб., 1996. Вып. 7. С. 240–254; Газета «Кавказ» // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Краснодар, 2005. С. 97–133; *Астрономический мирок* // Историко-астрономические исследования. М., 2007. Вып. 32. С. 252–321; а также: *Гимназические годы. Кубанская войсковая гимназия* / Публ. З. С. Бочаровой, Т. В. Котюковой // *Голос минувшего* (Краснодар). 2017. № 1. С. 117–143; *Туркестан* / Публ. Т. В. Котюковой // *Восток Свыше* (Ташкент). 2016. № 4 – 2018. № 1.

нания много литературного труда и, видимо, действительно рассматривал их как своего рода «подведение черты». И настало время предоставить трибуну ему самому, что мы и делаем в предлагаемом читателю двухтомнике. В этом коротком предисловии я приведу лишь несколько уточнений, которые, надеюсь, позволят сообщить зачастую пристрастным суждениям Стратонова характер достоверного свидетельства.

Воспоминания были написаны Стратоновым в эмиграции. Дата подготовки рукописи не указана, однако, судя по упоминаниям в тексте, окончательная ее версия была подготовлена в начале 1930-х гг., предположительно в 1934 г. Начало повествования приходится на детские годы, окончание – на высылку из России в 1922 г. Сам Стратонов разделил свои воспоминания на три части, по всей видимости, сознательно связав их с тремя значимыми этапами жизни на родине: события, приведшие его к службе в Ташкентской обсерватории (именно к службе, поскольку тогда она принадлежала военному ведомству), служба в качестве чиновника высокого ранга на Кавказе и бурный послереволюционный период, закончившийся высылкой. Далее я перечислю основные события жизни Стратонова и попытаюсь увязать их с соответствующими фрагментами его воспоминаний.

Всеволод Викторович Стратонов (1869–1938) был вторым (и последним) сыном в семье директора одесской Ришельевской гимназии Виктора Исаевича Стратонова. Дет-

ство и отрочество он провел в Екатеринодаре (в настоящее время – Краснодар), куда семья переехала в 1871 г. (Тогда отец Стратонова получил должность прокурора Екатеринодарского окружного суда.) Воспоминания Стратонова начинаются с описания жизни в Екатеринодаре. Он повествует в основном о светских событиях, хотя, по словам моего соавтора красnodарца Виктора Чумаченко, «это было в полном смысле слова детство, проведенное у церковных стен, с разыгрывающимися здесь массовыми сценами православных празднеств, венчаний и похорон, ежедневным колокольным звоном и ручейками людей, стекающимися к заутрене или вечерне»⁸. Окончив в 1886 г. с золотой медалью Кубанскую общеобразовательную гимназию, Стратонов поступает в Новороссийский (Одесский) университет. Студенческие годы описаны им довольно подробно. Масса мелких деталей, упоминаемых Стратоновым, дает основание полагать, что с точки зрения изложенных фактов текст довольно верно отражает положение дел в университете. Это ценно для исторической реконструкции и верного прочтения мотивов действующих лиц.

Окончив в 1891 г. университет с дипломом 1-й степени и золотой медалью, присужденной за выпускную квалификационную работу по астрономии «Пассажный инструмент и определение географических координат», Стратонов на-

⁸ *Иванов К. В., Чумаченко В. К.* «Белая церковь утопает в акациях...» (О воспоминаниях Ольги и Всеволода Стратоновых) // Родная Кубань. 2005. № 4. С. 37.

чинает всерьез задумываться о том, чтобы посвятить свою жизнь астрономии. Проявив незаурядное упорство, после ряда перипетий он смог попасть в Пулковскую обсерваторию, где прошел двухгодичную подготовку по астрофизике – только зарождающемуся тогда новому астрономическому направлению. Время пребывания Стратонова в Пулковке приходится на период острой борьбы между «русской» и «немецкой» партиями в обсерватории, что подробно описано им в первой части воспоминаний. Кратковременное и в целом неудавшееся директорство выдающегося российского астрофизика Ф. А. Бредихина обернулось тем не менее индивидуальной удачей для Стратонова, поскольку именно от него он получил предложение стать астрофизиком недавно основанной Ташкентской астрономической и физической обсерватории.

Приняв предложение Бредихина, Стратонов сразу же попал в тренд передовых астрофизических исследований, что обеспечило ему научный успех. На сэкономленные деньги Военно-топографического отдела Генерального штаба для Ташкентской обсерватории был приобретен один из 13-дюймовых астрографов⁹, изготовленных в рамках международной программы по составлению фотографического обзора неба. Это было время оптимизма, возникшего после того, как в астрономии начали массово применяться, как тогда казалось, «точные» и «беспристрастные» фотографические

⁹ Телескоп с камерой для фотографирования небесных объектов.

методы. По остроумному замечанию Э. С. Голдена, у астрономов возникло желание оставить своим потомкам «небо, аккуратно разложенное по коробочкам»¹⁰. Десять лет, проведенных в Ташкенте, Стратонов старательно фотографировал небо, пытаясь найти статистические закономерности в распределении звезд. Результатом этой работы стал объемный труд «Исследования строения Вселенной»¹¹, содержащий статистический анализ распределения звезд в Млечном Пути. Тогда еще ничего не знали о галактическом строении Вселенной, и это исследование вряд ли было прорывом. Тем не менее оно было одним из многих малых шагов к выяснению строения мира. Окончательный вклад в решение этого вопроса был сделан благодаря постройке великолепных высокогорных калифорнийских обсерваторий, технические характеристики которых многократно превышали скромные возможности ташкентского астрографа.

Энтузиазма Стратонова хватало на то, чтобы вести не только ночные, но и дневные наблюдения. Ночью он фотографировал звезды, а днем – Солнце. Он произвел тщательное измерение скоростей вращения поверхности Солнца на разных широтах. В результате он опубликовал еще одну ра-

¹⁰ Цит. по: *Soojung-Kim Pang A.* «Stars Should Henceforth Register Themselves»: Astrophotography at the Early Lick Observatory // *British Journal for the History of Science.* 1997. Vol. 30. P. 177.

¹¹ *Stratonoff W.* Études sur la structure de l'Univers. Première partie. Tachkent, 1900; *Idem.* Études sur la structure de l'Univers. Deuxieme partie. Tachkent: Imprimerie de l'Etat-Major du Turkestan, 1901.

боту – «О движении солнечных факелов»¹² – с уточнением закона вращения Солнца. Были и другие, не столь значительные работы по изучению нескольких звездных скоплений. Позже, оставив профессиональную астрономию, Стратонов на протяжении всей своей жизни активно занимался популяризацией и написал два учебника по астрономии¹³. Он опубликовал несколько книг, в том числе блестяще оформленную популярную монографию «Солнце»¹⁴, которая удостоилась лестных отзывов со стороны известных отечественных ученых¹⁵ и была рекомендована Министерством народного просвещения для использования в качестве поощрительного подарка выпускникам, окончившим гимназию с золотой медалью¹⁶. В эмиграции он написал учебник по астрономии для

¹² *Stratonoff W.* Sur le mouvement des facules solaires // Записки Академии наук по физико-математическому отделению. 1897. Т. 5. № 11.

¹³ *Стратонов В. В.* Космография: учеб. пособие для сред. учеб. заведений. М., 1914; *Stratonov V. V.* Astronomie. Praha, 1928.

¹⁴ *Стратонов В. В.* Солнце: астрономическая популярная монография. Тифлис, 1910.

¹⁵ Профессор астрономии Петербургского университета С. П. Глазенап полагал, что «по роскоши издания и по изяществу рисунков я ничего подобного не видел ни в заграничной, ни в русской специальной литературе», а профессор физики того же университета О. Д. Хвольсон по поводу той же книги писал: «Указанные нами мелкие недочеты не могут существенно умалить выдающихся качеств этого замечательного издания, которым мы можем гордиться и которому мы желаем самого широкого распространения» (цит. по рекламному приложению в кн.: *Стратонов В. В.* Космография...).

¹⁶ Стратонов опубликовал еще две популярные книги по астрономии – «Здание мира» (1918) и «Звезды» (1919), выдержанные в том же стиле, но значительно

высших школ¹⁷, который был переведен на чешский язык и долгое время использовался в Чехословакии в качестве наиболее распространенного учебного пособия по данной дисциплине¹⁸.

В том, что касается отзывов Стратонова об особенностях военной и общественной жизни в Ташкенте, я хотел бы обратить внимание на некоторые обстоятельства службы в Туркестане, которые существенным образом влияли на выстраивание отношений в крае, хотя и не рефлексировались в повседневном мышлении. Например, в воспоминаниях Стратонова можно встретить множество оценочных замечаний, касающихся деятельности (и вообще образа жизни) военных геодезистов, в кругу которых он вынужден был находиться (напомним, что обсерватория относилась к военному ведомству). В общем и целом его оценка была негативной. Он считал их людьми серыми, думающими только о карьерном росте, лишенными каких-либо общественных, культурных и эстетических интересов. Между тем, как мы понимаем сегодня, ведущаяся в течение всего XIX в. рутинная работа геодезистов-топографов по наращиванию топографических сетей была одной из практик, сыгравших роль мощной трансформирующей силы как в политической, так и в интеллек-

уступающие «Солнцу» по красочности оформления.

¹⁷ *Stratonov V. V. Astronomie.*

¹⁸ Это свидетельство было получено мной в личной беседе с директором Пражской обсерватории Мартином Шольцем осенью 1997 г.

туальной истории. Она серьезным образом способствовала определению вида современной политической карты мира и задала особый стандарт отношений между политиками, чиновниками и интеллектуалами.

Следует иметь в виду, что главная роль в управлении Туркестанским краем принадлежала военным. Стратонов же, судя по воспоминаниям о студенческих годах, относил себя скорее к миру «театров и кофеен» и был в собственных глазах гражданским интеллектуалом. Наблюдалось очевидное поведенческое несовпадение этих двух корпораций – военной администрации, взявшей на себя функции чиновничества в крае, и интеллектуалов гражданско-либерального крыла, представители которого были немногочисленны в Туркестане и попадали туда случайно. Стратонов оказался в чуждой для себя среде, и колкость его отзывов о сослуживцах, по всей видимости, определялась не столько особенностями его весьма непростого характера, сколько радикальными мотивационными расхождениями.

Тем не менее его интеллектуализм пленял, и он умел находить общий язык с наиболее влиятельными фигурами в крае. Например, в отличие от сослуживцев, у Стратонова были прекрасные дружеские отношения с генерал-губернатором – «полуцарем», часто заезжавшим к нему в гости и в одиночку, и с семьей, что крайне раздражало коллег Стратонова, особенно тех, кто имел более высокий чин. Указанное несовпадение интересов и ожиданий сразу же постави-

ло Стратонова в сложное конфликтное положение с директором обсерватории Д. Д. Гедеоновым. Стратонов описывает его как ленивого ожиревшего человека. Между тем Гедеонов был неплохим геодезистом-теоретиком, его именем назван один из разработанных им геодезических методов. Кроме того, в качестве «производителя астрономических работ»¹⁹ именно он был членом Русско-Английской комиссии для определения северо-западной границы Афганистана, не говоря уже об обширнейших топографических съемках, произведенных им в западной части Туркестанского края.

Со стороны действительно могло показаться, что военные геодезисты просто мчатся по накатанной колее карьерного роста, не обременяя себя лишними заботами. В воспоминаниях В. В. Стратонова есть такие строки: «Эти офицеры быстро делали карьеру по своей прямой дороге в ведомстве <...> они не имели нужды очень заботиться о своей карьере. Геодезистов в России было мало, а воинских геодезических постов относительно много. Карьера каждого была обеспечена в порядке простой очереди» (с. 222). Вероятно, так оно и было. Однако пребывание в «очереди» отнюдь не являлось праздным ожиданием. Корпус топографов формировался в основном из кантонистов – наиболее одаренных солдатских детей. Образование, которое они получали в Школе топогра-

¹⁹ См.: *Гедеонов Д. Д.* Астрономические определения пунктов в Закаспийской области, северо-западном Афганистане и Бухарском ханстве, произведенные в 1885–1886 гг. // Записки Военно-топографического отдела. СПб., 1886. Ч. XLI. С. 1.

фов, можно было назвать высшим – сферическая тригонометрия, высшая геодезия, гравирование, словорезание и т. д. Однако возможность стать офицерами они получали только по истечении 8–12 лет беспорочной службы в солдатском звании. При тогдашнем отношении к солдату вынести это испытание могли не все. Высоких чинов добивались только самые терпеливые, целеустремленные и... «серые», относящиеся к своему делу серьезно и честно, хотя и без излишней эмоциональности. А люди с живой натурой и тонкой душевной организацией (то, чего так не хватало Стратонову) не всегда благополучно доходили до финиша – удачной должности или отставки в высоком офицерском чине²⁰. По достижении высоких чинов избранные геодезисты действительно получали необременительные административные должности, которые можно было бы назвать синекурой (что и наблюдал Стратонов, работая в Ташкентской обсерватории). Но путь к этим должностям был тернист. Постоянная смена

²⁰ Составители юбилейного издания, посвященного 50-летию основания Корпуса топографов, писали, опираясь на собственный опыт: «...будучи в одно и то же время и солдатом, при тогдашних понятиях о дисциплине и отношениях офицеров к нижним чинам, и человеком, получившим некоторое образование и имеющим некоторые надежды в будущем, они (топографы солдатского и унтер-офицерского звания. – *К. И.*) не могли не падать духом, не делаться равнодушными к своей службе и положению. Необходимо было обладать очень твердой волей и энергией, чтобы в таком положении не предаться порокам и разврату и остаться на той нравственной высоте, которая требовалась от топографа для производства в офицеры» (Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872. СПб., 1872. С. 96).

климата во время непрерывно длящихся экспедиций, в том числе в малообитаемых уральских и зауральских регионах, приводила к развитию тяжелых болезней. Непрерывная работа с оптическими инструментами портила глаза. Все это требовало терпения, выносливости и умения сохранять профессиональные навыки в ситуациях очень далеких от даже приблизительного комфорта. Надо иметь это в виду, читая ироничные отзывы Стратонова о своих сослуживцах.

После десяти лет работы в Ташкенте Стратонов, отчасти из-за длительного конфликта с директором обсерватории Д. Д. Гедеоновым, отчасти из-за желания обеспечить более широкие перспективы своей постепенно увеличивающейся семье (в это время у него подрастали двое детей), покидает обсерваторию и после довольно продолжительных – около года – хлопот в Петербурге получает место помощника начальника военно-народной канцелярии наместника на Кавказе И. И. Воронцова-Дашкова. Летом 1905 г. он с семьей переезжает Тифлис. Здесь Стратонов работает до 1912 г., выполняя разнообразные поручения, в числе которых были разбор апелляций по гражданским делам, административные ревизии различных районов Кавказа, выпуск кавказских справочников-календарей и др. Став жертвой одной из многочисленных интриг при дворе наместника, Стратонов был вынужден оставить должность. Здесь опять надо принимать во внимание ангажированность Стратонова, иногда необъективного в отношении своих оппонентов. Например,

будучи редактором газеты «Кавказ», он отзываясь о другой местной газете – «Голос Кавказа» – как о «газетке бутербродной» (с. 281). Между тем это издание не уступало «Кавказу» ни по числу полос, ни по оформлению, ни, насколько я могу судить, по качеству публикуемых текстов.

Стратонов подробно повествует о своей службе на Кавказе в должности крупного чиновника. Здесь он опять воспринимается чиновничьей средой как лицо более или менее чужеродное. Его коллеги уничижительно называют его «астрономом», полагая, что это обстоятельство является препятствием для надлежащего несения службы. Он описывает двор наместника графа И. И. Воронцова-Дашкова и многочисленные служебные дразги, уделяет много внимания национальной политике на Кавказе и дает подробную характеристику каждому чиновнику, с которым ему довелось столкнуться. Это был, пожалуй, самый монотонный период в его жизни, не отмеченный сколько-нибудь крупными событиями, но плотно насыщенный рутинной чиновничьей работой. Небольшое исключение составляет период революции 1905 г., усиливший сепаратистские настроения на Кавказе и породивший несколько крупных манифестаций. С точки зрения фактографии описания Стратонова, вероятно, весьма достоверны. Нам удалось обнаружить в тексте его воспоминаний только одну подтвержденную конфабуляцию (см. об этом ниже). Но следует осторожно относиться к его свидетельствам в случаях чрезмерно эмоциональных оценок.

После того как Стратонов покинул Кавказ, ему после продолжительных мытарств удалось устроиться контролером Государственного банка (он служил в Муромском и Тверском отделениях последовательно). В январе 1917 г. ему удалось, наконец, получить место управляющего Ржевским отделением Государственного банка. Он проработал в этой должности ровно год, после чего ему пришлось подать в отставку из-за служебных осложнений, возникших в результате большевистского переворота. Потеряв место, Стратонов переехал в Москву, где пытался восстановить академические связи. В 1918 г. он смог получить место «ученого консультанта» научного отдела Наркомпроса. В 1919 г. он становится профессором Московского и Туркестанского университетов. Кроме того, после возникновения Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ) Стратонову удалось включить «свой» дом в число московских домов, предназначенных для вселения профессорских семей, лишившихся жилья в ходе революционных событий. Одновременно он становится членом жилищной комиссии при КУБУ. И в МГУ, и в Наркомпросе Стратонов занимал требующие много рутинной работы должности, которых все сторонились. Они были связаны с каталогизацией, составлением смет и прочими мелкими хлопотами. Однако непривлекательность этих должностей компенсировалась возможностями, которые они открывали для человека с богатым опытом административной работы и навыками финансиста. Стратонов хорошо зарекомендовал се-

бя на указанных должностях, и в октябре 1920 г. его избрали деканом физико-математического факультета МГУ.

Все это открыло перед Стратоновым перспективы, о которых он ранее и не помышлял. В 1920 г. он обратился в Наркомпрос с проектом создания в России большой астрофизической обсерватории. Но такая инициатива не могла быть поддержана без учета мнения специалистов. Стратонов решился, используя свои связи в Наркомпросе (с заведующим Научным отделом Д. Н. Артемьевым), составить «анкетный циркуляр» для рассылки ведущим российским астрономам. В воспоминаниях Стратонов пишет: «[Письмо было разослано] от имени Научного отдела и за подписями Артемьева и моей» (Т. II, с. 238). Однако на сохранившейся в архиве копии письма нет никаких указаний на Стратонова, а имя и должность Артемьева указаны, и на письме стоит подпись²¹. То, что имя Стратонова отсутствовало в разосланном документе, косвенно подтверждается и тем, что оно не упоминается ни в одном из ответных писем²². Наконец, в ранней публикации Стратонова, которую могли прочесть как Артемьев, так и его корреспонденты, Стратонов не упоминает о своей подписи под письмом: «В марте 1920 года от имени Научного отдела и за подписью Д. Н. Артемьева был разослан анкетный циркуляр группе русских астрономов, причастных

²¹ См.: *Артемьев Д. Н.* [Письмо о постройке обсерватории] // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Ед. хр. 274. Л. 2–2 об.

²² См.: Там же. Л. 4–22.

к астрофизике, в котором сообщалось о новом начинании и приводился проект программы работ, могущей быть поставленной новому учреждению»²³. Хотя, строго говоря, это свидетельство тоже не совсем точно. В письме Артемьева не говорилось, что письмо предназначено для опроса многих специалистов, и оно никак не напоминало «анкетный циркуляр», о котором говорит Стратонов. Это был обычный запрос, не содержащий указаний на то, что производится масштабный опрос.

У Стратонова и Артемьев были основания не раскрывать до времени имя автора проекта. Стратонову это было выгодно, потому что незадолго до этого у него были столкновения с московскими астрономами по поводу директорства в обсерватории Московского университета. После смерти П. К. Штернберга возник вопрос об избрании нового директора. По возрасту, должности и выслуге лет им должен был стать С. Н. Блажко, мало сомневавшийся в том, что именно его кандидатура и будет утверждена на выборах. Однако неожиданно для всех на заседании предметной комиссии Стратонов поднял вопрос о том, «чтобы с избранием повременить, потому что для столь сильной и знаменитой, благодаря Бредихину, московской обсерватории нужно было бы директора с настоящим ученым именем» (Т. II, с. 458). В воспоминаниях Стратонов пишет, что он имел в виду кого-нибудь из

²³ Стратонов В. В. Главная Российская астрофизическая обсерватория // Труды Главной Российской астрофизической обсерватории. М., 1922. Т. 1. С. 1–2.

Пулкова, например С. К. Костинского. Однако комиссия не без оснований заподозрила, что он думал, скорее всего, «о своей личной кандидатуре» (там же). Со стороны Стратонова этот шаг был тем более неожиданным (и конъюнктурно предосудительным), что за несколько месяцев до этого именно Блажко дал ему рекомендацию на должность профессора астрономии Московского университета. В итоге директором Московской обсерватории был избран С. Н. Блажко, а Стратонов «возбудил к себе подозрение» со стороны московского астрономического сообщества. Что касается Артемьева, то для него тоже, до тех пор пока проект не получил принципиального одобрения как со стороны специалистов-астрономов, так и со стороны более высокого начальства, анонимная его презентация была менее рискованным шагом, чем открытая поддержка инициативы Стратонова – человека с еще не устоявшимся статусом советского руководителя и специалиста.

Так или иначе, нужно обратить внимание на это стремление Стратонова общаться с коллегами, астрономами и физиками не от своего лица, а через посредство влиятельных государственных инстанций. Это можно интерпретировать, во-первых, как доказательство того, что Стратонов еще не чувствовал себя «своим» среди признанных астрономических специалистов; во-вторых, как сознательную стратегию человека, хорошо понимавшего социальную механику принятия решений в бюрократическом аппарате. В рассматри-

ваемый период все организации, к которым обращался Артемьев, номинально были подчинены Наркомпросу, и потому письмо из этой инстанции должно было восприниматься как официальный запрос, обязательность ответа на который диктовалась административным регламентом²⁴. Таким образом, Стратонов ставил своих коллег в ситуацию, когда невозможно было использовать наиболее эффективный прием против «чужака» – игнорировать его действия и замалчивать его инициативы. Кроме того, Стратонов мог надеяться, что ему удастся выяснить, чего ждут от этого начинания ведущие российские специалисты, и одновременно оценить шансы на то, чтобы стать директором планируемой обсерватории.

Здесь все сплелось в одно: и чутье астрофизика, и опыт административной работы, и склонность к риску финансиста. В целом Стратонов достиг чего хотел. Его проект оказался пригодным не только с точки зрения соответствия взглядам того времени – потребности каждого крупного государства обладать собственной большой астрофизической обсерваторией, но и с точки зрения условий, стимулирующих социальную активность специалистов и даже целых научных коллективов. Номинально этот опрос можно считать первым

²⁴ Ощутимую действенность регламента можно почувствовать, например, в том, что специалисты Пулковской обсерватории, получившие письмо Артемьева как на общий адрес обсерватории, так и индивидуально ведущим астрономам, ответили по такой же схеме: составили отзыв от лица коллективного совещания, а затем отправили каждый свой ответ.

широким обсуждением перспектив развития астрофизики в России. Из-за отсутствия обратной связи и уклонения от открытой дискуссии это обсуждение было слегка тенденциозным, тем не менее оно дало возможность авторам отзывов сформулировать свое видение ряда астрофизических вопросов. Одновременно результаты этого опроса дали Стратонову материал для резюме, маскирующего выявившиеся противоречия, и таким образом создали впечатление единогласной профессиональной поддержки проекта.

Стратонов «продавил» свой проект и стал председателем организационного комитета по постройке обсерватории, минуя практикуемую в академическом сообществе процедуру избрания на должность. Единственным мероприятием, которое с большой натяжкой можно было считать собранием, передавшим Стратонову полномочия в постройке обсерватории, могло быть «одесское совещание», о котором он упоминает в официальной публикации из первого тома «Трудов ГРАФО»²⁵. Однако остается неизвестным, имело ли оно место в действительности. Если судить по публикуемым воспоминаниям, Стратонов ездил в Одессу в первый раз в 1920 г., чтобы отыскать дочь, связь с которой он потерял во время Гражданской войны. Ни о каких встречах с астрономами он не упоминает. А вторая поездка состоялась уже после назначения Стратонова председателем организационного комите-

²⁵ См.: *Стратонов В. В.* Главная Российская астрофизическая обсерватория... С. 13.

та по постройке обсерватории.

Будучи деканом физико-математического факультета, Стратонов принимал активное участие в политической борьбе профессоров Московского университета за «автономию» высшей школы, которую она получила благодаря принятию Временным правительством нескольких законодательных новелл²⁶. Народный комиссариат просвещения (НКП) попытался дезавуировать их, но профессора успешно сопротивлялись. Решительная попытка НКП взять инициативу в свои руки была предпринята осенью 1920 г., когда одновременно были выпущены два декрета – один об органах управления, а другой – «о порядке положения профессорского и преподавательского состава». Этими декретами упразднялся профессорский совет как главный орган управления университетами. В новом положении говорилось, что президиумы факультетов утверждаются Главпрофобром²⁷, а правления вузов назначаются НКП из числа кандидатов, выдвигаемых профессорско-преподавательским составом, студенчеством и любыми другими организациями, заинтересованными в результатах работы университетов²⁸.

²⁶ См. об этом: *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 274–276.

²⁷ Главное управление профессионального образования было учреждено в составе НКП в начале 1921 г. для руководства подготовкой кадров для всех отраслей народного хозяйства.

²⁸ Положение о научных работниках Высших учебных заведений // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1921.

На этом этапе реформы главные государственные и политические органы Советской России – Политбюро ЦК РКП(б) и Совнарком – еще не вмешивались в дела высшей школы, полагая, что НКП вполне контролирует ее. До сей поры речь могла идти только об административном соперничестве, хотя сложная для НКП ситуация уже начинала провоцировать его руководителей перейти к методам политической борьбы. Так, в апреле 1921 г. в дополнение к новому положению лидерами НКП было выработано еще одно – внутреннее – распоряжение. Было предложено создать в составе правлений вузов так называемы «тройки», которые должны были состоять из ректора и двух советников при нем, из которых один должен быть студентом. После первой же попытки ввести «тройку» в правление Московского высшего технического училища профессора этого вуза объявили забастовку.

Так был создан прецедент, который поставил руководителей НКП перед серьезным выбором. Нужно было решить, как вести себя по отношению к высшей школе. Идти ли навстречу требованиям профессоров и, следовательно, хотя бы отчасти принимать навязываемую ими «автономию» университетов, предоставляя профессорам право самостоятельно определять внутренние нормы деятельности университетов, или подавлять всякие попытки профессоров в этом направлении в надежде, что политика в отношении к вузам в конечном итоге приобретет отчетливые формы. Лидеры

НКП не решились брать на себя ответственность в этом вопросе и обратились в Политбюро ЦК с просьбой выработать окончательное решение²⁹.

Мнения лидеров партии разделились. Например, А. Д. Цюрупа и А. И. Рыков резко осуждали Луначарского за столь поспешное введение жестких мер. Вопрос долго дискутировался в Политбюро. Было принято компромиссное решение. Чиновника, сделавшего распоряжение о введении «тройки», отстранили от должности. Три человека, назначенные в правление Высшего технического училища (непосредственная причина, вызвавшая бурное негодование профессоров), также были отстранены. Вместо них были выдвинуты другие кандидаты, которые устраивали профессоров, но всему преподавательскому составу Высшего технического училища был объявлен строгий выговор с предупреждением, что «всякое применение прекращения занятий вместо законного обжалования в следующий раз вызовет не менее, чем арест»³⁰. Так был сделан первый шаг к тому, чтобы начать политическую борьбу с профессорами. В НКП,

²⁹ Луначарский писал Ленину 12 апреля 1921 г.: «Мне хочется, чтобы мысль моя была понятна: или дайте директиву на сговор [с профессурой], и тогда я возьму дело в свои руки и доведу его до конца, хотя придется пережить несколько конфликтов с очень зарвавшимися комячейками, или дайте директиву в духе строгости, тогда я предоставляю действовать гг. Покровскому и Преображенскому, только изредка давая те или иные частные указания» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 1173).

³⁰ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 14 апреля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 150.

пытавшемся спасти сильно зашатавшуюся после забастовки репутацию авторитетного ведомства, была произнесена недвусмысленная фраза о «контрреволюционности московской профессуры».

С конца 1921 г. к реформе высшей школы начинают все плотнее подключаться подразделения с репрессивными функциями – Государственное политическое управление (ГПУ), Народный комиссариат юстиции и Конфликтный отдел ЦК. Сначала это проводится в закамуфлированных формах – созданием внутри НКП подразделений, штат которых набирается из людей, имеющих опыт жестких действий против «врагов советской власти». Затем ГПУ начинает заниматься организацией репрессий в университетах более откровенно, осуществляя такие мероприятия, как «разработка мер по борьбе с контрреволюционными настроениями» в вузах, «рекомендации по урегулированию положения в вузах», «рекомендации в отношении студенческих и научных обществ и собраний» и, наконец, составление списков «подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок»³¹. По всей видимости, Стратонов попал в упомянутые «списки», поскольку возглавил забастовку профессоров Московского университета с требованием увеличить профессорские оклады, инициированную находившимися в

³¹ Директивы Наркомпросу по реорганизации управления Высшими учебными заведениями (Приложение к Протоколу № 24 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 10 мая 1921 г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 161. Л. 6–7.

бедственном положении математиками физико-математического факультета. Он подробно описывает эти события в конце третьей части воспоминаний.

С начала 1922 г. НКП играет второстепенную роль в форме. Проекты сначала подготавливаются представителями ГПУ, затем утверждаются на заседаниях Политбюро и затем передаются в НКП в виде четких, однозначных «директив». 8 и 12 июня 1922 г. работник ГПУ И. С. Уншлихт представил в Политбюро отчет, содержащий рекомендации по урегулированию положения в вузах, которые были приняты с рядом незначительных поправок³². Кроме того, на заседании Политбюро 12 июня 1922 г. было принято решение выслать наиболее непримиримых профессоров за границу: «Предложить ВЦИК издать постановление о создании особого совещания из представителей НКВД [Народный комиссариат иностранных дел] и НКЮ [Народный комиссариат юстиции], которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР <...>. Для окончательного рассмотрения

³² Постановление Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». Протокол № 10 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 8 июня 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 296. Пункт 8 с приложением «Предложения тов. Уншлихта»; Постановление Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу «Проект правил о студенческих обществах и собраниях». Протокол № 11 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 12 июня 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 297. Пункт 9.

списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок образовать комиссию в составе тт. Уншлихта, Курского и Каменева»³³. В ночь с 16 на 17 августа все профессора, списки которых были подготовлены Уншлихтом и утверждены Политбюро ЦК, были арестованы³⁴. После непродолжительного содержания в тюрьме и коротких допросов всем им было предложено в течение месяца покинуть Советский Союз, подписав предварительно предупреждение, что в случае нелегального возвращения на родину они будут расстреляны³⁵. Стратонов согласился на высылку вместе с семьей и был отпущен для подготовки к ней.

После освобождения Стратонов немедленно встретился с В. Г. Фесенковым и получил от него согласие стать председателем Организационного комитета ГРАФО. Вскоре после

³³ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу «Об антисоветских группировках среди интеллигенции».

³⁴ В Москве планировалось арестовать 67 человек (поименный список недоступен). Известно, что под домашний арест было помещено 12 человек, арестовано для содержания в тюрьме 16 человек, избежали ареста из-за подтвержденного отсутствия в городе 16 человек, остальные не были найдены в ночь операции. 21 человек из 28 подвергшихся аресту, были вскоре освобождены для выезда за свой счет (см.: *Уншлихт И. С.* Служебная записка В. И. Ленину от 18 августа 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 2603. Л. 1–2; Выписка из Рапорта о состоянии операции по высылке антисоветской интеллигенции на 26 августа 1922 г. // Там же. Л. 3–18). См. также: *Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ, 1921–1923. М., 2005. С. 103.*

³⁵ См.: *Уншлихт И. С.* Служебная записка В. И. Ленину от 18 августа 1922 г.; Выписка из Рапорта о состоянии операции по высылке антисоветской интеллигенции на 26 августа 1922 г.

этого было созвано экстренное заседание астрофизического совещания, на котором Стратонов формально сложил с себя обязанности председателя комитета, передав полномочия В. Г. Фесенкову. 12 сентября 1922 г. кандидатура Фесенкова была утверждена в ГУС³⁶. Стратонов же вместе с женой, дочерью и сыном выехали из Москвы в Петроград 26 сентября 1922 г. и 29 сентября отбыли вместе с другими высылаемыми в Берлин на «философском пароходе». О заграничном периоде жизни Стратонова будет сказано в Послесловии.

В заключение я хотел бы сердечно поблагодарить двух замечательных специалистов, без участия которых эта публикация вряд ли бы состоялась, – профессионального библиографа Юлию Владимировну Иванову и профессионального историографа Полину Александровну Захарчук.

К. В. Иванов

³⁶ Выписка из протокола № 26 Заседания научно-технической секции Государственного ученого совета от 12 сентября 1922 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Ед. хр. 274. Л. 142.

Часть I

Раннее детство

1. Екатеринодар³⁷

Первые воспоминания

Душистый белый снег... Покрываются цветами акаций могильные плиты. В землю вошли эти плиты, над костями казацких старшин. Они привели Черноморское войско³⁸, переселенное волей Екатерины II, сюда, в раздольные кубанские степи.

Церковная ограда окружает старенькую деревянную церковку св. Екатерины, в Екатеринодаре. Беленькая церковь утопает в акациях. Они покрываются в начале лета пряно-ароматными белыми гроздьями.

³⁷ С 1920 г. название города – Краснодар.

³⁸ Черноморское казачье войско, созданное в 1787 г. между Южным Бугом и Днестром, частично было переселено в 1792 г. на Кубань, где заняло Кубанскую пограничную линию по правому берегу реки от ее устья до р. Лаба.

Это – первое из еще отчетливых детских воспоминаний³⁹.

³⁹ Ср. дневниковую запись В. В. Стратонова от 9 января 1889 г. о его детстве: «Как говорят и как гласит метрическое свидетельство, я родился в Одессе 5 апреля 1869 года. Отец мой в то время был там директором Ришельевской гимназии. В то время он уже пользовался всеобщей любовью и уважением, память о которых сохранилась до сих пор в Одессе, в чем мне неоднократно приходилось убеждаться. По общему, почти, голосу, это – замечательная личность (свой голос как сына я устранию). “Восприемниками моими от купели”, выражаясь официальным языком, были гг. [Николай Иванович] Ленц и [Константин Андреевич] Пятницкий, в то время, если не ошибаюсь, – инспектор и учитель той же гимназии, а ныне – и бывший, до последнего года, директор Одесской гимназии, а второй – и теперь директор Ришельевской гимназии. Обоих, но особенно последнего, молва сильно не хвалит; о Пятницком, который, говорят, сам напросился в мои крестные, рассказывают, что он и взяточник, и чуть ли не доносчик etc., etc. Жизнь моя в Одессе длилась до 2-летнего возраста. Осенью 1870 года у отца вышла с попечителем [Одесского учебного округа] история, вследствие которой отец отказался служить и вышел в отставку; об этой истории я поговорю как-нибудь после: она этого заслуживает. После хлопот, связанных с поездкой в Петербург, отец получил место члена суда в Екатеринодаре, куда мы и переехали в апреле [18]71 года. Всего этого времени я, конечно, не помню. Говорят, что я был в детстве вообще тихим ребенком. Сознать себя я уже начинаю приблизительно с трехлетнего возраста. Первые воспоминания, в которых я убежден, [что они] принадлежат мне, относятся к какой-то географической карте, висевшей на шкафу с книгами. Помню, как я был поражен, что на карте города представляются в виде точек. Воспоминания вообще очень смутны приблизительно до пятилетнего возраста. Как бы в беспорядке передо мною проносятся картинки: разбитый старшим братом глобус, в то время, как он показывал мне, что здесь – Америка (таким образом, я подавал надежды стать географом), затем тот же глобус, искусно склеенный дядей Колей [Николаем Исаевичем Стратоновым]; газета “Голос” и книжка с картинками и фигурами, по которым я самоучкой выучился грамоте; церковная ограда Екатерининской церкви, где мы играли детьми; смутно вспоминаются члены нашей семьи. Должно быть, к ближайшему времени относятся воспоминания о моих капризах: напр., однажды при плаче [нрзб] я пошел во двор и выпачкался песком. Вспоминаются смутно два пожара: первый –

Наша семья жила в домике, выходящем на эту Екатерининскую площадь⁴⁰. И здесь, в церковной ограде, любили мы

в двух кварталах от нас в какой-то праздничный день и второй, устроенный моим старшим братом, сестрой и, если не ошибаюсь, Иваном Николичем, в нашем саду. Построили себе домик из палочек и сена и подожгли его; конечно, скоро потушили, но условились не рассказывать об этой игрушке старшим, однако в тот же вечер я донес по начальству, за что на меня долго косились наши любители сильных ощущений. К этому же времени относится данное мне кем-то из знакомых прозвище “философ”, удержавшееся отчасти за мной почти до окончания курса в гимназии. В 6–7 лет у меня уже идут довольно правильные занятия науками: изучаю чистописание, чтение. Занятия идут, насколько помню, с матерью. Характер мой становится довольно капризным. Требуются исправительные шлепки и стояния по углам. Лет семи я начинаю вести дневник, состоящий из перечислений часов вставания и укладывания спать, воспоминаний о таких событиях, как приготовление варенья, прогулки и приходы гостей, часы обеда с воспоминаниями иногда о кушаньях, характеристикой некоторых гостей, и все в этом роде. С большими перерывами дневник этот я вел, кажется, до 11-летнего возраста, но потом его уничтожил. Начал его вести по советам отца. Между тем мои познания обогащаются. Читаю довольно свободно книжки детского содержания, начинаю изучать французский язык, получаю кое-какие сведения и по географии и закону Божьему. Иногда даже размышляю. Во время войны 1877–[187]8 года живо интересуюсь злобами дня, зачитываюсь телеграммами о военных действиях и слежу по карте за успехами русского оружия. Большой восторг возбуждают во мне известия о взятии Плевны и Софии. В каждой телеграмме обращаю внимание на число убитых русских и турок. С этого времени начинается и период занятий с гувернантками и со старшей сестрой Еленой» (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 3. Л. 142–144).

⁴⁰ Ср. с воспоминаниями матери В. В. Стратонова: «Наш дом состоял из шести маленьких комнат с выбеленными стенами, крашеными полами и камышевой крышей. Железных крыш в Екатеринодаре было чрезвычайно мало. Дом стоял в большом дворе, походившем на рощу благодаря множеству фруктовых и других деревьев. Против нас, на площади, находилась Екатерининская церковь. Она была деревянная и очень старая. За церковью виднелась неширокая полоса ве-

проводить ранние детские досуги.

Давно уже нет деревянного дома под соломенной крышей, где мы жили. Он принадлежал нотариусу Соломко. Скромный домик заменила каменная громада. Нет больше Екатерининской церковки. Какой убогой показалась она мне в зрелые годы... На ее месте позже был воздвигнут великолепный собор.

Екатеринодар в семидесятых годах

Екатеринодар был тогда небольшим городом, лишь тысяч двадцать населения.

Главная торговая артерия, Красная улица, с одной стороны заканчивалась богадельней. Позже на ее месте воздвигли каменные дома городской больницы. За богадельней был громадный степной пустырь, поросший травой. На нем два раза в год устраивались ярмарки. Они имели тогда большое значение: закупки, особенно продовольственные, производились горожанами на полгода.

Далеко за ярмарочной территорией было кладбище. Нас прислуга запугивала в детстве рассказами о творящихся на нем по ночам чудесах.

Красная улица – низенькие одноэтажные магазины, вперемишку с жилыми домами. Магазины были скорее лавчон-

ками, иногда скрытыми в полумраке за колончатой галереей.

С другой стороны Красная улица заканчивалась громадной площадью. Она охватывала четыре городских квартала. Позже ее застроили: воздвигли атаманский дворец, окружной суд⁴¹ и пр. В ту же пору здесь был только поросший сорной травой пустырь. По нем вечерами проезжали, как по проселочной дороге, казачьи возы, поднимая облака пыли. Везли из ближайших станиц продукты на ранний утренний базар.

Уже подростком, живя в одном из выходивших на эту площадь домов, я устраивал себе развлечения. Ходил я неплохо на высоких, саженных ходулях. Выйду, бывало, темным вечером на площадь, обопрись о телеграфный столб...

Вдали слышится скрип возов. Приближаются...

Сбрасываю внезапно, от головы вниз, сколотые простыни. Иду на возы...

Визг баб... Рев детей... Перепуганные казаки гонят вскачь лошаденку, куда попало.

⁴¹ Неточность, в 1871 г. здание окружного суда, в котором предстояло служить отцу В. В. Стратонова, было уже построено, см.: «Вдали, на правой стороне площади, виднелось низкое, длинное, безобразное здание, где помещался открытый в начале текущего года окружной суд. Этот небрежно сложенный дом принадлежал подрядчику-еврею, строившему новый войсковой собор. Помещение суда было тесное, холодное и очень неудобное. Рядом подобный же дом занимало областное правление. Дома эти были единственными в городе, сколько-нибудь по величине пригодными для помещения учреждений. Несмотря на постоянное увеличение состава служащих, на тесноту и всякие неудобства, суд продолжал помещаться в том же доме в течение двадцати с лишним лет» (Там же).

Здесь же происходили смотры казачьим полкам, устраивались и джигитовки.

За площадью этой, в сторону Кубани, была еще старая «крепость». Она когда-то защищала столицу переселившихся на Кубань черноморцев от нападений черкесов. Помню еще существовавший крепостной вал, а посреди крепостной территории деревянную церковь. Это была первая церковь, построенная казаками на Кубани. Называлась она собором⁴², хотя в городе существовал уже и другой, новый собор – на Красной улице.

На моих глазах этот старенький собор и разбирали. Больно было смотреть, как церковь таяла, обращаясь в кучи бревен и досок...

На большую площадь выходил сад, сначала называвшийся «войсковым», а позже ставший «городским». От детства сохранился в памяти куплет из «Орфея в аду»:

Когда я был аркадским принцем,
По Красной улице гулял,
И, направляясь к богадельне,
В сад городской я вдруг попал⁴³.

⁴² Имеется в виду шестиглавый войсковой Воскресенский собор.

⁴³ В оперетте французского композитора Жака Оффенбаха «Орфей в аду» (либретто Г. Кремье), впервые исполненной в Париже в 1858 г., а в России – в 1865 г. (в переводе-переделке В. А. Крылова; изд. – СПб., 1866), каждый куплет Стикса (в прошлом – короля Беотии, поступившего после смерти в лакеи к Плутону), переименованного переводчиком в Ваньку-Стикса, начинался словами: «Когда я был аркадским принцем».

Хорошо там бывало, в этом городском саду, на широчайших – как казалось в детстве – аллеях, на площадках, где гремела по вечерам казачья духовая музыка, в таких удобных для детских игр густых порослях между аллеями... Радостно было обнимать развесистые вековые дубы. Для их объёма сплетали свои вытянутые руки пять-шесть ребятишек...

Под одним из вековых дубов, у старого «собрания»⁴⁴, обедала когда-то – так гласила легенда – «сама императрица Екатерина», которая, между прочим, здесь никогда не бывала.

А войсковые празднества! А благотворительные «народные гулянья»!

Аллеи из акаций разукрашены гирляндами разноцветных бумажных фонариков с огарками. И часто, когда свеча догорает, к нашей радости вспыхивают сами фонари. Иногда и мы этому помогали ловко брошенным камнем...

На площадках сияют «звезды» и «елки» из разноцветных стеклянных шкаликов. Края аллеи унизаны плоскими – глиняными чашками с салом и фитилем. Они чадят и портят воздух... Но какое удовольствие, подкравшись, чтобы не увидели взрослые, толкнуть плоску сильным размахом ноги. Плоска летит далеко в кусты... Ничего, что при этом у самого штанишки заливаются растопленным салом.

Заведовавшая нашим гардеробом бабушка руками разво-

⁴⁴ Имеется в виду войсковое собрание Кубанского казачьего войска.

дила:

– Где это ты, Воля, так выпачкался?

– Право, не знаю...

Эти иллюминации производили большее впечатление, чем виданные в зрелые годы роскошные иллюминации Петергофа или Парижа.

Гремят на гуляньях казачьи оркестры... Войсковой хор певчих – казаки и казачата, в белых черкесках и папахах, с красными бешметами, со свешивающимися с плеч красными башлыками... Лихо разливаются, с присвистом:

Эх-ма, поди прочь, поди прочь, поди прочь;

Скинь-ка шапку, скинь-ка шапку,

Да пониже поклонись!⁴⁵

Или еще:

Ну, что-ж, кому надо – гулял я...

Ну, кому какое дело – гулял я!⁴⁶

Старая скромная ротонда в дни войсковых празднеств разукрашивалась огромными персидскими коврами и взяты-

⁴⁵ Неточность: припев к «Песне цыгана» («Я – цыган-удалец, удалец, молодец...») из «шутки-водевиля», на музыку В. Самойлова, «Цыганский табор», впервые исполненной в 1851 г., звучит так: «Эх-ма, поди прочь, поди прочь – берегись, / Скинь-ка шапку, скинь-ка шапку, да пониже поклонись!»

⁴⁶ Слова из народной песни «На горе-то калина»: «Ну что ж, кому дело, гуляли! Да, / Ну кому какое дело, гуляли».

ми из войскового арсенала арматурами⁴⁷: звездами и узорами из шашек и штыков. Это было потрясающе красиво.

Только одна Красная улица имела право называться городской. По обе стороны от нее Екатеринодар выглядел, как станции старого времени. Маленькие домики – хаты, под соломенными крышами, – посреди дворов. Часто при них и садики. Заборы – везде деревянные.

Тротуары – тоже деревянные, в две или в три доски, закрепленные на поперечных брусках. При дождях почва размягчается, и эти доски танцуют. Торчащие из них гвозди дырявят обувь и калоши. Кирпичные тротуары – лишь на Красной, да изредка у домов богатых.

По сторонам тротуаров – водосточные канавы, иногда широкие и глубокие. В дождливое время они так заливаются, что ребятишкам не только купаться, но и утонуть в них можно. Это и случалось. А зимой на них отлично кататься на коньках – говорю по опыту.

От Красной одна часть города спускалась к Кубани. У реки домики маленькие, точно карточные. Сильно теснятся на склоне Кубани. При пожарах выгорают пачками. А почти каждую весну эта часть города заливалась Кубанью. Из воды торчат тогда соломенные крыши, а между ними плавают

⁴⁷ Арматура (от *лат.* *armatura* – вооружение) – художественные композиции из различного рода оружия, воинских доспехов и знамен, которыми украшались здания и арки.

лодки с домашним скарбом.

По другую сторону от Красной улицы город спускался к озеру-болоту Карасуну. Здесь еще сохранялся старый лес, среди которого когда-то строился Екатеринодар. Отдельные дома тонули среди массы деревьев.

На Карасуне – ныне он засыпан и застроен – происходили катанья на лодках, и на пароме переправлялись в лесок Дубинку, где устраивались пикники, гулянья. Зимой Карасун замерзал и обращался в великолепный каток. Теперь Дубинка занята вокзалом и железнодорожными строениями.

Кроме Дубинки, переходившей в своей крайней части в «дачу Бурсака», на некотором расстоянии от города был лесок Круглик.

Чистяковской роци тогда не было. Ее создатель, городской голова Г. С. Чистяков, был в ту пору еще моим одноклассником, и мы просидели с ним на одной парте почти весь гимназический курс. Я шел одним из первых в классе, Чистяков же любил полениться и нередко поэтому списывал классные работы у меня. Он обладал большой силой, и, когда я, опасаясь взыскания, не позволял ему списывать, Гаврила Чистяков, действуя одними ногами, незаметно сгребал меня под скамью. Учитель видел над партой лишь мою голову. Мне, конечно, влетало. Приходилось ему уступать. Впоследствии Чистяков, – с которым мы всю жизнь оставались друзьями, – уже в роли городского головы, возил меня в коляске, запряженной пожарными лошадьми, показывать свое

детище – рощу, которая тогда напоминала воткнутые в землю карандаши.

Весною и осенью Екатеринодар утопал в грязи. Почва – мягкая, черноземная. В жизни не видел я таких ужасных грязевых озер в городах, какие образовывались здесь, на площадях и улицах. Фаэтоны извозчиков, а также возы нередко опрокидывались. И в грязевых озерах нередко тонули лошади, а порою возницы или седоки.

Моя мать, отправляясь весною или осенью на «вечера», нередко надевала, для перехода через улицы, охотничьи сапоги. А то, вспоминаю, случалось, что родителей сопровождал дворник с громадной охапкою сена и с досками. Сено бросалось в грязь, сверху хлюпали доски. По такому кратковременному настилу родители спешили переправиться через улицу⁴⁸. Иной раз на балы публика свозилась в таранта-

⁴⁸ Ср.: «Самое яркое воспоминание о Екатеринодаре оставила по себе его удивительная, невообразимая грязь. Она не просыхала, начиная с осени, вплоть до самой весны. Иногда она появлялась и летом. С первых дней октября дожди лили, почти не переставая, по целым неделям, а если и прерывались на день, на два, то лишь для того, чтобы возобновиться с новой силой. Немощенные улицы превращались в реки густой, вязкой грязи. В некоторых местах были устроены досчатые переходы через улицы, но они были покаты, скользки и с них часто сваливались в грязь. На деревянных узких тротуарах, проведенных возле канав, было не лучше. Грязь была так глубока, что почти покрывала колеса, ездить и ходить по ней было чрезвычайно трудно. Никакие галоши не помогали делу – нога глубоко увязала в грязи и не хватало сил вытащить ее вместе с галошей. Приходилось обращаться к посторонней помощи – кто-нибудь тянул застрявшую галошу и таким образом помогал вытащить ногу. Чаще же всего нога вынималась без галоши, которая тотчас засасывалась грязью и бесследно исчезала. Мы прибегали

сах, запряженных тройками почтовых лошадей.

После грязи и разлива Кубани – новый бич: полчища комаров! Боже мой, что тогда делалось! Для спасения от комаров в окна вставлялись деревянные рамы, с натянутой в два слоя кисеей; спали под кисейными пологам; курили и дымили во всю. И все-таки тонкий комариный победный писк, перед самым укусом, – нигде вас не оставлял⁴⁹. Лица и тела разукрашивались красными звездами... Мальчишкой я часто взбирался на вершину дуба и там отсиживался от комаров: они высоко не поднимаются.

Летом южное солнце сильно высушивало почву. Улицы покрывались мягким, толстым слоем пыли. Экипажи сопровождалось серым облаком, которое впитывалось открытыми окнами домов.

к разным способам облегчать себе путь. Брели человека с вязанкой сена, которым он устраивал нам переходы, проходили через чужие дворы, перелезали заборы, чтобы добраться до улицы, где был какой-нибудь тротуар. В заборах всегда можно было найти отверстия и лазы, сделанные для своего удобства бесцеремонными прохожими. Иногда, при безвыходном положении, мужчины на руках переносили дам через грязь. Для избежания неудобств с галошами я выписала высокие, непромокаемые сапоги, но это также представляло некоторое затруднение – необходимо было иметь с собой башмаки, чтобы, приходя куда-нибудь в дом, заменять ими грязные сапоги» (*С[тратано]ва О. А.* Указ. соч.).

⁴⁹ См.: «Возле города лежали обширные болота. Разливавшаяся каждую весну Кубань охватывала большие пространства, которые совсем не просыхали. На них произрастали высокие камыши и роились несметные тучи комаров. Эти-то так называемые плавни были рассадниками господствовавших здесь свирепых лихорадок. <...> Бывали дни, когда почти вся наша семья лежала, страдая этой изнурительной болезнью» (Там же).

А что делалось, когда по улице тянулся обоз... Покрикивают казаки на волов:

– Цоб, цобе!

И как будто не замечают – привыкли, что ли, – что они тонут в сером тумане.

С пылью боролись только около скромного деревянного дома на Красной улице, где жил глава области – наказный атаман⁵⁰. Сюда к вечеру выезжал пожарный обоз. Бочка за бочкой тонкою струей из кишки выливалась вода на кирпичную мостовую. А прохожие по обеим сторонам улицы завистливо глазуют на создаваемое пожарными блаженство для атамана.

Неподалеку от атаманского дома помещалась и пожарная команда. Во дворе стояла деревянная вышка, а на ее верхушке, по балкончику, день и ночь разгуливал дежурный пожарный, выглядывая, не покажется ли где в городе подозрительный дым или даже огонь.

О водопроводе тогда еще никто не думал. Во всех дворах вырыты были колодцы, часто с журавлями.

Освещение было жалкое и, конечно, керосиновое. Сравнительно светлее было только на средней части Красной улицы. В остальных частях города изредка тускло маячили фонари на столбиках.

Тьмою на улицах великолепно пользовались грабители и

⁵⁰ Наказный (наказной, т. е. по назначению) атаман Кубанского казачьего войска являлся одновременно начальником Кубанской области.

особенно подростки-хулиганы. Каждый вечер, а тем более каждая ночь, давали достаточно материала для уголовной хроники.

Ограбление, или хотя бы беспричинное избиение одиноких прохожих, было заурядным явлением. Часто раздавались ночные вопли:

– Карау-ул!

– Помогите!

Одинокие полицейские, на редких постах, предпочитали тогда спрятаться, как будто их вовсе и нет. С рассветом на улицах нередко находили трупы.

На помощь полиции по ночам часто высылались казачьи разъезды, но и они мало помогали. Кто мог, выходил по вечерам с револьвером в кармане.

Добровольцы. Война

Соборная площадь заполнена народом. Так бывает только в высокаторжественные дни. Но сегодня – обыкновенное воскресенье! Выстроены войска, развеваются трехцветные флаги, происходит молебствие...

И вид площади не совсем обычный. На почетном месте не генералитет стоит в парадных мундирах, а несколько десятков весьма просто одетых людей. На них пиджаки и фуражки, какие тогда носили мещане; многие из них, однако, с медалями на груди.

К ним обращаются с речами, кричат им «ура»... Потом их ведут к установленным на площади столам, заставленным блюдами и бутылками.

Это – торжественные проводы добровольцев! Они едут в Сербию, в 1876 году, в отряд генерала Черняева⁵¹. Их и угощает город.

Как будто немного прошло времени, и соборная площадь снова переполнена. На этот раз густыми рядами стоят пешие пластунские батальоны и конные казачьи полки.

Война объявлена! Великая по своему порыву освободительная война 1877 года⁵².

Жадно перечитываются телеграммы о ходе военных действий, переживаются все ее перипетии. Настроение у взрослых сумрачное... Под Плевной – неудача за неудачей.

Но вот – осенний день, и весь город во флагах. Общее ликование:

– Плевна взята!⁵³

⁵¹ В июле 1875 г. вспыхнуло антитурецкое восстание в Герцеговине, а в августе – в Боснии. Генерал-майор М. Г. Черняев весной 1876 г. с группой добровольцев отправился в Сербию и был назначен главнокомандующим. Летом Сербия и Черногория вступили в войну с Турцией, в дальнейшем в составе сербской армии воевало более 5 тыс. русских добровольцев.

⁵² Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

⁵³ Взятие русскими войсками крепости Плевна 28 ноября 1877 г. предредило исход Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Убийство Александра II

Ясный весенний день. Мне – одиннадцатый еще лишь год. Сегодня весь город на улицах, залитых весенним солнцем. Сады распускаются, покрываются зеленым пухом...

И вот по всему городу разносится весть. Получена телеграмма:

– Убит император Александр II⁵⁴!

Все взволнованы: Государь – и вдруг убит? Поднялась чья-то рука? На тротуарах собираются непривычные для глаза толпы... Развешиваются наспех сшитые черные флаги.

В кругах, где протекало мое детство, это убийство вызвало неподдельное возмущение. Александр II был, конечно, популярен, и благодаря освобождению крестьян, и благодаря балканской освободительной войне. Тогда революционное брожение ограничивалось только кружками зеленой молодежи.

До сих пор вспоминается стихотворение екатеринодарской казачки – девочки Соляник-Краса:

Плачь, о плачь, ты, Русь родная!
Стыд, позор твоим сынам!
Глаз своих не осушая,
Смыть не в силах будешь срам!

⁵⁴ Александр II был убит 1 марта 1881 г.

Чешская колония

Отец мой⁵⁵ был страстным славянофилом, и у нас в доме постоянно находили ласку, а также и обед «братушки» из Болгарии и Сербии. Отец собирал для них деньги, обмундировывал, помогал устроиться в университете, посылал им туда ежемесячные пособия.

И гувернантки бывали у нас, детей, только – русские⁵⁶. По-

⁵⁵ Имеется в виду В. И. Стратонов.

⁵⁶ Вспоминая 12 января 1889 г. о своих гувернантках, В. В. Стратонов писал в дневнике: «В период от 1876 [до] [18]80 года у нас, т. е. у меня с [сестрой] Милой, были три гувернантки. Первая оставила симпатичное впечатление. Была она русская, звали ее Юлией Константиновной. Она сразу как-то сумела меня приласкать и привязать к себе. Как она преподавала нам науки, я не помню. Насколько помню, родители были ею довольны, мы, дети, – тоже. Учились мы с нею французскому, кажется – и русскому, закону Божьему. Арифметику я начал раньше проходить с отцом, с которым и прошел ее почти всю. Поэтому, вероятно, я так недурно знал этот предмет все остальное время; хотя и продолжал далее это изучение с [старшей сестрой] Леной, но под руководством отца. Юлия Константиновна пробыла у нас полтора года и от нас прямо вышла замуж за [Степана Кирилловича] Соколова, который и поныне, кажется, учителем или инспектором [Закавказской] учительской семинарии в г. Гори. Таким образом эта гувернантка оставила самые симпатичные воспоминания. Потом она заезжала к нам, лет девять тому назад; что же с нею теперь, я не знаю. В другом роде была вторая гувернантка, Ольга Дмитриевна Семенова, дочь бывшего директора Ладожской [Кубанской] учительской семинарии, автора известного учебника географии. Вечно надутая, хмурая, постоянно кушающая конфеты, с подвязанной [нрзб] – таковы в моей голове воспоминания о ней. Оказалась она довольно плохо подготовленной, так, что взяла на себя ведение, кажется, только немецкого и русского языков; французским же занималась с нами Лена. Ольга Дмитриев-

следней же из них, специально для обучения нас по-немецки, была чешка из Праги, М. Ф. Фидлер.

на пробыла довольно недолго, чуть ли не два месяца всего-навсего. Уехав, она скрылась из виду. Потом о ней рассказывали, должно быть, злые языки, что она вышла замуж за актера. Иной опять тип была третья гувернантка. Звали ее Мария Антоновна Фидлер. Родом она была чешка из Праги. Не особенно далекая, хотя далеко и не глупая, она была вместе с тем добра и ласкова. Мы все, включая сюда и старших, Славу и Лену, ее сильно любили. Лена, в то время – уже почти взрослая девушка, была с нею просто в друзьях. Как истинная патриотка, она вращалась постоянно в кругу местной чешской колонии, куда, вследствие этого, попадали частенько и все мы, дети. Помню, что собирались, главным образом, у учителя гимназии [Вячеслава Ивановича] Ракушана, где постоянно танцевали и пили пиво. Впоследствии эта колония распалась. Ракушана перевели в Кутаис, а все почти девицы – гувернантки и не гувернантки повыходили замуж. Мария Антоновна была довольно образованная девушка, умело вела преподавание нам немецкого языка, учась вместе с нами у Лены русскому. «...» Кроме немецкого, мы занимались с М. А. музыкой и рисованием, но и тем и другим довольно неудачно. Приходилось в музыке изучать лишь теорию фортепианной игры, ибо для практики были лишь немногие вечера, когда мать, не переносящая этот инструмент, не бывала дома. Понятно, что при таких занятиях толку большого быть не могло и не было. Не больше вышло толку и из занятий рисованием, но это был второстепенный предмет в наших занятиях. Вообще Марья Антоновна оказала большое влияние на мое образование и воспитание, если не качеством, то количеством разнообразных познаний. Все время мы к ней относились в высшей степени дружелюбно. От нас, пробыв в нашей семье два года, она поехала за границу. Оттуда мы, в особенности – я, вели с ней деятельную переписку на немецком языке. Перечитывая ее письма, я с удивлением вспоминаю ту свободу, с которой я их разбирал во времена оны. Через полгода она вернулась в Россию и обвенчалась, почти одновременно с Леной, во Владикавказе с Ракушаном, братом бывшего здесь учителя. С этих пор у нас с нею переписка прекратилась, но в это лето мы с нею встретились. Она приезжала в Новороссийск и была у нас со своими тремя детьми. Мария Антоновна была очень растрогана встречей с нами, но, к нашему стыду, того уж далеко нельзя было сказать о нас, ее питомцах...» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 3. Л. 145–147).

Она сначала удивляла манерой растягивать окончания слов; позже мы узнали, что такова общая манера у чехов говорить. Еще ребенком выучила она меня песенке:

На том пражском мосте
Розмаринка растет;
Жадны ей незалива,
Она пршеце растет⁵⁷.

В старости, попав по злой воле большевиков в Прагу, я с интересом осматривал знаменитый Карлув мост. На этом историческом мосту сколько угодно статуй святых. Но на его каменной асфальтированной броне нет и помина о какой-либо розмаринке, которая растет, хотя ее никто и не поливает...

В Екатеринодаре в ту пору образовалась небольшая, но тесная чешская колония из педагогов чехов, затем пивоваров и нескольких барышень – гувернанток. Следуя примеру отца, еще некоторые знакомые выписали из Праги, по рекомендации нашей Марьи Федоровны, ее подруг. Возглавлял же колонию учитель древних языков в гимназии В. И. Ракушан. Родители разрешали М. Ф. брать меня с собой на их вечеринки, вероятно, в видах практики по-немецки. Но там

⁵⁷ Цитируется популярная чешская народная песня, вот ее полный перевод: На том пражском мосту розмарин растет, Никто его не поливает, он сам растет. Никто его не поливает, он сам растет. Я туда пойду, полью его, Он зазеленеет, я его сорву, Он зазеленеет, я его сорву.

была для меня другая практика: чехи целый вечер пели чешские песни и пили, пили... Пиво поглощалось в сказочном количестве. Стол заполнялся буквально десятками пивных бутылок. Морю выпиваемого пива содействовало участие в колонии пивоваров. А так как хозяин дома Ракушан очень учитывал, что мой отец – друг попечителя учебного округа К. П. Яновского, то и я, мальчуганом, чувствовал себя на этих собраниях неплохо.

После двух лет обучения нас М. Ф. вышла замуж – тоже за пивовара⁵⁸. Через несколько лет она нас навестила уже с целым выводком детей. Вспоминала со слезами время пребывания у нас гувернанткой:

– Это были самые лучшие мои годы!

Познакомившись впоследствии с чешской жизнью, я ее понял. В Чехии женщины и девушки – чернорабочие на семью и на мужчин. У нас же она неожиданно для себя попала на «барское» положение.

Первая любовь

Мне было лет десять, а ей шестнадцать. Она была красавица Ната, дочь видного должностного лица. Ею увлекались многие, в частности – мой старший брат, ее ровесник. На балах для молодежи, куда и меня приводили в нарядном ко-

⁵⁸ Неточность: М. А. Фидлер вышла замуж за учителя танцев Владикавказской Ольгинской женской гимназии О. И. Ракушана.

стюмчике и в белых перчатках, она танцевала нарасхват. Я не мог оторвать глаз от порхавшей по залу красавицы Наты. Она на меня-пигмея не бросала даже и взгляда. Детская душа переживала страдания... Года через два семья Наты переехала жить в Москву, а в моем сердце осталась неизгладимая память о пленительной красавице.

Судьбе угодно было, чтобы почти через полвека, в первые годы большевизма, я встретил свою Нату. Мы оказались обитателями одного и того же дома в Москве, громадного, семиэтажного⁵⁹. Этот дом, по моей инициативе, был советскою властью передан в ведение союза научных деятелей. Но по этой причине мне пришлось взять на себя тяжкую и ответственную обязанность коменданта дома.

Красавица уже давно была вдовой жандармского полковника, старухой под шестьдесят лет, имела взрослого сына эпилептика.

Что за удар для детских воспоминаний!

Старуха мазалась, скрывая свои морщины... Но что всего хуже – имела в своей квартире тайный игорный притон.

На это обстоятельство не раз обращал мое комендантское внимание бывший присяжный поверенный В. А. Орлов, личность, вызывавшая во всех сомнение. О нем даже существовало мнение, что он тайный агент Чека. От Орлова можно было ожидать и доносов и чего угодно. Я неоднократно убеждал Нату частным образом – бросить это грязное дело,

⁵⁹ Имеется в виду дом № 26 по Трубниковскому переулку в Москве.

указывая на возможные и для нее, и для меня, как коменданта, последствия, в случае доноса Орлова. Она отговаривалась, будто ее посещают для игры в карты только ее личные знакомые... Да едва ли она и могла бросить хотя и грязный, но, по условиям жизни в большевицком раю, единственный для нее возможный источник существования.

Дошло один раз до скверной истории. Кого-то слишком обыграли, вышла общая драка, в которой приняли участие и Ната с сыном. Вызвали милицию, составили протокол... Все же, щадя ее и ее больного сына, я не дал делу официального хода.

Но уже невольно мне пришлось причинить Нате весьма крупную неприятность. В наш «профессорский» дом большевицкая власть насильственно вселила два десятка красноармейцев – конюхов соседних кавалерийских курсов. Большие это были нахалы! Их «старший», рыжий парень, – меня фамильярно величал не иначе, как «папашей».

Пришлось разместить эту орду, к тому же еще и привередничавшую, по разным квартирам, где только было место. Жизнь в таких квартирах оказалась вконец отравленной. Вселил я с полдюжины конюхов и в комнаты бедной Наты. Товарищи не только изгадили ее квартиру до самого крайнего свинства, но безжалостно и систематически ее обворовывали, взламывая сундуки и т. п.

Железная дорога

Мертвяще тихая жизнь Екатеринодара вдруг потрясена:

– К нам собираются строить железную дорогу!

Это было в начале восьмидесятых годов. Сомнения, ожидания... Разрешат или не разрешат? Наконец, радостное известие:

– Разрешено!

Обширный район, где до того в черноземных полях казаки плелись на запряженных волами – точно у их предков-чумаков – возах, утопая в ненастье в грязи, где черкесы пробирались на узких двухколесных арбах по горным дорогам, где почтовая тройка уже удивляла скоростью движения... И вдруг – железная дорога!

Разговоры, ожидания, волнения...

– Вот приедут инженеры!

Цены стали вдруг расти, особенно на квартиры.

И они, наконец, приехали – эти давно ожидаемые инженеры, эти особенные люди, с зелеными кантами на форменной одежде и с серебряными пуговицами! Приехали и, не торгуясь, позанимали лучшие помещения в городе – под управления и под свои квартиры.

Они внесли небывалое оживление в жизнь. Кутили, поливали ужины шампанским, сорили деньгами.

Инженеры стали героями дня, любимцами публики. Ба-

рышни и дамы отставили на второй план своих обычных кавалеров – казачьих офицеров в их длинных черкесках. В частных домах, в обществе, в клубах – инженерам принадлежало первое место.

Дорогу повели от станции Тихорецкой, через Екатеринодар, к Новороссийску⁶⁰.

Вот начались и у нас земляные работы! Весь город устремлялся за город смотреть, как за городским садом сотни повозок и тачек подвозили и сбрасывали землю. Чудесным образом, точно в сказке, росла высокая насыпь...

Потом центром внимания стал железнодорожный мост через Кубань. Толпы народа ходили за две версты от города и, стоя на берегах мутной Кубани, смотрели, смотрели...

А берега кишели рабочими! Кессоны опускались в воду. Росли быки⁶¹. Громадные чудовища, невиданные краны – с грохотом цепей опускали развернутые лопасти землечерпалки и вытаскивали со дна Кубани полные ковши ила и грязи.

И вот – свершилось! Сначала появились рабочие «кукушки»⁶², а затем и настоящие паровозы. Стали ходить рабочие поезда, а потом и пассажирские.

⁶⁰ Линия Владикавказской железной дороги от Тихорецкой до Екатеринодара была закончена постройкой в 1887 г., от Екатеринодара до Новороссийска – в 1888 г.

⁶¹ Быки – опоры мостов, возводимые на кессонных основаниях.

⁶² Так были прозваны небольшие паровозы, которые использовались для работ на подъездных путях или вождения коротких, от одного до нескольких вагонов, поездов местного назначения.

Новая эра! Старый Екатеринодар прямо на глазах умирал. Нарождался новый Екатеринодар. Нахлынули дельцы, спекулянты. Стали открываться конторы, появились роскошные магазины.

Жизнь пошла новым темпом, старина отходила.

2. Казачество

Кубанские казаки

Кубанскому казачеству жилось вольготно, земли было много. Наделы тогда доходили: на казачью семью – в десятки десятин, а на офицерскую – до сотни и больше. Жить можно было привольно, богато! Казаки и жили в общем без нужды. Но работать не очень любили. Охотнее сдавали свою землю в аренду пришлым из центральной России – «иногородным». Сами больше жили доходами с труда этих последних, хотя это и не было общим правилом.

Так возник в области весьма многочисленный контингент иногородных, – граждан второго сорта, ограниченных по сравнению с казаками в правах. Это ограничение сыграло весьма плохую роль при большевизме и для казаков, а рикошетом – и для всей России. Затаенное недовольство побудило иногородных, во время походов Корнилова, Деникина и в последующие годы, массами выступить против казаков на

стороне большевиков. Кто знает, как протекала бы борьба с красными здесь, не существуй этого антагонизма? Во всяком случае, внутреннее междоусобие доходило до невероятного ожесточения.

За исключением нескольких станиц: Кавказской, Ладжской, Усть-Лабинской и еще одной-двух, напоминавших русские уездные города, все остальные состояли из типичных малороссийских белых хат, с неизбежным вишневым садиком, с желтыми подсолнухами во дворе, да еще с журавлем-колодцем. Станичные улицы утопали в пыли или в грязи. О мостовых в станицах еще не думали.

Громадные пространства полей отделяли станицу от станицы. И вдоль прежней «линии»⁶³ местами еще догнивали «вышки» старого времени, на которых когда-то дежурили сторожевые казаки, зорко охраняя край от внезапных набегов черкесов⁶⁴.

Да, жилось тихо, спокойно и обильно! Справлялась «царская служба»⁶⁵, на которую семье казака, правда, приходи-

⁶³ Для защиты южных губерний от набегов горцев в 1793 г. по правому берегу Кубани была устроена Черноморская кордонная линия, центром которой стал Екатеринодар; входила в состав Кавказской укрепленной линии, упраздненной в 1860 г.

⁶⁴ Вышка – высокое бревенчатое сооружение, напоминающее тригонометрический «сигнал». Когда сторожевые казаки замечали приближающихся черкесов, зажигали на вышках костры. Соседние вышки повторяли этот тревожный сигнал. Таким огненным телеграфом угрожаемая станица предупреждалась довольно быстро.

⁶⁵ «Царская служба» – казачья воинская повинность.

лось порядком тратиться, потому что казак должен был являться на службу со своим конем и обмундированием. Но в последующие за службой годы – довольно безмятежная сытная жизнь и только немного работы.

Флегматичность, неподвижность, лень и любовь к горилке и люльке были чисто хохлацкие.

Как-то ехали мы целою семьей в Новороссийск. Около Копыла, позже переименованного в станицу Славянскую, – переправа на пароме через Кубань.

Ямщик, соскочив с козел, бегаёт, «гукает» паромщика:

– Алексей! А, Алексей!!

Молчание.

Бредет на поиски. На самом берегу, под стогом сена, слышен храп.

– Алексей! Подай перевозу!

Храп.

– Алексей! Чи це ты?

Шевеление. Зевок во весь рот.

– Ни! Це не я...

Повернулся на другой бок. И снова раздался храп.

Отцу, вместе с ямщиком, толчками в бок и угрозами, удалось, наконец, внушить паромщику, что Алексей – это именно он сам и есть.

Кубань... Эта мутная, быстрая река от детских лет представлялась мне особенно грозною. Много страшного наслушался я в детстве о том, как в ее бурных водоворотах тонут

беспомощно казаки, а особенно казачата. И когда в темноте приходилось переплывать через эту мутно-загадочную реку, тускло отражавшую в ряби течения свет паромного фонаря, в душу западал страх:

– Скорее бы на ту сторону...

Переправа, длившаяся десятков минут, казалась бесконечной.

Военный центр

Екатеринодар был тогда только военно-административным центром, с ничтожно развитой промышленностью. Она стала расцветать лишь после проведения железной дороги. До того же времени военная казачья жизнь служила главным интересом.

На улицах – почти исключительно казачьи бешметы или черкески. Иногородных крестьян или торгашей армян – только немного. Лучшие дома – военные учреждения, да еще жилища более богатых казаков.

Казачьи полки и сотни на пыльных улицах... Двигаются ряды за рядами – песенники впереди. В разноцветных черкесках, в больших барашковых папахах – даже в лютую жару, на лошаденках всевозможных мастей. Сверкают на солнце винтовки, искрится грань шашек и кинжалов; колышутся

цветные сотенные значки⁶⁶...

А казачьи джигитовки! Сколько захватывающего в этой конной игре казаков, безумно смелой, рискованной для жизни.

Наклонится казак на полном карьере, скользнет под брюхо лошади, – и вот он уже на другой стороне коня и снова в седле... Мчится казак, стоя на седле и размахивая ружьем... Подхватывают казаки на полном скаку мнимо раненного товарища... Два-три скачущих образуют вместе сложную группу, иногда даже двухярусную!

Ну, иной раз на плацу увидишь, как сорвался бедняга, и его уносят...

Празднества в высокаторжественные дни!

В арсенале, на окраине города, хранились войсковые регалии: старые казачьи знамена, затем знамена, отбитые в боях у неприятеля; булавы, перначи⁶⁷, царские грамоты войску в роскошных бархатных папках и т. п.

В высокаторжественные дни все эти регалии выносились к войсковому собору. Составлялась длинная процессия из офицеров, урядников и почтенных седобородых казаков. Торжественно несут среди улицы лес знамен и другие рега-

⁶⁶ Сотенные значки носились на пиках в конных казачьих полках; имели вид кавалерийских флюгеров (флажного изделия с треугольным вырезом с краю), состоявших из двух половин с косицами: верхняя была по цвету войска, нижняя соответствовала номеру сотни.

⁶⁷ Пернач – род булавы, навершие которой снабжалось металлическими пластинами («перьями»), которых могло быть до двух десятков.

лии, каждый с двумя ассистентами. Толпы народу сопровождают процессию по тротуарам.

На соборной площади происходил казачий круг; совершалось молебствие. Потом парад, салют из пушек, и длинная процессия в том же порядке относила регалии в арсенал.

Но вся масса кубанского казачества была малокультурной, диковатой. С женами нередко обращались жестоко. По бои жен нагайкою случались не только в простых казацких семьях, но бывали и в офицерских – я лично бывал тому свидетелем.

Казакам была свойственна скупость, доходившая до таких, например, курьезов, как отобрание ранее сделанных подарков. Эта манера породила и особый термин:

– Черноморский подарок!

Значит, подарок, который может быть и отобран дарившим.

Отношение к русским

Среди кубанского казачества и тогда существовала определенная враждебность к русским. Корни враждебности уходили к Запорожской Сечи, но, должно быть, усилились насильственным переселением казаков на Кубань. С годами враждебность затихала, но никогда не умирала. И она явно и пагубно выявилась в эпоху борьбы генерала Деникина с

большевиками.

С этой враждебностью мы столкнулись тотчас же по приезде в Екатеринодар. Москали или кацапы – такое прозвище было для нас обыденным на протяжении долгого ряда лет. Более культурные казаки выражались корректнее:

– Мы – казаки; вы – русские...

По приезде нам трудно было, например, найти себе приют; не давали квартир в наем:

– Не дадим москалям!

С этим русофобством доходило до курьезов. На большую площадь, около самого городского сада, выходила усадьба старика Дубоноса. Этот черноморец так вознегодовал на приезд в кубанскую столицу, при введении в области новых судебных учреждений, ненавистных ему москалей, что – как говорили – поклялся никогда, пока жив, не выходить со своего двора. Так до смерти, будто бы, и не выходил. Мы, мальчишками-гимназистами, любили засматривать сквозь щели дощатого забора, что делает в своем дворе старый строптивец⁶⁸.

⁶⁸ См.: «Общество чиновников, съехавшихся в Екатеринодар из разных концов России, было очень маленькое. Состав окружного суда, хотя и небольшой, весь состоял из приезжих; в администрации же, кроме наказного атамана, вице-губернатора и еще двух лиц, все служащие были кубанские казаки. С местным обществом, к сожалению, трудно было сойтись, так как кубанцы, за исключением весьма немногих, смотрели на нас как на нежеланных пришельцев. Многие из видных местных жителей воспитывали своих дочерей в институтах, и между ними встречались очень милые барышни; сыновья же их все поступали на службу в кубанское войско. Старый кубанец, полковник Д[убонос], очень недовольный

На ту же площадь выходил старый, с колоннами, как строилось в старину, белый дом кубанского легендарного героя, старика генерала Павла Павловича Бабыча⁶⁹. О нем в казачьих военных песнях распевалось: «Едет Бабыч в белой бурке!»

Помню и сейчас невысокого, плотного, с седою низко стриженной головою маститого старца. Он любил летом сидеть, в белом кителе, на своем балконе с колоннами. Этот дом был дружески открыт для русских. Его сын Михаил был карским военным губернатором⁷⁰, а позже кубанским наказным атаманом. М. П. был затем зверски замучен большевиками.

Немалую роль в смягчении отношений между русскими и казаками сыграл бывший в семидесятых годах долгое время

как новым преобразованием в Кубанской области, так и вторжением в их край чуждых людей, решил никогда больше не выходить из своего дома, что и исполнял неуклонно. У Д[убоноса] была хорошенькая дочь-институтка. Двое приезжих молодых людей, встречаясь с барышней в обществе, пожелали познакомиться с семьей Д[убоноса] и отправились к нему с визитом. «Что вам угодно?» – встретил их в гостиной сам Д[убонос]. Огорошенные приемом, сконфуженные визитеры поспешили откланяться, решив на будущее время не делать подобных попыток. Были и приятные исключения. Семья генерала Б[абыча] отнеслась к приезжим в высшей степени дружелюбно. В семье были дочери-институтки и сыновья-офицеры. Б[абычи] жили открыто и часто у себя принимали» (*С[тра-тоно]ва* О. А. Указ. соч.).

⁶⁹ Правильно: Павел Денисович.

⁷⁰ Карс – город на северо-востоке Турции, взятый русскими войсками в ноябре 1877 г., по Сан-Стефанскому договору 1878 г. отошел России и оставался в ее составе до 1918 г.

войсковым атаманом генерал Н. Н. Кармалин. Его заслуги для области вообще признавались, хотя едва ли оценивались достаточно. При нем, например, и преимущественно благодаря ему, область впервые покрылась сетью учебных заведений.

Кармалин был дружен с моим отцом, и, по просьбе отца, я навестил в 1894 году, будучи в Петербурге, почтенного старца, бывшего тогда членом Военного совета⁷¹. Старик встретил меня ласково и не отпустил без обеда. На него произвела впечатление моя странная профессия – астроном. Он неоднократно обращал на это внимание за обедом своих детей.

Обедало еще несколько человек посторонних, преимущественно молодых гвардейских офицеров. Старик ко всем обращался не иначе, как на ты. Офицер Молоствов говорил слишком много острот и не всегда удачно. Н. Н. Кармалин обращается ко мне через весь стол:

– Ты, Стратонов, не думай, что у нас всегда говорят только глупости. Иногда разговаривают и поумнее.

Молодые офицеры не обиделись или сделали вид, что не обижаются.

⁷¹ Военный совет – высший законосовещательный орган по делам военного законодательства и хозяйственного управления войсками в 1832–1918 гг.; состоял из председателя – военного министра – и членов, назначаемых по усмотрению императора.

3. Новороссийск

Поездки в Новороссийск

Переезды из Екатеринодара в Новороссийск на лошадях – о железной дороге в ту пору еще и мыслей не было – представляли незабываемую прелесть. Мы ездили почти каждое лето сюда, к морю; ездили в собственном тарантасе, поместительном, как Ноев ковчег. Размещались в нем чемоданы, корзины, узлы, узелочки, матрацы, подушки. Казалось, что при такой нагрузке в тарантас уже никак не втиснешься: все заполнено вещами! А, смотришь, кое-как все и уселись. Сначала сидят недовольные: мешают ноги соседа, стесняет какой-нибудь узел или корзина... Но проедешь несколько верст, – все утрамбовалось: для каждой ноги нашлось свое и вполне достаточное место, и ехать вовсе не плохо.

Станица! Несемся по ее улочкам в облаках пыли. Нас провожает неистовый лай стай собак, мчащихся с высунутыми языками за тарантасом. Казачки – ладонь над глазами – с любопытством выглядывают из-за тростниковых оград...

– Тпру-уу!

Почтовая станция. Отпрягли взмыленную тройку. А новый ямщик уже лихо ведет новую... Побрякивают на дуге колокольчики. Старый ямщик – у крыльца, ждет, снявши шап-

ку, своего двугривенного. А на станции, в комнате для проезжающих, с клеенчатыми диванами и со стенами, украшенными правилами для проезжающих, портретами генералов и следами раздавленных клопов, стол уже завален разными вкусными вещами, извлеченными бабушкой из заготовленных в узлах запасов...

Трясут лошади степной дорогой. Ветер мягко ласкает лицо, раздувает пузырем рубаху ямщика. Колокольчики звенят, ямщик что-то напевает... А из степи несутся теплые, ароматные струи.

Вечереет. Оживает степь. Неумолчно трещат цикады, покрикивают перепела. На полях засветились костры. Поближе к предгорьям по сторонам экипажа носятся рои светляков. Загораются яркие звезды на бархате неба...

– Но-о, родимья! Но-о, кавалергардския... Фью-фьюууу!

– Дилин, дилин! Дилин-дилин!

Голова куда-то склонилась. И дремлет под покачивание тарантаса.

Вот и Крымская станица. Здесь – ночлег.

Радостно, со свежими силами, выезжаем ранним утром. Дорога вьется среди зеленых предгорий. Кое-где, на склонах холмов, виднеются редкие хутора. Все выше и выше поднимаемся к перевалу. Шоссе извивается среди лесистых склонов. Мимо дороги тянется одинокая проволока телеграфа. Она закреплена кое-где прямо на деревьях.

Мы вслушиваемся на станции у телеграфного столба, как

гудит проволока. Хотим в этом гуле разобрать слова передаваемой телеграммы.

Последняя перед Новороссийском станция Липки. Она – среди деревьев, в лесу. Прохладная тень, струится ручеек, птицы заливаются. А где-то наверху заблудившиеся над деревьями клочья застывших на месте облачков.

Приближаемся к перевалу. Местами дорога совсем узка. Пожалуй, и не разъедешь. А то и сорвешься вниз, в пропасть... Ямщик поворачивается, говорит:

– Вот как раз здесь... Осенью этою – тарантас проезжей купчихи сорвался... Оступилась пристяжка, а за ней и тройка свернула. И все – вниз!

– Ну, и что-ж?

– Поразбивались до последнего. Все!

С жутью косишься на глубокое ущелье.

Приближается важный момент, которого ждешь со все возрастающим нетерпением:

– Должно открыться море!

Перевал. И вдруг перед глазами открывается оно – могучее, широкое, уходящее синевой вдаль, где сливается с синевой неба.

Глаз от него не оторвешь... А далеко внизу, как игрушечные детские кубики, белеет кучка домов Новороссийска.

Извилистое шоссе то прячет, то снова открывает панораму моря. Изредка белеют на нем, под солнечными лучами, паруса фелюг. Громадная бухта пуста.

Предгорьями, среди невысоких кустарников и дубков, подъезжаем, наконец, к пустому, безлюдному берегу... Проезжаем по дребезжающим доскам мостик через Цемесское болото. И с особою нежностью смотрим на мягкие волны, лениво, точно по обязанности, лижущие берег. Позже впечатлительность притупляется, и уже привыкаешь и к морскому рокоту, и к шепоту волн. Но первая встреча с морем, после годовой разлуки, глубоко волнует!

Новороссийск в семидесятих годах

Тогда, в семидесятих и восьмидесятих годах, Новороссийск был еще совсем маленьким городком. Весь можно было бы обойти в полчаса, а то и быстрее. Сотня, или около того, маленьких одноэтажных домиков, построенных из серого местного «дикаря» или из белого ноздреватого камня, привозимого парусниками из Керчи. Крыши – всюду черепичные. Никаких мостовых, никаких тротуаров.

Домики ютились возле приморской крепостцы, со стенами из «дикаря», прорезанными узкими бойницами. Крепостца почему-то называлась адмиралтейством. В ней помещалась «гребная флотилия»: два-три десятка матросов, с одним офицером. Флотилия состояла из полдюжины гребных катеров и фелюг.

Возле адмиралтейства – базарная площадь; за нею – небольшое число уже последних городских домиков. Вдали,

за городом – пороховая башенка.

Поодаль, на площади, около единственной и очень скромной церкви, позже называвшейся собором, стояли долго еще потом сохранявшиеся казармы. В них расположена была местная воинская команда. Этой старинной казармой городок здесь и заканчивался.

На некотором расстоянии от Новороссийска, отделенная от него пустырем, расположилась небольшая станица. Еще дальше виднелись развалины старой турецкой крепости.

Цемесское болото тоже отделялось от города незастроенным пустырем. За болотом следовали предгорья, покрытые дубками, кизилем, можжевельником, держи-деревом⁷² и пр. Никаких жилых построек... На этом месте позже возник целый привокзальный город, а также нефтяной и цементные заводы, а далее в ущельях – целый ряд дач.

Иностранцев в Новороссийске, если не считать греков и турок, тогда еще не было. Греки занимались торговлей и хлебопечением. И удивительно вкусными казались на морском воздухе продукты греческих пекарен: большие булочки и свежий хлеб! Турки же, превосходные моряки, занимались по преимуществу рыболовством.

Уже позже, на противоположной от города стороне бухты, появился первый цементный завод, на котором хозяева-

⁷² Держи-дерево (Держидерево тернии Христа) – листопадный кустарник; из его побегов, усеянных острыми двунаправленными колючками, был сплетен, согласно легенде, терновый венец Иисуса Христа.

ми были немцы, преимущественно прибалтийские. С нахождением же нефти около станицы Ильской, открылось нефтяное предприятие «Штандарт», где хозяевами были французы.

Дачная жизнь

Дачники наезжали почти исключительно из Екатеринодара. Они находили приют в освобождаемых на лето комнатах у местных горожан, в пустующей летом единственной в городке школе и т. п. О комфорте заботились мало. Спали на простых сенниках и довольствовались самой скромной мебелью, которую брали напрокат на лето в лавчонках. Гостиниц в Новороссийске еще вовсе не было. Были только весьма первобытные номера, которыми некоторые и пользовались.

Вся прелесть новороссийской летней жизни состояла в приобщении к морю, в купаниях. В великолепной бухте не было еще и намека на набережную, молы и пр. На берегу, возле адмиралтейства, стоял десяток деревянных будок-купален, на вбитых во дно столбах. Купальни соединялись с берегом мостками. В сильное волнение мостки сносило на берег, а купальни жалостно склонялись, под напором воды, на бок и зывали о ремонте. В сильные бури сносило, впрочем, на берег и их.

Купальни принадлежали местному чиновничеству и купцам. Приезжие, по знакомству или в качестве жильцов, по-

лучали, как символ права на пользование купальнею, ключ от двери, подвешенный на пробке: ключ часто попадал в воду...

Летняя жизнь сосредотачивалась на берегу. Сюда три раза в день собирались для купания: утром, днем и вечером. На берегу скоплялось все население городка. Более пожилые и интеллигенция пользовались купальнями. Остальные – особенно молодежь – раздевались на берегу и купались в адамовой простоте, без купальных костюмов. Только женщины из интеллигентной среды надевали купальные костюмы – наподобие ночных рубах.

А пляж в Новороссийске был тогда неплохой. На некотором расстоянии вдоль берега дно было песчаное. Потом это место, при постройке порта, было засыпано. Стали купаться на камнях.

Тихо протекала жизнь. Ничего подобного тому промышленному и спекулятивному грохоту, который впоследствии так испортил идиллическую до того жизнь городка.

Норд-ост

Летняя жизнь иногда отравлялась местным ветром – бурей, или, как его здесь, в соответствии с направлением, называют, – норд-остом. Это – воздухопад, обрушивающийся по временам с ближнего горного хребта на приморскую береговую полосу. Средина полосы норд-оста – у Новороссий-

ска. Иногда норд-ост достигает страшной силы.

Это случается по преимуществу зимой. Норд-ост бывает тогда губительным для судов. На рангоуте⁷³ брызги леденеют, и, вследствие перемещения центра тяжести, суда иногда опрокидываются и гибнут. Нередко суда выбрасывались норд-остом на берег. Брызги уносятся ветром над городом далеко от берега, покрывая подветренные стены и черепичные крыши домов ледяной корой.

Летом норд-ост – его в простом народе прозывали: «мордос», – редко бывает так грозен. Все же, когда он сильно задувает, жизнь почти замирает. Город утопает в облаках пыли, проникающей во все отверстия в домах. Выходить на улицу – сущее мучение.

По счастью, сильные норд-осты бывают не часто. Длятся они обыкновенно не дольше трех дней, изредка – от недели до десяти дней.

Когда задует норд-ост – а он часто срывается внезапно – вся громадная бухта становится темно-синей и покрывается сотнями тысяч крупных белых барашков. Воздух наполняется унылым, изводящим воем ветра...

Пароход!

Настоящим событием в жизни городка бывал в эту пору

⁷³ Рангоут (от *нидерл.* *rondhout* – круглое дерево) – устройство для подъема паруса.

приход, два раза в неделю, парохода. Большие пароходы тогда в Новороссийск еще не заходили, а сообщение поддерживали только колесные старики: «Великий князь Михаил» и «Генерал Коцебу»⁷⁴.

Когда над одноэтажным домиком Агентства Русского общества пароходства и торговли⁷⁵ взвивался трехцветный флаг с двуглавым орлом и с почтовыми арматурами, новороссийцы знали, что в глубине бухты показался пароход.

Тот, кто мог, спешил к деревянной пристаньке у адмиралтейства.

Вспенивая воду колесами, подходил маленький «Коцебу» или всегда почему-то накрененный «Михаил» – и бросал, грохоча цепью, якорь в полуверсте от берега. Навстречу выносились на веслах казенные катера и гребные фелюги – с пассажирами и с грузами. На пароход устремлялись и любопытные горожане, и дачники – посмотреть на пассажиров, поискать между ними знакомых, купить газет, а то и просто полакомиться в пароходном буфете. Изредка съезжали и пассажиры в городок, хотя это не стоило труда, так как стоянка парохода редко длилась более часа. Фелюги непрерыв-

⁷⁴ «Великий князь Михаил» – двухпалубный колесный почтово-пассажирский пароход, построенный по заказу Русского общества пароходства и торговли в Ньюкасле в 1865 г. «Генерал Коцебу» – двухпалубный колесный товаро-пассажирский пароход, построенный по заказу Русского общества пароходства и торговли в Ньюкасле в 1866 г.

⁷⁵ Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ), учрежденное в 1856 г., имело правление в Санкт-Петербурге и главную контору в Одессе.

но подвозили кипы табаку на пароход и свозили с него товары для городка.

Гудок – эхо которого повторялось в ущельях, – и пароход уходил, оставляя громаднейшую бухту пустой снова на три-четыре дня.

Совершенно пустой она все же не была. Близ берега стояло несколько парусных двухмачтовых судов, да с полдюжины фелюг турецких рыболовов.

Шхуна

Иное лето рейд оживлялся приходом на продолжительную стоянку шхуны. Так назывались небольшие деревянные военно-морские суда, весьма мало, впрочем, боеспособные. Это были паровые трехмачтовки, с узкой и высокой трубой и парусным рангоутом. Суда были довольно красивы, но на парах они ходили лишь со скоростью 6–7 узлов в час... Названия свои носили по береговым местностям: «Пицунда», «Бомборы», «Ингур», «Казбек» и т. п.

Приход на стоянку военной шхуны, с экипажем в сотню матросов и с десятков офицеров, вносил громадное оживление. Моряки принимали участие в жизни городка, а избранное общество горожан ездило в гости на шхуну, где встречалось с традиционным гостеприимством моряков старого времени.

Очень эффектной казалась детскому впечатлению шхуна

в торжественные царские дни⁷⁶. От бушприта через мачты и до кормы, и от каждой мачты к бортам – она расцветивалась разноцветными сигнальными флагами. А во время салюта, точно в настоящем сражении, снопы огня из пушек прорезывали окутывавшее шхуну дымовое облако. Эхо повторяло в ущельях по несколько раз каждый выстрел, а дым тянулся далеко по бухте.

Пикники

Главным, однако, развлечением в жизни новороссийских дачников бывали пикники. Направлялись «на ту сторону», то есть противоположную городку, во «второе», в «девятое» или в Пенайское ущелье. Это были наиболее живописные ущелья. Отправлялись иногда на лошадях, на больших и поместительных пароконных линейках, забиравших сразу по восемь душ, не считая еще места на козлах. Чаше, впрочем, ездили на лодках. Так как в пикниках участвовало обыкновенно и местное начальство, то брались казенные катера. Матросы этим бывали довольны, ибо получали щедрое вознаграждение, не говоря об остатках угощения и о водке.

Ручеек журчит по дну ущелья... А возле ручья кипят

⁷⁶ Царские дни – высокоторжественные дни восшествия на престол и коронация императора, рождения и тезоименитств императора, императрицы, наследника цесаревича и его супруги, а также торжественные дни рождений и тезоименитств прочих особ царствующего дома.

несколько самоваров. Под деревьями разостланы ковры и пледы. А на скатертях такие вкусные вещи... В нескольких шагах в сторону можно рвать сочный кизиль, лесные орехи, терн, ежевику... Возвращались в Новороссийск уже при луне.

Было в Новороссийске за городом и подобие клуба – маленькая ротонда. Взрослые там играли в карты, танцевали. Но мы, дети, туда редко допускались.

У нас был свой мирок, на улицах городка и особенно на берегу моря. Мы целыми днями удили рыбу и вели дружбу с уличными ребятами. Меня кто-то из них назвал «предводителем дворянства». Я не знал, что это такое; но это прозвище, привившееся на целое лето, казалось мне весьма обидным.

Улицы Новороссийска были как будто приспособлены для наших игр. На них не было почти никакой езды, везде был песок. А если и пройдет дождь, – то уже через полчаса бывало совсем хорошо: вода быстро стекала по скалистым или песчаным склонам, грязи не было и в помине. Песок только еще влажный...

А наши детские катанья на лодках! Мальчишкой, лет десяти, с еще более молодым уличным товарищем, мы самовольно захватили чью-то плоскодонную угловую лодчонку. Она была предназначена для плавания по болоту Цемесу в камышах. Но мы мужественно перетащили это корыто к морскому берегу и поплыли на нем через всю бухту «на ту

сторону» и обратно. Плавание в этой скорлупе отняло у нас часов семь. Я обессилел и едва ворочал лопатами-веслами; мой младший компаньон был тем более ни к чему. Со шхуны потом передавали, что вахтенный офицер приказал готовить шлюпки для нашего спасения... Но мы доплыли все же благополучно. Дома была тревога, и я получил от отца заслуженное возмездие.

Позже все изменилось. Новороссийск стал преобразовываться. Провели к нему железную дорогу. Построили порт. Развился широкий экспорт хлеба; воздвигли величайший в России элеватор. Соорудили целую систему пристаней.

Начался наплыв хищников иностранцев и всех видов спекулянтов...

Быстро изменился Новороссийск и стал расти во все стороны. Возник привокзальный город. Станичка совсем слилась с городом. На «той» стороне возникло два цементных городка. В пустых ранее ущельях и на береговых предгорьях со всех сторон стали строиться дачи. Повсюду зазеленели виноградники.

Порт заполнялся в иные дни десятками пароходов разных наций. Пляж погиб, засыпанный при постройке набережной. Вышедшие от противоположных берегов бухты встречные молы отрезали часть бухты от моря...

И вся прелесть этого поэтичного раньше маленького городка безвозвратно исчезла. От старого остались только не

меняющееся море, да горы, – все же самое лучшее, что есть
в Новороссийске!

Гимназические годы

Кубанская войсковая гимназия

Какое блаженное было время, когда я сдал, в 1881 году, экзамен – прямо в третий класс гимназии⁷⁷! Ног под собою

⁷⁷ Вспоминая 14 января 1889 г. о своем поступлении в гимназию, В. В. Стратонов писал в дневнике: «С семилетнего возраста я был в большой дружбе со своей старшей сестрой, более, чем со Славой и Милой. Первый относился ко мне, как обыкновенно бывает в таких случаях, свысока, ибо он уже был гимназистом, кажется, даже старших классов; с Милой же я до сих пор не лажу. Виною последнему наши характеры, хотя в таких отношениях я себя не особенно виню, ибо, со своей стороны, делал почти все, что мог, для улучшения наших отношений. Более всего походили друг на друга характерами мы с Леной. С нею я занимался все почти время, и она оказывала на меня большое влияние. В 1880 году она вышла замуж за Ореста Антоновича Компанейца. Помню, я заплакал, когда Мила мне сообщила новость о сделанном последним предложении. Свадьба была в августе, и Компанейцы сейчас же уехали в Каменец-Подольск. Этим отчасти была решена и моя участь – поступление в гимназию. Я начал усердно готовиться со старшим братом. К лету 1881 г., приехав опять в Екатеринодар, Лена стала со мною тоже заниматься. Все лето прошло в горячей работе, и я в своих мечтах видел себя уже в гимназическом мундире. Часто я прибегал к советам Милы для решения таких вопросов, очень важных, как: на чем остановиться – на кепи или на фуражке; делать ли узкий галун на воротнике или широкий; какой длины делать мундир, – и все в этом роде. Благодаря ремонту гимназии вступительный экзамен все откладывался, и лишь в сентябре, кажется, 4-го числа, благодаря любезности инспектора гимназии, Ник. Вас. Костылева, я был допущен к экзамену в его квартире, полуофициальным образом, вместе с двумя другими, спешившими уезжать в случае неудачи, т. к. кстати было назначено заседание совета гимназии. Я узнал

от счастья не чувствовал. За неимением других подходящих

об этом за день и весь день накануне жестоко проработал. Наконец, настал давно жданный и памятный день. Окончив все приготовления, я отправился со Славой на квартиру Костылева, вооруженный свертком бумаги и карандашом. Дорогой я был совершенно спокоен и почему-то уверен в полной удаче» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карг. 1068. Ед. хр. 3. Л. 147–148). О самом экзамене и первых днях в гимназии Стратонов вспоминал 26 января 1889 г.: «Итак, я иду на экзамен. Слышав, что в этот день назначен совет, я ожидал встретить нечто вроде того, как рисуют в журналах заседания Государственного совета; каково же было мое изумление, когда я увидел нескольких учителей, сидящих в гостиной в домашних костюмах и толкующих... об охоте. Я этого разочарования долго не мог забыть. Слава, приведший меня, почтительно садится на предложенный стул; я же делаю это без церемоний. В зале еще два мальчика, держащие экзамен, кажется, в приготовительный класс. Первым меня экзаменует законоучитель Смирнов. Становлюсь около стола и отвечаю. Спрашивает меня какую-то молитву: о ужас! в первый раз о ней слышу. Однако я смело заявляю, что готовился к экзамену по программе, а там оной молитвы нет (действительно, в списке молитв, данном мне Мишей Дивари, этой молитвы не было). Смирнов со своей саркастической улыбкой открывает книгу программ и показывает: молитва означена. Стою сконфуженный, понурился. Мне мерещится провал, падаю духом. Какие мне дальше были предложены вопросы и как на них ответил, я уже не помню. Оставил меня Смирнов; я усаживаюсь. Подходит учитель по географии и истории Мамонтов. Я продолжаю сидеть. Слава делает мне замечание, но Мамонтов останавливает, и до конца уже экзаменуюсь, усевшись. Спрашивают меня о реках на северо-западе Азии. Под впечатлением мысли о провале по Закону Божьему, я, не думая, называю Брахмапутру и соседние реки. Но потом, войдя во вкус любимого моего предмета, я отвечаю довольно хорошо, бойко перечисляю реки Азии. Слава слышал, как сейчас же после экзамена кто-то из учителей заметил Мамонтову, указывая на меня: “Да он лучше вас, Алексей Степанович, географию знает!” (Мамонтов был не из важных географов.) Очередь за русским языком. Экзаменует тип хорошо знакомый и бывающий у нас (ухаживавший, говорят, в то время за Леной) И[ван] И[ванович] Лавров. Побеседовав по грамматике и заставив написать переложение какой-то крыловской басни, кажется, «Ворона и Лисица», он меня отпускает. Этот предмет сошел порядочно. Так же сошел экзамен по

слушателей, усердно внушал нашему дворнику, что я теперь

математике у А[веркия] Н[иколаевича] Дейнега, подробности которого ускользнули из памяти. Затем наступает черед новых языков. По-французски меня экзаменует П[авел] С[тепанович] Оссовский, по-немецки – А[дольф] Ф[ридрихович] Винцигероде. Здесь я чувствую себя твердо, отвечаю смело и порядочно. Заставили меня почитать и что-то перевести. Уверенности моей содействовало то, что я умудрился подсмотреть в журнале выставленные мне отметки. По Закону Божьему, о радость, стоит тройка. Отлегло на душе. Тройки же я получил по-русскому и арифметике, четверки – по географии, французскому и немецкому. Настает очередь последнего предмета и самого страшного – латыни. Экзамен длится уже два часа, я устал. Дают написать несколько фраз. Должно быть, я написал очень плохо, ибо экзаменатор М[атвей] Г[ригорьевич] Астряб за письменный ответ не хотел поставить более двойки. Делу помог устный экзамен, и я получил в среднем опять тройку. Тогда подымается Костылев и поздравляет меня учеником третьего класса. Стараясь скрыть свою радость, я почти бегу домой, решив последовать совету Костылева – заниматься с братом латынью до начала учения. Целый день я провожу в размышлениях о важности сегодняшнего дня в моей жизни; идя после обеда в городской сад, считаю долгом раскланиваться с учителями, хотя я еще не в форме. В саду гуляю с гимназистами и, придя домой, важно заявляю, что гулял “с товарищами”. Меня поднимают на смех из-за этого выражения, и я считаю себя невинно оскорбленным. Быстро проходят дни до 20 августа, начала учения в гимназии: я добросовестно выучил злосчастную молитву и усердно пишу латинские переводы, люблюсь на готовые уже форменную амуницию и кепи. На молебствии, впрочем, к великому моему огорчению, я еще в цивильном пальто, но на другой день уже в форме. Когда я в первый раз пришел в гимназию, меня, конечно, знакомые товарищи потормошили, таскали по двору, вталкивали в вырытые ямы, хотя, впрочем, я не терпел столько, как обыкновенно новички. После молебствия был акт. Стоя в толпе гимназистов, я позволил себе остановить громко разговорившихся соседей, но меня бесцеремонно оборвали: “Какой-то новичок...” Затем разошлись по классам. Сажусь на первую скамью один. Приходит классный наставник Астряб и начинает читать распределение уроков. Узнав, что французский и немецкий не будут идти вместе, а отдельно, что сделано из-за и ради меня, ибо я – первый, кажется, от основания гимназии и, наверно, первый на памяти тогдашних гимназистов, за что мне много пришлось

являюсь как бы казенным человеком, а не обыкновенным мальчишкой, как некоторые другие...

С величайшей гордостью надел я впервые гимназическое кепи – фуражек мы еще не носили. А когда мне принесли гимназический мундир, стало несомненным, что в моей жизни произошло событие необычайной важности.

Гимназия наша называлась Кубанской войсковой. Были тогда такие гимназии в казачьих областях, носившие полувойенный характер: на Дону, на Кубани, на Урале и пр. У нас, например, даже прислуга в гимназии были казаки, откомандированные от частей.

Кубанская гимназия существовала в разных видоизменениях с двадцатых годов⁷⁸. В предшествовавшие годы она на-

вытерпеть в течение всего курса. Узнав об этом, один из моих одноклассников, Ив. Волковский, восклицает: “Эге, это не выгодно!” Астряб сердито поворачивается и заявляет: “Если вам не нравится, так можете выходить из гимназии”. Это заявление меня совсем смутило: вот оно, какие строгости, сейчас из гимназии исключают за такой пустяк! С этого времени и из-за этого на меня начали коситься товарищи. Началось учение. Сначала мне было трудно привыкнуть к порядкам и правилам, но понемногу я освоился. Так как я один поступил в 3-й класс, то на меня учителя обратили особое внимание. <...> Бывали сюрпризы, что, когда задается урок, подразумевается и написать перевод, а я являлся без одного. Сначала я сильно возмущался, глядя, как другие при классных работах пользуются незаконными пособиями, но очень скоро сам вошел во вкус этого запрещенного плода» (Там же. Л. 156–158).

⁷⁸ Черноморская войсковая гимназия в Екатеринодаре, существовавшая в 1820–1828 гг., была восстановлена в мае 1850 г. под названием Екатеринодарской (на базе Екатеринодарского войскового училища). Из-за отсутствия собственного здания в 1861 г. ее перевели в Ейск, откуда в 1876 г. она вернулась в Екатеринодар под новым названием – Кубанская войсковая гимназия, разме-

ходила в Ейске и лишь в 1876 году была переведена в столицу области. Войско отстроило для нее прекрасное двухэтажное здание на площади, против собора. В материальном отношении гимназия была обставлена неплохо. А в видах наибольшей о ней заботливости войска – почетным попечителем гимназии был по самой своей должности начальник штаба области.

Для казачьих детей существовал пансион – душ на сто. Казачата привозились в пансион прямо из станиц. Не казаков принимали в пансион неохотно и только в виде редкого исключения.

Пансионеры и форму носили особенную: темно-синие мундиры с красным стоячим воротником, красные канты на обшлагах и брюках, серебряные пуговицы; шинели были черного сукна. Остальные гимназисты, не принадлежавшие к казачьему сословию, носили общую гимназическую форму: синие мундиры с серебряным галуном на стоячем воротнике; белые канты и серебряные пуговицы; шинели полагались нам серые.

Впрочем, в мое время мундиры стали заменять, кроме торжественных случаев, серыми форменными блузами, а у пансионеров – черными.

щенная в специально построенном для нее здании, которое, занимая почти квартал по улице Красной, было обращено фасадом в сторону Александро-Невского собора. В 1890 г. войсковая гимназия была упразднена (см.: *Трехбратова С. А.* Из истории гимназического образования на Кубани // Культурная жизнь юга России. 2013. № 4 (51). С. 51–54).

Казаки-пансионеры считались в гимназии, конечно, привилегированными, хозяевами, – и обучались в основных классах. Остальные – русские, или кацапы, то есть дети городских обывателей, только терпелись в гимназии и обучались в параллельных классах. В качестве внимания к служебному положению отца моего и я попал в основной класс. В старших классах, впрочем, происходило уже объединение основных и параллельных.

Казачата-станичники часто вносили в гимназию некоторую дикость, объяснимую беспризорным их детством. Собственно же воспитания пансион им почти не давал, хотя при нем воспитатели и числились. Функции последних были наружно-полицейские.

Между собою пансионеры «балакали» только по-казацки, то есть, попросту, по-малороссийски; в гимназии же обязательным языком был русский. Среди пансионеров постоянно происходили драки, раздавалась неумолчно матерная брань. В старших классах процветали разврат и пьянство. Водка доставлялась в пансион «своими», то есть казаками-прислугой.

Идеалом для наших пансионеров тогда служили бурсаки из «Бурсы» Помяловского⁷⁹; им старались всячески подражать.

Одно из первых моих впечатлений в классе: во время перемены поймали мышь. Пансионер Перепелов взобрался с мышью на кафедру:

⁷⁹ См.: Помяловский Н. Г. Очерки бурсы. СПб., 1865.

– Сейчас будет жертвоприношение!

Ухватил мышь за задние лапки и медленно разорвал ее пополам. Пансионеры гоготали от удовольствия; никто не возмутился.

Постоянно и без причины избивались более слабые товарищи, вытирали им лицо грязной меловой тряпкой... Полную чашу этого пришлось испить и мне, попавшему в основной класс. Драки и взаимные пощечины, а также площадная ругань – не выводились даже до восьмого класса, хотя, правда, заметно ослабевали.

Гимназисты попадались очень великовозрастные. Несколько моих товарищей по третьему классу имели по восемнадцать-двадцать лет. Одного родители, взявши из нашего третьего класса, тотчас, к нашему большому соблазну, и оженили. Эти молодцы, занимавшие традиционную «Камчатку», то есть последний ряд скамей, и уже многое в жизни познавшие, оказывали плохое влияние на своих младших 11–12-летних одноклассников... Они, между прочим, жестоко избивали учившихся лучше, чем они, товарищей – малышей за неудачное подсказывание, за ненаписание за них работы и т. п.

В параллельных классах, где преобладали дети ремесленников, мещан, мелких чиновников и пр., такого одичания не было. Но нравы улицы были все же и там господствующими.

Вечерами гимназисты ходили толпами, с дубинами в руках. Они посещали публичные дома, участвовали там в по-

боищах, разбивали в нетрезвом виде стекла в окнах домов, сваливали и ломали уличные фонари...

Наша гимназия под конец обратила своей исключительной распущенностью на себя внимание не только местного, но и тифлисского начальства⁸⁰. Начался тогда ряд мер по приведению ее в порядок. Состав учащихся был «омоложен». Великовозрастных казаков частью перевели в казачье юнкерское училище в Ставрополе, а частью просто исключили за слишком продолжительное сидение в одних и тех же классах.

После удаления великовозрастных внешнее поведение гимназистов стало приличнее, но внутренняя грубость сохранилась.

Ввиду все же непрекращавшейся распущенности, а главное, ввиду развития в гимназической среде революционных тенденций, в последний год моего пребывания в гимназии была сделана попытка ее милитаризировать. Это выразилось, между прочим, и в том, что нас обязали становиться во фронт перед генералами, а также перед нашими директором и инспектором. Учителям же нашим, а также всем офицерам мы обязаны были отдавать честь.

Это последнее приказание доставляло большие уколы нашему самолюбию. Наши великовозрастные товарищи, ис-

⁸⁰ В Тифлисе находилась резиденция кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича, а с 1882 г. – главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, командующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск А. М. Дондукова-Корсакова.

ключенные из младших классов за неуспешность и громкое поведение, вернулись через два-три года из юнкерского училища офицерами, хорунжими. Нас обязывали теперь козырять им как начальству, и они над нами на этой почве часто просто издевались. Возникали конфликты между молодыми офицерами и гимназистами старших классов... Но вдруг все кончилось катастрофой!

Директора

Стоял жаркий майский день. Мы выстроены, во время большой перемены, во дворе гимназии, на уроке гимнастики. Стоя в шеренгах, обливаясь потом, застегнутые на все девять пуговиц наших суконных мундиров.

Директор гимназии, грузный с лысиной Гурий Гурьевич Ласточкин, над нами, наконец, сжаливается:

– Господин директор разрешает расстегнуть... через две пуговицы третью!

Прохладнее от такой милости никому не стало, но в этом распоряжении как-то весь Ласточкин и выказался. Он не творил ни добра, ни зла, но проявлял много ненужного педантизма⁸¹. При нем подтягивание гимназии, на котором

⁸¹ Ср. с дневниковой записью В. В. Стратонова от 1 февраля 1889 г.: «Большого роста, толстый, несколько огрубелый, с большим животом, он производил неприятное впечатление. Говорили о нем, что он – чуть ли не из простых семинаристов, и это похоже на правду. Крайне резкий, говоривший всегда грубым то-

настаивало начальство, шло очень медленно. Вероятно, по этой причине он был в 1884 году смещен.

Новым директором был назначен Казимир Лаврентьевич Вондоловский. Ему предшествовала молва, как об исключительно строгом администраторе.

Гимназия затрепетала – и не только учащиеся, но и учителя. Пошли разговоры:

– Едет... Не едет...

И вдруг молниеносно разнеслось:

– Приехал!!

Нас собрали всей гимназией в актовом зале. Выстроили в ряды. Мы ждали директора с игривым любопытством. Успевшие его повидать рассказывали об юмористической внешности нового директора. Раздавались шуточки...

– Смирна-а!

В дверях появилась, сопровождаемая целой педагогической свитой, красочная и оригинальная фигура. Высокий, худощавый, точно Дон-Кихот... Седой, с маленькой мефи-

ном, произнося “чаво”, “я тебя...” etc., он был крайне нелюбим учениками. Пробовал он подтянуть гимназию, довольно-таки распущенную с давних пор прежними директорами, но ему это не удавалось. Всегда он высказывался чиновником, был в высшей степени педантом. Помню, как-то шли во дворе в мае занятия гимнастикой. Жара была страшная, почти невозможно было стоять в суконных мундирах. Тогда, в виде особой милости, раздается голос Ласточкина: “Можете расстегнуть три пуговицы, через две по одной”. И успокоился, думая, что избавил нас от мучений. На гимназические балы он всегда являлся в вицмундире, как на службу. Теперь он в отставке и проживает с семейством, кажется, в Казани» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карг. 1068. Ед. хр. 3. Л. 160–161).

стофельской бородкой. Глаза сверкают. Вошел с высоко поднятой головой... Молча остановился...

И все замерло.

Вдруг он загремел, да еще как!

– Вы прославились своим безобразным поведением на весь Кавказ! Смотрите!! Чтоб все это было забыто раз навсегда! Я вас приведу в порядок!! Горе будет вам, безобразники! Пощады не ждите!!

Он гремел несколько минут, показавшихся нам очень долгими. Но закончил смягченно:

– Знаю, что не все вы безобразники! Те из вас, кто ведет себя безукоризненно, кто прилежно занимается, найдет во мне покровителя и защитника.

Многих искренне обуял страх. Внешность нового директора вдруг перестала казаться смешной; она показалась уже грозной... Возникшие, было, о нем анекдоты не находили слушателей.

Он сразу взял гимназию в железные тиски. Внешне поведение гимназистов сильно подтянулось. Гимназические надзиратели, старавшиеся раньше обойти гимназистов как-нибудь сторонкою, теперь осмелели. Но Вондоловский иногда и пересаливал.

Например, он издал приказ, запрещающий гимназистам выходить из дому после пяти часов вечера. Это было преувеличенное «военное положение», особенно неуместное для летнего времени, когда в Екатеринодаре в пять часов еще

и солнце жарило. А чтобы выйти куда-нибудь позже этого часа, даже с родителями, требовалось получать специальное письменное разрешение директора или инспектора. В очень тяжелое положение попали те, кто существовал частными уроками, возможными для гимназистов только по вечерам, те, кто должен был выходить из дому, помогая не имевшим прислуги родителям.

Конечно, это нелепое правило повело лишь к изощрению в обмане. Гимназисты стали переодеваться в «штатское», почти каждый завел накладные усы и бороду... Однако осмелевшие надзиратели часто ловили виновных, и они водворялись в карцер. Да и сам Вондоловский с инспектором Г. В. Шантариним постоянно бывали вечерами на улицах, следя за исполнением этого приказа.

Главной ареной вечерней охоты за гимназистами бывал городской сад. Сюда вечерами стекались горожане – подышать свежим воздухом. Здесь и переодетые гимназисты, с подклеенными бородами, перебежали из освещенных аллей в темные, прятались в кустах... А за ними гонялись надзиратели...

Сама жизнь под конец заставила рьяного директора отменить это распоряжение.

Преподавателем был К. Л. Вондоловский неудачным. Он преподавал, например, нам в восьмом классе географию России. Придерживался он буквально текста учебника Бело-

хи⁸², страницы которого мы должны были заучивать почти наизусть. Таким образом дело дошло у нас до русских среднеазиатских владений, которыми очень интересовался мой отец и заразил своим интересом и меня.

Повторяя буквально слова учебника, Вондоловский рассказал нам о таком административном устройстве края, которое было уже несколько лет назад изменено. Со свойственной молодости непосредственностью я поднялся и, получив от преподавателя слово, указал, что теперь это устройство уже иное, и именно такое-то...

Вондоловский, видимо растерявшийся, промолчал. Но на следующем уроке для восстановления своего престижа прочитал мне перед классом нотацию:

– Административное деление с течением времени может и изменяться. Но это не имеет значения для вас! Ваша обязанность в точности заучивать именно так, как сказано в вашем учебнике!⁸³

⁸² См.: Учебник географии Российской империи / Сост. П. Белоха. СПб., 1863 (выдержал 51 издание).

⁸³ В своем дневнике 1 февраля 1889 г. В. В. Стратонов описывал К. Л. Вондоловского в несколько иной тональности: «Когда он был назначен, я был, кажется, в шестом классе. По приезде он с неделю не показывался в гимназии, но вот в один прекрасный день отдается приказ – идти всем в актовъй зал. Пошли, выстроились. Явились воспитатели, инспектор... Ждем. Отворяется дверь и появляется фигура, но какая фигура! Чуть ли не в сажень ростом, худой, седой, с козлиной бородкой из 20 волосков, он идет, высоко подняв голову, с важным торжественным видом. Под рукой у него длинный сверток бумаги. Начинается речь. Говорит он крайне трагическим голосом, делая жесты и свирепо размахивая»

Преподаватели

Вот несколько более ярких лиц из альбома моих препода-

вая свертком бумаги, но говорит очень красноречиво. От непривычки к таким речам и к такой фигуре все трясутся от смеха, прячась за спины друг друга. “Прошел я по классам, видел исцарапанные доски, видел изрезанные вашими ножичками скамьи... Стыдитесь! Отцы ваши, войско, к превеликой его чести, тратит на вас громадные деньги. Но вы забываете, что войско – это ваши отцы, и вы заставляете платить своих же отцов”. В таком духе продолжал и дальше, закончив той мыслью, что он – пастырь добрый и послушным овцам будет хорошо, а непослушным – горе. Распустил нас по домам. Конечно, эта речь в тот же день в массе вариантов и в комическом виде разнеслась по всему городу, но чужилось, что будет не то, что прежде. Действительно, начались большие строгости, быстро подобрали всех к рукам, издали разные постановления, вроде таких: “воспрещается сидеть на улицах”, “воспрещается выходить из дома в будни позже 5 часов вечера”, “в праздники позже 7”, “воспрещается гулять за город на вокзал” etc., etc. Одного долго не могли достигнуть: заставить нас носить ранцы, – и это достиг уже инспектор Шантарин. Строгости коснулись не только нас. Скоро покинули гимназию инспектор Барсов, учитель Веребрюсов; остальные педагоги также были подтянуты. Часто нас собирали в актовом зале для нотаций. Собирали для выслушивания циркуляров. Собирали после Кирилло-Мефодиевского юбилея, на котором отвечал я, чтобы сделать выговор за аплодисменты: “... Читал ваш товарищ, Стратонов, и прочел прекрасно, только немного тихо... Но кто вам дал право аплодировать? Положим, вы могли увлечься, поаплодировать товарищу. А как вы смели аплодировать вашему учителю Ляху? Неужели вы думаете, что он читал ради ваших хлопаний?” И т. д., и т. д. Собирал нас для выслушания нагоняев, но иногда и затем, чтобы похвалить, что случалось несравненно реже первого. Вондоловский был в высшей степени и разносторонне образованный и знающий. На экзаменах он нас поражал разнообразием сведений. Прекрасно объяснит греческие и латинские премудрости, растолкует по математике, превосходно знает французский и немецкий, но... плоховато знает географию. В VIII классе он нам преподавал географию России и заставлял заучивать чуть ли

не слово в слово, что проделывал и сам перед уроками. Заучивал по старому изданию географии Белохи. А я с детства недурно знал географию, особенно же – центральную Азию благодаря осложнениям там в политике: я политикой очень увлекался, исключительно внешней. На одном уроке как-то сделал вставку – поправку. Вондоловский согласился. Через некоторое время опять что-то солгал, я заметил. Казимир Лаврентьевич сердито кивнул головой. Через несколько дней является в класс перед уроками, дабы сделать выговор Дивари за какой-то инцидент с учителем. Затем обращается с выговором и ко мне: “Знайте, что я обязан сообщать вам лишь то, что есть в учебнике”. При этом рассказывает анекдот, как он ответил какой-то начальнице женской гимназии, вздумавшей щегольнуть перед ним своими новейшими познаниями по истории, вычитанными из французского журнала. Вообще Вондоловский любил говорить анекдоты и говорил их всегда прекрасно и уместно. Как-то желая показать, до чего может довести самомнение, он рассказал такой анекдот, передаю кратко содержание: “В Харьковском университете мужичок, слуга ректора, пришел подтапливать печь. Его окружают студенты и начинают запугивать разными учеными выражениями. Но он не смущается. Тогда ему задается вопрос: «А знаешь, кто мы?» – «А як же». – «А кто?» – «Дурни!»» Анекдотами он пересыпал свои нотации, а потому их приятно было слушать. В 5 классе он был нашим классным наставником и нельзя сказать, чтобы не заботился о своем классе в смысле поднятия уровня познаний. Ему мы обязаны тем, что вышли из гимназии, зная хоть кое-что. Ко мне, все время пребывания в гимназии, он сильно благоволил, что злые языки приписывали – и отчасти, но только отчасти, справедливо – хорошим отношениям отца с попечителем округа Яновским. Во всех затруднительных случаях Вондоловский приходил советоваться с отцом, и, с другой стороны, в случае какой-либо катастрофы с гимназистами, увольнения несправедливо, вообще несправедливых поступков, гимназисты обращались к отцу, и ходатайство отца всегда имело в гимназии успех. Вондоловского ученики боялись сильно, уважали, но не особенно долюбливали, и большинство просто не любило и бранило. На его памяти осталось-таки довольно несправедливых поступков. В обществе Казимира Лаврентьевича любили как веселого и приятного собеседника, но под конец стали относиться враждебно за его чересчур ретивую деятельность. Многие разгадали его характер, типично и несколько с иезуитским или, правильнее, польским, а

Законоучитель, о. Григорий Смирнов, обращал на себя внимание исключительно кудлатой головой. Грива его волос свешивалась на самые уши и закрывала их. В гимназии возникла легенда, будто у о. Григория уши кем-то отрезаны, а потому он прикрывает волосами то место, где они были. Слух этот дошел до священника. Впоследствии он стал, как будто нечаянно, приподнимать на уроках прядь волос, демонстрируя ученикам наличие ушей.

не иезуитским, оттенком. С начальством он был слишком почителен, на что постоянно напирал и указывал; с подчиненными учителями – временами чересур деспотичен. Свою покорность начальству часто доводил до пересаливания, считая за начальство чуть ли не полицеймейстера. В последний третий год его директорства над ним стряслись несчастья. Еще до приезда в Екатеринодар, когда он был в отставке, у него умерли двое детей; оставался третий, над которым оба (Вондоловская – прекраснейшая, во всех отношениях, женщина) дрожали. Этот сын у них скоропостижно умер. В обществе слышались голоса, что это – наказание за ретивость в отношении к проступкам чужих детей, гимназистов. Раньше несколько, 1 марта, было покушение на жизнь Государя трех студентов, из коих один был кубанец – Андреюшкин. Это событие повлияло на судьбу Вондоловского, и он не был более оставлен на службе, вопреки его желанию. Из Екатеринодара он поехал, кажется, в Москву...» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр 3. Л. 162–163).

⁸⁴ В своих ранних дневниках В. В. Стратонов записал воспоминания не только о Г. Г. Ласточкине и К. Л. Вондоловском, но и об инспекторах и учителях Кубанской войсковой гимназии: Н. В. Костылеве (Запись от 5 апреля 1889 г. // Там же. Л. 171–172), А. В. Барсове (Запись от 17 апреля 1889 г. // Там же. Л. 176–177), В. Г. Шантарине (Запись от 29 мая 1889 г. // Там же. Л. 191–194), Г. П. Смирнове (Запись от 16 августа 1889 г. // Там же. Л. 212–214), И. И. Лаврове (Запись от 16 августа 1889 г. // Там же. Л. 214–216), В. И. Яцюке (Запись от 1 сентября 1889 г. // Там же. Л. 223–224), В. В. Модестове (Запись от 30 апреля 1891 г. // Там же. Д. 4. Л. 311–313), М. Г. Астрябе (Запись от 1 мая 1891 г. // Там же. Л. 313–316).

Среди учащихся о. Григорий был мало популярен. Отчасти в этом он и не был виноват. Ему пришлось заменить ушедшего, еще до моего поступления, очень любимого учениками протоиерея Кипарисова, и одно это было уже для Смирнова неблагоприятным. Но и сам он не обладал даром завоевывать симпатию. Повышенной требовательностью и улыбкою, казавшейся у него насмешливой, он восстанавливал против себя юношество.

Через год после прибытия его в гимназию произошло нечто безобразное:

– Законоучителя ученики оплевали!

В одном из младших классов, во время урока о. Смирнова, ученики стали бросать со двора, через открытое окно, в священника всякой дрянью:дохлыми крысами, тряпками и т. п. Одновременно с ученических скамей действительно будто бы последовало несколько плевков.

Учебное начальство постаралось эту историю смягчить. Да и сами участники безобразия не любили потом о нем вспоминать. Несколько из них было исключено из гимназии, а остальные так или иначе наказаны.

Затем отношения стали улучшаться; и сам священник счел нужным смягчить свою строгость.

Смирнов обыкновенно обращал урок в проповедь – «учил закону». Но часто увлекался, и ученики своими вопросами ставили его в затруднение.

Как-то он стал нам проповедовать, что если человек опре-

деляется словом, оканчивающимся на «ист», то такой человек в сущности – ничего не стоящая дрянь. Ехидно дав понять, что сюда надо отнести и «гимназиста», он стал затем перечислять ничего не стоящих людей: «социалист», «нигилист», «анархист» и т. д.

Поднимается ученик Перевозовский, сам сын священника:

– Батюшка, значит, сюда же относится и «евангелист»?

Взрыв хохота! О. Григорий растерялся и ничем не мог ответить, кроме уничтожающего взгляда с насмешкой.

Симпатичны воспоминания о преподавателе словесности Викторе Ивановиче Яцюке. Он был, должно быть, галичанин: выговор – не чисто русский. Мягкий, немного женственный, слабонервный... Но старался пробудить в нас живую искру: сообщал по литературе много больше, чем требовалось программой. Давал для чтения свои университетские записки и лекции, старался приохотить нас к литературе. Когда В. И. читал нам в классе письмо Жуковского, с описанием смерти Пушкина⁸⁵, он и сам прослезился... Часто устраивал у нас литературные собрания, диспуты.

В более поздние годы он стал инспектором реального училища в Екатеринодаре же. Едва ли вышел из него удачный администратор, а власть изменила его мягкий характер. Уче-

⁸⁵ Письмо В. А. Жуковского от 15 февраля 1837 г., адресованное С. Л. Пушкину, было впервые опубликовано в журнале «Современник» в 1837 г. (Т. V. № 1).

ники более позднего времени рассказывали о нем уже в других тонах. Говорили, что он склонен стал пускать в отношении учащихся и руки в ход...

Яркое впечатление производил молодой преподаватель истории Федор Владимирович Лях. Он был между прочим одноруким: левая рука была ампутирована после несчастия на охоте. Но Ф. В. мастерски обходился и одной рукой.

Кубанский казак по происхождению, Лях попал в родную ему гимназию. Нам импонировали рассказы о том влиянии, которым пользовался Ф. В. в студенческой среде. Он за что-то и пострадал, сидел в тюрьме, а тогда это было редкостью. Все это создавало над ним столь благородный тогда ореол либерала.

Преподаватель был он хороший и интересный. С учениками держал себя корректно и с достоинством. Историю у него мы учили охотно и знали ее недурно. Часто задавал он желающим еще специальные работы, и их делали с удовольствием.

Математику и физику преподавал Александр Степанович Веребрюсов. Очень красочный тип! Ученый по всему складу, он стал вероятно педагогом лишь по случайности. Ему следовало бы стать ученым математиком или теоретиком астрономом; по последней науке у него были и кое-какие

труды⁸⁶. Составил он также и свои учебники по элементарной математике⁸⁷. Но свой предмет не столько преподавал, сколько читал по нем лекции. Дело не спорилось, и математику мы знали плохо.

Высокая прямая фигура, с устремленным куда-то сквозь очки взором, маячит по классу. Он более занят своими мыслями, чем происходящим вокруг него. Мы не остаемся в долгу – каждый делает, что хочет. И только если кто-либо слишком углублялся в постороннее чтение, Веребрюсов говорил визгливо:

– Что вы там Поль-де-Коком, что ли, зачитываетесь?

Оригинал по натуре, Веребрюсов долго воевал с директором, не желая менять своего черного сертука на форменный вицмундир. Нас занимало, чем кончится эта борьба. Но такой формалист, каким был директор Вондоловский, не мог не победить. Из-за постоянных коллизий с начальством Веребрюсов должен был уйти из гимназии. Затем он как-то не мог нигде прочно устроиться, и в последующие годы, когда я был уже на службе, обращался за помощью и ко мне. Жаль

⁸⁶ См., например: *Веребрюсов А. С. Задача Кеплера*. Харьков, 1869; *Он же. Введение в сферическую астрономию*. Харьков, 1871; *Он же. О прочности солнечной системы*. Харьков, 1888.

⁸⁷ См.: *Веребрюсов А. С. Прямолинейная тригонометрия: руководство для сред. учеб. заведений*. Харьков. 1884; *Он же. Элементарная геометрия и приложение алгебры к геометрии*. Харьков, 1887; *Он же. Элементарная алгебра: руководство для сред. учеб. заведений*. Харьков. 1889.

было этой *profession manquée*⁸⁸.

Самыми нелюбимыми были преподаватели классицизма.

Преподаватель латинского языка Виктор Васильевич Модестов и на самом деле давал все основания к такой неприязни. Это была насквозь прокрахмаленная, высушенная, бездушная фигура...

Как-то представлялось маловероятным, что у него есть своя жизнь, со всем человеческим. Он скорее казался механизмом, созданным для того, чтобы каждодневно нас мучить по поводу существования латинского языка...

Когда на пороге класса появлялся этот небольшого роста человек, с длинным лицом, обильно поросшим, точно у кукурузы, темно-русые волосы, в длинном до колен форменном сертуке, – казалось, будто на шею опускается тяжелый камень.

Гробовая тишина в классе. Унылые лица...

С каменным лицом усаживается Модестов на кафедре. Медленно просматривает классный журнал, где против наших фамилий им поставлены ему одному понятные иероглифические пометки. И среди мертвого молчания произносит, точно судебный приговор, фамилию очередной своей жертвы.

С невыразимой тоской на душе выходит жертва, с Юлием Цезарем или с Саллюстием в руках, к кафедре... А мы радуемся:

⁸⁸ неосуществленной мечты (фр.).

– Пронесло мимо!

Он нас давил грамматикой и скучнейшей манерой налегать, при изучении классиков, на грамматические формы. Прелесть содержания от нас ускользала без следа. Наводил тоску даже на чтение поэтов: Овидия, Горация... Мы от поэзии ничего не извлекали, кроме опротивевшей грамматики, да сухой, размеренной скандировки. Сплошное уныние, а не уроки!

Об оценке Модестовым наших ответов мы судили довольно безошибочно. Если раздавалось резкое и строгое:

– Сесть!

можно было единицу считать обеспеченной.

При слегка раздраженном:

– Сядьте!

мы ожидали двойку.

Относительно равнодушно-презрительное:

– Сидите!

соответствовало тройке.

Наконец, спокойное и мирное:

– Садитесь!

обещало отвечающему четверку. Об оценке ответов Модестовым пятеркою я что-то не помню.

Мы ненавидели латинский язык всей душой. С другими учителями бывало, что окружали их после урока, задавали вопросы, обращались со своими нуждами. Но подойти к Модестову... это мало кому приходило в голову. А кто пробо-

вал, отскакивал, как от холодного душа.

Уроки греческого языка, наоборот, часто представляли настоящую оперетку.

Преподавал его чех, Матвей Григорьевич Астряб. Добрый человек, но слишком мягкий, со слабым характером, хотя и не лишенный житейской хитрости. Он даже старался дать нам знания, знакомил, хотя и не особенно мастерски, с красотами классицизма. Но все его старания разбивались о наше молодое озорство, нелюбовь к предмету и его полное неумение поддержать порядок в классе.

Одни во время урока поют вполголоса хором, другие читают посторонние книги, третьи готовят другие уроки. Вместо молитв «до» и «после учения», читалось что-то фантастическое и бесконечно длинное. Когда этот небольшого роста человек, с лысиной, в очках, с покрасневшим от досады лицом, выражал сомнение в правильности текста молитвы, ему безапелляционно разъясняли:

– Это требование нашей православной церкви, Матвей Григорьевич!

Был день, когда несчастного «грека» довели до белого каления. Раздобыли маленькую шарманку. Поместили ее под ножку парты. Самой шарманки не видно, а рукоять можно поворачивать ногою.

Едва в классе, где греческий урок шел первым, прочитали

молитву, как понеслись звуки «Травиаты»⁸⁹.

Астряб вскипел и бросился на обыск. Стал искать в партах. Осмотрел их все... Увы, ничего не нашел. Но едва он сел на кафедру, как снова полились звуки печальной арии Виолетты.

Бедный М. Г. опять бросился искать. Перещупал в том месте класса, откуда лилась музыка, даже карманы ученических брюк... Ничего нет подозрительного. А едва взошел на кафедру, – снова музыка...

Мучительный урок, наконец, кончается. Перемена. Идет Астряб в другой класс. Едва вошел, – опять жалоба умирающей Виолетты:

Adio, del passato
I sonni irridenti!⁹⁰

Снова безрезультатные обыски... И так продолжалось весь день, все пять уроков. Обессиленный неравной борьбой, М. Г. пытался спасти положение шутками:

– Уу! Маленькие какие... Забавляются!

Последствий для проказников все это не имело. Сам М. Г. не решился жаловаться. Вероятно, не хотел обнаружить, до чего пала у него в классах дисциплина.

⁸⁹ «Травиата» – опера Джузеппе Верди (по мотивам романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями»), впервые поставленная в 1853 г. в Венеции.

⁹⁰ Правильно: Addio del passato bei sogni ridenti (*um.*) – Прощай, прошлое, красивые веселые мечты.

В другой раз ученики умудрились – уже не помню, каким способом, – провести от парт проволоки к кафедре. Как только Астряб уселся, кафедра, вместе с преподавателем, поехала к ученикам... На этот раз, из-за неожиданного происшествия, Астряб серьезно вспылал. Но вместо того, чтобы послать за директором, он сам побежал его разыскивать. Когда они пришли, следы преступления были скрыты. Ученики в один голос говорили:

– Ничего подобного не было! Матвею Григорьевичу это показалось...

Виновных не нашли; весь класс был только оставлен на один час после уроков.

Потешал учеников своим плохим русским языком и другой чех – преподаватель греческого языка В. В. Шиллер. Он запутался, например, между русским «запомните» и значениями того же слова по-чешски: *zapominati* – забывать (как и по-малороссийски). Объясняя греческую грамматику, Шиллер внушал:

– Это важное правило. Забудьте его получше!

Дружный хохот учеников вызывал в нем изумление.

Гимназическое обучение

В ту эпоху пичканье мозгов учащихся классицизмом, введенным недоброй памяти министром гр. Д. Толстым, достиг-

ло апогея. Поэтому классические гимназии первенствовали. Реальные училища существовали, но терпелись правительством лишь как неустраняемая уступка общественному мнению, и окончившие их не получали права на поступление в университет.

Своих преподавателей древних языков было, однако, слишком мало. И среднюю русскую школу залила волна чехов-классиков, преимущественно преподавателей греческого языка.

Нас буквально давили латынью и греческим. Латинский язык начинался с первого же класса, и его уроков бывало в неделю от пяти до семи. Греческий язык вдавливали в нас с такою же напряженностью, начиная с третьего класса. По преимуществу душили нас грамматикой и переводами с русского на эти мертвые языки – пресловутыми «*extemporalia*»⁹¹. Классиков из нас все же не вырабатывалось; мы эти языки ненавидели. А так как почти половина времени, вообще проводимого в гимназии, уходила именно на древние языки, то невольно ненависть к ним переходила в неприязнь к самой гимназии.

Запрещенный плод сладок, а им для нас являлось... естествознание и прежде всего биология, признаваемые опасными, как ведущие к атеизму и материализму. Когда в наши

⁹¹ *Экстемпоралия* (от лат. *ex tempore* – тотчас, без подготовки) – учебные классные письменные упражнения, заключающиеся в переводе русского текста на латинский или греческий язык без предварительной подготовки.

руки случайно попадал учебник анатомии или физиологии человека, мы с жадностью его проглатывали – именно ввиду его запрещенности. Книга читалась тайком, держа ее под партою, или же наспех глоталась в уборной... И мы действительно рисковали подвергнуться за такое недозволенное чтение гимназическим скорпионам⁹².

Зачитывались мы тайно и другими запрещенными книгами, например... Писаревым. Но настоящий азарт конспиративного чтения наступал тогда, если к нам попадали брошюры Лаврова или Бакунина⁹³. Они воспринимались, как откровение...

Все же обучение у нас было поставлено неплохо. В то время существовал порядок, допущенный в виде опыта исключительно на Кавказе, – прохождение курса средней школы без экзаменов. Это была мера, введенная попечителем Кавказского учебного округа К. П. Яновским. Устранив переводные годовые экзамены, Яновский установил переводы

⁹² В «Книге пророка Иезекииля» под «скорпионами» подразумеваются нечестивцы, которые, подобно скорпионам, нравственно жалят людей благочестивых (Иез. 2: 6).

⁹³ См., например: *Лавров П. Л.* Русской социально-революционной молодежи. Лондон, 1874; *Он же.* 18 марта 1871 года. Женева, 1880; *Он же.* Социальная революция и задачи нравственности. (Открытое письмо молодым товарищам) Б.м., [1884]; *Он же.* Национальность и социализм. Париж, 1887; *Он же.* Революция или эволюция. Женева, [1888]; *Бакунин М. А.* Наука и сущное революционное дело. Genève, 1877. Вып. 1; *Он же.* Русским, польским и всем славянским друзьям. Genève, 1888; *Он же.* Всесветный революционный союз социальной демократии. Русское отделение. К русской молодежи. Genève, 1888.

из класса в класс на основании проявленной в течение года успешности. Для лучшей же ее проверки устраивались в конце каждой четверти учебного года репетиции, как письменные, так и устные. И те, и другие – экспромтом.

На устные репетиции приходил неожиданно в класс директор или инспектор, а изредка и преподаватель той же специальности. На практике вызывались при этом только неуспевающие, реже – троечники. Хороших учеников почти никогда не тревожили. Вся репетиция заканчивалась в течение одного урока. Письменные же репетиции были обязательны для всех; они производились без ассистентов.

Позже этот порядок, в видах общегосударственной нивелировки, был отменен министром народного просвещения Деляновым – к великому огорчению Яновского. На основании опыта я решительно предпочел бы эту систему общепринятой – ежегодных переводных экзаменов.

Конечно, как и везде, нас принуждали ходить по субботам и воскресеньям в церковь, заставляли говеть и пр., часто убивая этим бывшие у некоторых зачатки религиозности и ни в ком их не зарождая.

Гимнастики было очень мало, а спортивных упражнений и вовсе не было. Занятие спортом считалось делом несерьезным. Типичная фигура гимназиста того времени – сутулый бледный юноша, часто с развившейся близорукостью, без признаков молодой жизнерадостности.

Кружки

Как естественный противовес одностороннему школьному образованию в гимназической среде постоянно возникали кружки для самообразования. Читали доклады и диспутировали на литературные темы. Охотнее читалась, на конспиративных собраниях, подпольная или запрещенная заграничная литература – Л. Мартов, Бакунин и т. п., – или же обсуждались общественно-политические вопросы.

Были и кружки с определенно революционным оттенком, преследуемые властью. Несколько товарищей, настроенные революционно, склонили как-то и меня пойти на одно из таких собраний.

Пришли в один из домиков, на самой окраине города. В «конспиративной» комнате на кровати набросана целая куча гимназических шинелей и «штатских» пальто. В комнате уже набралось десятка два молодежи. Большинство – наши же гимназисты. Но было еще несколько довольно развязно державших себя девиц, один казак-вольноопределяющийся и затем несколько неопределенных фигур, почему-то показавшихся аптекарскими учениками; большинство, если не все, с еврейскими чертами лица.

Накурено до крайности; лампа на столе светит, точно сквозь туман. Долго, однако, не начинают. Чего-то перешептываются в небольших кучках.

Подходит ко мне одноклассник Гречка, – один из приведших меня:

– Пойдем со мною! Одевайся...

– В чем дело?

– Потом скажу. Надо!

Удивился я. Оделись, вышли. Прошли молча квартала два.

– Ну, что же такое? Объясни, наконец!

– Тебе там нечего делать...

Тогда только я понял. Очевидно, опасались меня как сына прокурора и решили «выставить». Тогда меня это и возмутило, и оскорбило. В нелегальные кружки уже и сам я после этого не соглашался ходить, ни на какие приглашения.

Выпускной экзамен

Вот, наконец, с гимназическим курсом и кончено! Остался только выпускной экзамен – тогда акт большой важности.

Его производили, для вящей торжественности, в большом актовом зале. Стол с зеленым сукном, с золотыми кистями... За столом – экзаменационная комиссия, с директором во главе. Все – не по-обычному, парадно!

В параде также и экзаменующиеся. Блузы здесь не разрешаются. Заставили нас облечься в гимназические мундиры.

По залу расставлены в шахматном порядке парты. Каждая предназначена только для одного. Парты отделены, одна

от другой, метрами четырьмя: всякое сношение между абитуриентами – экзаменующимися должно быть пресечено... Время от времени между партами циркулируют члены комиссии или надзиратели... Такова обстановка письменных экзаменов; с них дело и начинается.

Трепещущие, мы собрались и ждем. Вот в дверях зала появляется высокая сухая фигура директора. Проходя к экзаменационному столу, он осматривает нас строгим взглядом: все ли меры против нас приняты... Наши сердца сжимаются еще больше.

Директор занимает свое место. Затем вынимает из папки конверт. Это – экзаменационная тема! Она получена непосредственно от учебного округа, из Тифлиса. Конверт прошит накрест проволокой, а концы проволоки припечатаны сургучными печатями. Члены комиссии поочередно осматривают пакет: удостоверяются в целостности печатей. Затем директор выходит на середину зала и, высоко подняв руку, показывает издали зачем-то пакет и нам. Ему подносят ножницы. Подняв высоко над столом конверт, директор медленно разрезает проволоки. Из конверта вынимается листок бумаги. Тема! Мы окончательно замираем от волнения... Листок просматривается по очереди членами комиссии. Один из них выходит к доске и пишет на ней тему.

Свершилось!

Вся эта торжественная церемония с конвертом была производима благодаря скандалу, происшедшему в прошлом го-

ду. Ранее обыкновенно бывало, что выпускные ученики наперед узнавали экзаменационные темы. Посредством тайных сношений между собой абитуриенты кавказских гимназий устраивали денежный сбор. На собранные средства подкупался кто-либо из служащих в канцелярии попечителя, и темы здесь выкрадывались. Или же, если это не удавалось, подкупался почтовый чиновник в Тифлисе. Он распечатывал искусно на почте конверт, снимал копии тем, передавал их кому следует, а вновь запечатанный пакет путешествовал далее. Применялись и другие способы.

Но как раз в предыдущем году у директора одной из тифлисских гимназий Лилова темы перед экзаменом были похищены из его письменного стола. Виновники обнаружались легко: сын самого директора и его племянник – оба выпускные гимназисты. К скандалу отнеслись довольно мягко: виновники были на год лишены права держать выпускные экзамены. Вместе с тем, однако, были введены усиленные меры предосторожности, впервые примененные к нашему выпуску.

Но и абитуриенты изощрялись в мерах самопомощи. По заранее распределенным между собой ролям один из экзаменующихся просился выйти по естественной надобности. Он оставлял в условленном месте копию темы. Подкупленный сторож передавал эту копию специально мобилизованным лучшим ученикам седьмого класса, которые, пользуясь всеми пособиями, спешно изготовляли работу. Тем же пу-

тем, но через другого выходявшего, работа или решение математической задачи попадала в зал. Она спешно размножалась, а копии либо перебрасывались от одного к другому в виде смятых бумажных шариков, либо оставлялась под подносом с графином воды, стоявшим на окне для охлаждения экзаменуемых. В таких случаях у абитуриентов внезапно проявлялась массовая жажда...

Письменные экзамены прошли благополучно; начались устные.

Здесь также была организована самопомощь. Один вызывался добровольцем и отвечал первый, без «обдумывания». Двое же следующих предварительно «обдумывали» доставшийся им билет на двух партах, у противоположных стен зала. В парты сторожа заблаговременно подкладывали книги, конспекты и все, что могло бы помочь «обдумыванию».

К этому плутовству нельзя было отнестись слишком строго. Оно было естественной самозащитой при нелепой системе, где происходит не столько экзамен знаний, сколько – памяти. В самом деле, что мог бы извлечь экзаменуемый из учебника математики или любой грамматики, перелистывая их тайком в течение десяти минут, полагавшихся на обдумывание, если бы не был знаком с предметом раньше?

Но на самом последнем экзамене – он был по истории – произошла у нас катастрофа. На противоположных партах «обдумывали» двое: Атарщиков и я. Атарщиков маневрировал неловко: это заметили. К нему подлетел инспектор Шан-

тарин... и извлек из парты целый ворох пособий.

Перенеся «вещественные доказательства» на экзаменационный стол, Шантарин направляется ко мне:

– У вас тоже такой склад?

– Нет, Григорий Васильевич!

Он отходит. Хорошее «нет» – там полно! Терять времени нельзя. Сгребая все, что было в парте, втискиваю под мундир, в карманы. Живот мой внезапно распухает...

Меня вызывают. И тотчас же инспектор идет обыскивать мою парту. Поздно!

Атарщикову угрожала кара. Но этика требовала: один за всех, все за одного. Раньше, однако, чем мы успели что-либо предпринять для помощи ему, дело повернулось совсем неожиданно.

Атарщиков был постоянным церковнослужителем при о. Григории Смирнове. Теперь этот последний убедил его выдать, в целях самозащиты, всех и все. Атарщиков так и сделал. Дело вдруг стало серьезным. Началось расследование, допросы, заседания... Экзамен был объявлен недействительным, и о преступлении нашем донесли на распоряжение попечителя учебного округа. Мы повисли в воздухе и гадали, что же с нами будет? Неужели придется все сдавать сначала?

Атарщикову, признанному нами предателем, был объявлен бойкот⁹⁴.

⁹⁴ Спустя четыре года, участвуя в экспедиции в ледники Эльбруса, я неочи-

Недели через три пришло мудрое распоряжение попечителя Яновского: не применять никаких репрессий, повторить заново только злополучный экзамен по истории⁹⁵.

данно встретился в Нальчике с Атаршиковым, которого мы потеряли из виду. Он здесь лечился от довольно сильного туберкулеза. Слышал я, что вскоре он и умер.

⁹⁵ Ср. с дневниковой записью В. В. Стратонова от 12 июня 1887 г.: «Экзамены у нас начались 12 мая. К ним были не допущены 7 человек <...>. На первом же, русском, многие порезались, из которых один, Короленко, должен был скоро подать прошение об оставлении на второй год. Моя работа, как говорят, лучшая; получил 5. На другой день писали по латыни. Тема была трудноватая. Я сделал две грубые ошибки, но, несмотря на это, моя работа опять оказалась лучшей. Затем писали по-гречески очень легкий перевод, за который я получил 5, и по математике <...>. Итак, письменные экзамены у меня сошли хорошо. Начались устные. 1-й был по закону Божьему, 2-й – история, 3-й – греческий, 4-й – латинский, 5-й – математика. Я получил на всех по 5, хотя по математике отвечал лишь на 4. На истории у нас произошла история, не кончившаяся до сей поры. Дело в том, что у нас были составлены для каждого билета программы, более подробные, чем следовало, которые мы положили в скамьи для обдумывания. Из-за этих-то программ история и запоролась. Попалась начальству программа на вопрос № 21, который отвечал Атаршиков, и его решили исключить вместе с другим товарищем, Куликом. Тогда Атаршиков, по совету законоучителя Смирнова, донес, что такие программы были у всех. Нас спросили, и мы, под честным словом, все, кроме Дивари и Фисенко [*примиска*: и отчасти меня. 16/VIII.89] сознались. Был создан совет, на котором постановили ходатайствовать перед попечителем об оставлении отметок, так как это дело не имело влияния на ответы и было лишь мальчишеством. Но на это ходатайство до сих пор нет ответа. Вот в таком-то неведении мы находимся и в настоящую минуту, не зная, что с нами будет, выдадут ли аттестаты или оставят еще на год. Через это меня могут лишиться золотой медали [*примиска*: боязнь лишиться ее заставила меня несколько сподличать, сознаться лишь в 1/2 греха. 16.VIII/89.]] (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 2. Л. 31). В записи от 19 июня Стратонов продолжает: «Наше неопределенное положение, наконец, разрешилось. Был назначен второй экзамен по ис-

После окончания

Итак, гимназия окончена! Мне лично повезло: получил золотую медаль. Но и весь класс сдал благополучно, срезавшихся не оказалось. Буквально мы не чувствовали под собою от радости земли... Кончено с ненавистным классицизмом; впереди – студенчество!

Этого события нельзя было не отпраздновать. Мы ознаменовали его ночным пикником на одном из безлюдных островков Кубани. Переплыли реку и расположились на песке между кустами. Разложили громадный костер, чтобы спастись от комаров. Пировали и пели, пели и пировали... Пили за всех. Один из товарищей, поступивший затем в кавалерийское училище, провозгласил:

– Выпьем теперь за государя императора!

Несколько голосов запротестовало:

– Нет, за него мы пить не будем...

Вернулись уже засветло.

Настало время собираться в университеты. Некоторые из окончивших заявили, что они не имеют никаких средств на эту попытку. Мы устроили в театре городского сада благо-

тории на 15 июня. Я получил о нем известие 14-го в 10 ч. вечера в театре. Понятно, что я все бросил и побежал домой. На экзамене, который, в общем, сошел лучше первого, я получил 5. На другой день был назначен совет, а на третий, 17-го, мы получили аттестаты. Золотую медаль получил я, а серебряные – Дивари и Молько. Всего же окончил 13 человек...» (Там же. Л. 32).

творительный концерт, с участием гастролировавшей в Екатерино-даре малороссийской труппы. Ее тогда возглавляла талантливая и симпатичная артистка М. К. Заньковецкая.

Мы, молодые устроители, рассудили, что участвующим в концерте артисткам надо поднести букеты. Но тратить деньги из скромного сбора сочли неправильным, а своих денег ни у кого не было. Как раз в день концерта в клубе, в городском саду, был обед, устроенный местной золотой молодежью в честь артисток, с тою же М. К. Заньковецкой во главе. Мы понадеялись, что соберем деньги среди этой публики, и смело заказали цветы. Товарищи командировали меня с подписным листом. Но все отшучиваются, острят, а денег не дают.

С повешенным носом возвращаюсь по аллее в театр. Позади – шаги. Кто-то берет меня под руку. Оглядываюсь – есаул артиллерист Шелест.

– Ваши товарищи, верно, затратили на цветы свои деньги?

– Да...

– Сколько? Передайте, пожалуйста, товарищам!

Раньше, чем я, растерявшийся, его поблагодарил, он уже удалился. Этот красивый урок я запомнил на всю жизнь.

Нас окончило человек тридцать пять. И сразу начали рваться нити, так крепко, как казалось, нас годами связывавшие. Пошли мы разными путями: одни стали врачами, другие – юристами, третьи – военными... Из моих одноклассников вышел ряд полезных людей, но выдающихся деятелей

как-то не выработалось. Судьба разметала нас, и мало кто позже встречался друг с другом.

Конец гимназии

Наш выпуск оказался, между тем, для Кубанской войсковой гимназии лебединой песнью, – последним!

Революционные тенденции, как говорилось, у нас сильно проникли в среду учащихся. Поэтому жандармские обыски и аресты в среде гимназистов становились все более и более заурядным явлением. В связи со всем этим и возникла попытка милитаризировать гимназию.

В начале 1887 года произошел роковой для России факт, далеких последствий которого никто тогда, конечно, и во сне не мог предвидеть. На Невском проспекте в Петербурге были задержаны 1 марта три молодых студента с бомбами, готовившие покушение на Александра III.

Это были: Андреюшкин, из нашей Кубанской гимназии, Генералов, из Лубенской, и Осипанов. Все трое были первокурсниками, только недавно вышедшими из стен средней школы. Вместе с ними был повешен молодой химик Ульянов (брат Ленина).

Андреюшкин был одним классом старше меня: окончил курс в 1886 году. Живо его помню: плотный юноша, с широким угреватым и покрытым следами оспы лицом, угрюмый, неприветливый и, в общем, малозаметный.

Все три студента были повешены. Если справедливо, как на то указывают большевицкие официальные биографы, что именно казнь Ульянова сделала из его брата того Ленина, который так громко вошел в историю, то надо признать, что эти виселицы обошлись России дорого!

Принялись и за те гимназии, из стен которых вышли красольные юноши. Не помню, чем кончилось дело для двух других, но Кубанскую войсковую гимназию, как революционный очаг, постановлено было закрыть.

Взамен гимназии для молодых казаков Кубанским войском была учреждена сотня стипендий в разных кадетских корпусах. Эти стипендии, однако, по большей части оставались незамещенными. В здание нашей гимназии перевели Кубанское реальное училище.

Городское же управление Екатеринодара, взамен закрытой, немедленно открыло свою мужскую гимназию.

Юбилей

Много прошло с тех пор лет. И вот в 1930 году среди эмигрантов кубанцев в Праге вспомнили, что истекло 110 лет со времени открытия на Кубани первого среднего учебного заведения, Черноморской гимназии, которая затем была преобразована в Кубанскую войсковую гимназию и которую преемственно заменило Кубанское Александровское реальное училище. Этот зародыш произошел 29 июня 1820 года,

и первым директором Черноморской гимназии в Екатеринодаре был протоиерей Кирилл Васильевич Россинский.

Столетие существования средней школы истекло в эпоху ожесточенной гражданской войны на Кубани, когда было не до юбилеев. Поэтому более просвещенные кубанцы решили ознаменовать 110 лет со времени этого события. Вот что говорилось в воззвании:

«Дорогие кубанцы! Минуло десять лет, как злая судьба выгнала нас из родного края. Сколько тысяч лучших кубанцев положили свою жизнь в борьбе за свой родной край! Но враг не столько силою, как хитростью, демагогическими обещаниями, склонил на свою сторону и многих из наших братьев – и мы проиграли. Враг одолел обманом! Тысячи раз каждый из нас ставил себе вопрос – почему мы проиграли? Без сомнения, конечная причина нашего несчастья – это неумение разбираться в том, что нам говорят, неумение за льстивыми словами видеть правду, отсутствие у народа в целом надлежащего образования...

Мы потеряли родину, тяжелым трудом приобретенное добро, сейчас мы почти нищие, и единственное утешение в жизни – это при соответственном случае вспомнить про родную Кубань. В этом году как раз и есть такой исторический для Кубани случай! 29 июня истекает сто десять лет, как на Кубани было открыто среднее учебное заведение – Черноморская гимназия, которая была главным источником культурного развития Кубани. С течением времени она бы-

ла преобразована в Кубанскую войсковую гимназию, которой наследовало Кубанское Александровское реальное училище. Не будем забывать, что в то время, когда только что минуло 28 лет, как наши предки заселили кубанские просторы, открытие среднего учебного заведения было показателем больших духовных их стремлений; эта школа воспитала тысячи кубанских работников, которые создали славу Кубани...

Прошли годы, и гимназию постигло несчастье – сгорело ее помещение, вследствие чего и по причине сильных лихорадок в Екатеринодаре, Черноморская гимназия была переведена в гор. Ейск, где поместилась в большом казенном, б[ывшем] крепостном здании...

Через довольно продолжительное время войско, теперь уже Кубанское, образованное из Черноморского и Линейного, построило прекрасное здание для этой гимназии в Екатеринодаре, куда она перешла в 1876 году 25 сентября. Торжественно было освящено здание и церковь св. Сергия Радонежского при нем...

Войсковая школа на Кубани просуществовала ровно 100 лет, давши колоссальное культурное наследие.

Советская власть, оккупировав Кубань в 1920 году, уничтожила ее и взамен ввела свою школу, передавши даже здание КАРУ⁹⁶ правительству Адыгейско-Черкесской респуб-

⁹⁶ То есть Кубанское Александровское реальное училище.

лики⁹⁷; церковь из него была вынесена в Екатерининский собор в качестве придела. Уничтожила она форму школы, но не уничтожила культурного духа, и мы твердо верим, что настанет время, когда возродится войсковая школа на Кубани и в нашем “храме славы” вспомнят и основателей его, и духовного отца его – первого директора прот. К. В. Россинского».

Был организован в Праге, для празднования юбилея, комитет из представителей разных казачьих организаций. Как стали отыскивать питомцев этой гимназии, то самым старейшим из них оказался я. Меня и просили прочитать свои воспоминания на юбилейном собрании 28 июня 1930 года.

Я согласился, но список организаций, под флагом которых был намечен юбилей, оказался для меня, как русского общественного деятеля, неприемлемым. И даже одно помещение моего имени в программе такого начинания вызвало в русской эмиграции разговоры. Действительно, в их числе были: «Объединение вольного козачества»⁹⁸, которое не могло опровергнуть, что оно субсидируется польским пра-

⁹⁷ Неточность: Черкесская (Адыгейская) автономная область с центром в Краснодаре, выделенная, согласно постановлению президиума ВЦИК от 27 июля 1922 г., из Краснодарского и Майкопского отделов Кубано-Черноморской области, уже 24 августа была переименована в Адыгейскую (Черкесскую) автономную область, а 3 августа 1928 г. – в Адыгейскую автономную область.

⁹⁸ Сторонники казачьей «самостийности», выступавшие за освобождение Дона и Кубани из-под власти РСФСР и СССР и создание «союза вольных казачьих земель-республик – Казакии».

вительством в антирусских политических видах, «Громада українців с Кубані»⁹⁹ и т. п. С сожалением, но я должен был отказаться от возможности вспомнить старину с молодыми кубанцами. Впрочем, и самое юбилейное празднование плохо удалось.

⁹⁹ Громада українців з Кубані в Чехословацькій Республіці – эмигрантская украинская общественная организация, созданная в 1921 г. для оказания правовой, материальной и культурной помощи кубанцам, находящимся за границей.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Студенческие годы

1. Жизнь студенческая

Первые шаги

Дорогое, невозвратное время! «Весны златые дни»¹⁰⁰... Быстро, быстро они промчались!

В ту пору, когда я окончил гимназию, свободы в выборе университета у нас не было. Учебные округа были приписаны к определенным университетам. Правительство стремилось прекратить накопление студентов в столичных университетах; это считалось опасным для сохранения в них спокойствия.

Мы, кавказские абитуриенты, имели право поступить только в Киевский, Харьковский и Новороссийский (в Одессе) университеты. Столицы для нас были закрыты. Я избрал свою родину – Одессу.

В начале августа 1887 года, подъезжая морем к Одессе, с волнением всматривался я в возвышавшиеся над мгlistой полосой утреннего тумана верхушки церквей, крыши грома-

¹⁰⁰ Правильно: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?» – строки из главы шестой романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

дин домов и белый маяк на Большом Фонтане¹⁰¹. Что-то даст новая жизнь?.. Так заманчивая своей первой самостоятельностью...

На пароходе шла поступающая в тот же университет целая компания молодежи из Закавказья: русские, армяне, грузины, татары... Гортанная кавказская речь будущих студентов неумолчно оглашала палубу.

Тотчас же по приезде привелось наблюдать известное солнечное затмение 7 августа 1887 года. В центральной России оно наблюдалось как полное, а потому вызвало и много интереса, и много нелепой тревоги. В Одессе оно наблюдалось только как частное, и притом очень рано, вслед за восходом солнца. Но всероссийский громадный интерес к затмению заразил и Одессу. Тысячи одесситов заполняли с закопченными или с цветными стеклами аллеи Александровского парка. Многие провели, в ожидании восхода солнца, ночь в ресторане парка. Очевидно, они не теряли даром времени. Об этом наглядно свидетельствовали, как раз в начале затмения, мелькавшие в одной компании в воздухе и опускавшиеся на чьи-то головы стулья.

Кончены необходимые формальности, и вот я, в новеньком мундире с синим воротником, слушаю лекции на юридическом факультете.

¹⁰¹ Дачные поселки, расположенные вокруг трех наиболее крупных источников минерализованных подпочвенных вод в южной приморской части Одессы, получили название Большого, Среднего и Малого фонтанов.

Синий воротник... Тогда удивляло, почему при встрече со студентами пожилые люди так любили заявлять:

– И я тоже был студентом!

Отец мой посмеивался:

– И ты со временем будешь иметь ту же слабость...

Действительно, вид синего воротника – уже даже не в жизни, а хотя бы на сцене – всегда будит рой воспоминаний.

На юридическом факультете

Студентов юристов на первом курсе было не так много, человек восемьдесят. Среди них очень много было евреев. В ту пору прием евреев в наш университет формально ограничивался десятипроцентной нормой. Вследствие конкурса по аттестатам норму заполняли почти исключительно евреи – золотые медалисты. Но норма была фиктивной. Многие еще умудрялись попадать по протекции, распоряжением министра. Евреев, однако, мало привлекал физико-математический, а тем более историко-филологический факультеты. Всю почти их массу соблазняла карьера адвоката, и на курсе нашем, сплотившиеся группой, они заняли главенствующее место.

Первые же лекции по русскому праву – его читал заслуженный профессор Ф. И. Леонтович, уже глубокий старик – породили во мне смущение. Утомляло многоглаголание по вопросам, которые казались и без того ясными. А затем

неприятно удивило, когда Леонтович стал цитировать весьма большое число определений разных юристов, что собственно такое – право.

– Странная наука, – думалось мне, – если сами ученые не могут договориться о том, что надо понимать под таким основным термином...

Все же месяца два я усердно слушал лекции по юриспруденции. Но затем настоящее уныние навели на меня лекции по римскому праву проф. Табашникова, а также по статистике – Федорова.

Стал посещать лекции на других факультетах: филологическом, естественном и математическом. Резким контрастом представилась ясность, точность и определенность математических формулировок.

Мой переход на физико-математический факультет вызвал удивление. Декан проф. В. Н. Лигин говорил:

– Обычное дело, что математики не выдерживают и уходят на юридический. Но ваш обратный переход – первый в моей практике случай¹⁰².

¹⁰² Ср. запись В. В. Стратонова в дневнике от 18 сентября 1887 г.: «После долгих размышлений и колебаний я решился, наконец, перейти на математический факультет, что исполнил 15-го числа. <...> Нельзя сравнить новый факультет со старым. Здесь действительно слушаешь и слушаешь с удовольствием, а там!...» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 2. Л. 52).

Студенческая жизнь

В ту пору уже третий год действовал университетский устав 1884 года, кратко называвшийся «новым»¹⁰³.

В силу его требования мы носили форму: темно-зеленый мундир (щеголи делали себе черные мундиры) с синим воротником и позолоченными пуговицами с орлом, такое же пальто с синими петлицами и фуражка с синим околышем.

В парадных случаях полагался мундир с шитым золотом воротником. Его заводили себе лишь немногие, главным образом – богатые студенты из бессарабских дворян. Обычно же в торжественных случаях студенты привешивали к мундиру лишь шпагу генеральского фасона.

Разрешалось еще – и щеголи этим широко пользовались – носить серую длинную «николаевскую» шинель офицерского образца. Шинель эта часто смущала молодых солдат, и они козыряли студентам. Это вызывало негодование в мо-

¹⁰³ Университетский устав 1884 г., значительно ограничивая университетскую автономию, предусматривал избрание ректора исключительно министром народного просвещения, получившим также право замещать вакантные кафедры и утверждать в должности профессоров; выбор деканов факультетов возлагался на попечителя учебного округа; вводилась должность инспектора студентов для надзора за исполнением ими порядка, а провинившимся грозили взыскания от выговора и кратковременного ареста с содержанием в карцере до увольнения с правом восстановления или окончательного исключения; вводились университетские испытания, к которым допускались лишь студенты, успешно справившиеся с учебными планами полугодий и т. д.

лоденьких офицерах, и провинившимся солдатам влетало. Впрочем, в Одессе между студентами и молодыми офицерами всегда существовала конкуренция.

Не носили тогда формы только студенты четвертого курса, которые поступили в университет еще при старом уставе 1863 года. Они резко выделялись своими штатскими костюмами среди форменных сертуков и тужурок более молодых студентов.

Считалось особым шиком иметь мундир с выцветшим синим воротником или с таким же околышем на фуражке:

– Бывалый, мол, студент, а не какой-нибудь фукс – первокурсник!

Своего рода хороший тон требовал от студента быть недовольным новым уставом и при каждом подходящем случае высказывать пожелание о возвращении к старому. Администрация университета иногда задавала студенту коварный вопрос:

– В чем именно вы усматриваете преимущество устава 1863 года над уставом 1884 года?

Очень часто протестант лишь беспомощно открывал рот...

Но, конечно, новый устав больно ударил и по профессуре, лишив университеты автономности, и по студентам. В частности, студентов сильно раздражал учрежденный над ними внутренний полицейский надзор, в виде органов инспекции, с инспектором студентов во главе.

Студенты на первом семестре мало работали. В головах был хмель. Опьяняла внезапная свобода. И этой свободой упивались до пресыщения. Это было тем возможнее, что тогда переводных курсовых экзаменов вовсе не было. Требовалось только сдать ограниченное число репетиций для зачисления на следующий курс, что не представляло большого труда. Настоящей проверкой знаний являлся государственный экзамен, уже по окончании курса.

Мы были обязаны записываться в каждом полугодии на определенное число лекций, минимум в 18 часов в неделю, уплатить за каждый такой час в пользу профессора по 1 рублю, кроме 25 рублей, платимых за полугодие в пользу университета, а затем дело обучения предоставлялось собственной добросовестности студента.

Формальный контроль все же существовал, но он производился, собственно, над посещением студентами здания университета, а не самих лекций. Каждый студент получал определенный номер; в студенческой раздевальной на этот номер он должен был вешать пальто и фуражку. Служащий же инспекции, педель, обходил в часы лекций вешалки и отмечал номера с висящими фуражками.

Этим педелем был старик с мефистофельским лицом, довольно добродушный. Имени его никто не знал. Он предпочитал ладить со студентами и за подносимую пачку папирос отмечал отсутствующих. Иногда же прибегалось к вознаграждению сторожа, который вешал на надлежащее место

запасную фуражку. Не помню, впрочем, случаев каких-либо последствий за непосещение лекций.

При дешевизне жизни многое тогда было студентам доступно¹⁰⁴.

Самым излюбленным среди студентов был ресторан Брунса, во дворе громадного двухэтажного дома Вагнера, который выходил на Дерibasовскую, Екатерининскую и Ланжероновскую улицы – целый квартал! Ресторан славился пивом, сосисками с капустой и другими дешевыми яствами.

Популярна еще была среди студентов маленькая столовая на углу Херсонской и Дворянской улиц. Здесь за двадцать копеек можно было выпить стакан плохого кофе с молоком и с булочкой или за ту же цену получить простенький завтрак. Глухо говорили, будто хозяин этой, всегда заполненной студентами, столовой – агент жандармской полиции; но так ли это, осталось неизвестным.

Студентов в то время в Новороссийском университете было немного: около пятисот. Почти – состав гимназии!

¹⁰⁴ Например, я получал от отца сорок рублей в месяц. Половину платил за стол и квартиру (это было, правда, исключительно дешево). На остальные двадцать рублей я завел себе понемногу неплохую специальную библиотеку, никогда не отказывал себе в посещении театра или концерта, пользовался извозчиками, бывал в излюбленных студентами дешевых ресторанах и даже сшил себе, среди курса, шегольскую николаевскую шинель. Разумеется, это было только средним бюджетом студента. Были среди нас богатые, мотавшие деньги. Это были евреи – дети купцов – и сынки бессарабских дворян. Но на двадцать пять или тридцать рублей в месяц студент в Одессе тогда существовать мог.

Театр

Не было, кажется, города в России, где общественная жизнь так тесно переплеталась бы с театром, как это было в Одессе. Театр для одесситов был действительно любимым детищем.

Конечно, и в круге интересов студенчества театр играл большую роль. В свою очередь и артисты очень считались со студентами ввиду их организованности и голосистости. Студенты могли и успех создать и погубить артиста.

Прекрасный Городской театр¹⁰⁵ был открыт только в декабре 1887 года. В первое же время мы посещали по преимуществу «Русский театр»¹⁰⁶.

Это был громадный каменный сарай, мало удобный для своего назначения; помещался он в переулке близ Дерибасовской улицы. Позже он был перестроен до полной неузнаваемости. Но мы неудобств театра почти не замечали и, сидя на простых деревянных скамьях боковой галерки, откуда была даже не вся сцена видна, чувствовали себя вовсе не плохо.

¹⁰⁵ Здание Городского театра, открывшегося в Одессе в 1810 г., сгорело в 1873 г.; в новом здании, построенном в 1887 г., ныне располагается Одесский национальный академический театр оперы и балета.

¹⁰⁶ Здание театра было построено в 1874 г., а в 1875 г. получило название «Русский театр». С 1926 г. в нем располагается Одесский русский драматический театр.

Там подвизалась недурная оперетка Арбенина. Любимницей нашей была пухлая и уже не первой молодости примадонна Троцкая. Она была особенно хороша в «Маскотт»¹⁰⁷. И мы без конца вызывали:

– Троцкая! Троцка-ая!!

Не один раз возвращался я домой совершенно охрипшим из-за этой самой Троцкой.

Здесь же, в Русском театре, постоянно гастролировала малороссийская труппа «батьки» Кропивницкого¹⁰⁸. По местным условиям, благодаря наличию боевых украиноманов, она всегда имела сборы. Ее возглавляли блиставшая талантом М. К. Заньковецкая и затем Н. К. Садовский. Выдающимися артистами были и братья Садовского: по сцене Саксаганский и Карпенко-Карый; последний был одновременно и драматургом, пополнявшим репертуар малороссийской труппы. Но наибольшим из них успехом пользовался Садовский, выступавший в ролях героев. Он был тогда красивый высокий мужчина, особенно эффектный в театральных «лицарских» запорожских костюмах¹⁰⁹.

¹⁰⁷ «Маскотта» – оперетта французского композитора Эдмона Одрана, впервые поставленная в 1880 г. в Париже.

¹⁰⁸ См. запись В. В. Стратонова от 27 января 1888 г.: «В Одессу приехала труппа Кропивницкого, которою я так увлекался летом в Екатеринодаре. Сегодня иду на “Запорожца за Дунаем”» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 2. Л. 86).

¹⁰⁹ Много лет спустя я встретил Садовского, в 1925–1926 гг., в эмиграции. Мы с ним жили в Горных Черношицах, под Прагой, и я возобновил старое знакомство. Садовский был уже стариком под семьдесят лет; он, однако, был еще очень

М. К. Заньковецкая не умрет в истории русского театра. Она буквально очаровывала. Как-то на сцене я получил от Садовского рисунок «півня»¹¹⁰, которого рисовала по своей роли в одной из пьес Заньковецкая. Долго сохранял я эту театральную реликвию...¹¹¹

Позже излюбленным для студенчества театром сделался, конечно, Городской. Здесь каждый сезон бывала столь любимая тогда одесситами итальянская опера, и состав ее часто бывал действительно блестящим. Итальянцы оставались весь сезон. Только весной или великим постом их сменяли приезжавшие на гастроли из Петербурга или Киева русская опера или русская драма.

Театры передавали в университет ежедневно по несколь-

бодрым. Казалось, он готов и сейчас на любую героическую роль. В эмиграции Садовский организовал и обучал малороссийскую любительскую труппу. Выказал он себя теперь непримиримым русофобом. Вскоре уехал в советскую Россию, где его, по слухам, обласкали. Садовский умер в феврале 1933, 76 лет от роду, после 50 лет артистической деятельности.

¹¹⁰ петуха (*укр.*). В пьесе И. Карпенко-Карого «Безталанна» (1884) София говорит Гнату: «Дивись, я зараз півника намалюю», на что тот возражает: «Хіба це півник? Це голуб!»

¹¹¹ Ср. запись В. В. Стратонова из дневника от 8 марта 1888 г.: «6 марта был на спектакле малорусской труппы “Безталанна”. Заньковецкая своей игрой произвела глубокое впечатление. Я пошел на сцену и добыл себе на память лист с нарисованными на нем рукой Заньковецкой голубями. <...> Вечером отправился на вокзал, где студенты устроили овацию уезжающим Заньковецкой и Садовскому. Заньковецкую осыпали зеленью и листиками с прощальным стихотворением, затем проводили ее криками “ура”, бежа за поездом. С Садовским же беседовали час, пили пиво, потом же проводили его с такими же овациями, предварительно его покачав» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 2. Л. 92).

ко десятков дешевых билетов. Эти билеты распределялись между желающими, а если их бывало много, устраивался розыгрыш. В городском театре первый ряд галерки в драме стоил: против сцены – 50 коп., а сбоку – 25 коп. Студентам же эти билеты продавались за полцены. Между тем, это были кресла с плюшевой обивкой...

Итальянцы

Я знал тогда итальянский язык¹¹², что было редкостью среди студентов. Поэтому в университете на меня часто возлагалось общение с артистами, при приглашении их на балы, участвовать в концертах и т. п. Мне приводилось при этом бывать у них и на дому. Итальянцы с представителем студентов очень любезничали.

Артистка Д[амери]ни, певшая при антрепренере Сетове, говорила:

– Попросите импресарио, чтобы он ангажировал меня на следующий сезон. Если попросят студенты, он, наверное, пригласит!

При этом – очаровательная улыбка и на память свой портрет с чувствительной надписью.

– Хэ, хэ! – смеялся старый лукавец Сетов. – У Д[амери]ни

¹¹² Из дневников Стратонова следует, что с итальянскими певицами он разговаривал на французском языке, причем в своих записях неоднократно сетовал, что плохо владеет им.

молодежи есть чем поживиться! Не строгая...

На оперной сцене выделялась примадонна Гверчия. Это была красавица: высокая стройная итальянка, но с несколько надменным лицом. Говорили, что Гверчия получила первую премию на конкурсе красавиц в Спа¹¹³. Она обладала меццо-сопрано. Гверчия не была блестящей артистической звездой. Однако недостаток таланта искупался в глазах публики ее красотой. Особенно эффектной была она Амнерис в «Аиде»¹¹⁴. Студенты завидовали мне, когда я восседал у Гверчии в ложе бельэтажа или посещал ее в уборной. По совести, к зависти повода не было¹¹⁵.

¹¹³ Первый конкурс красоты состоялся 19 сентября 1888 г. на бельгийском курорте Спа, но победительницей стала Берта Сукаре, 18-летняя креолка из Гваделупы.

¹¹⁴ «Аида» – опера Д. Верди, впервые поставленная в 1871 г. в Каире; Амнерис – дочь фараона.

¹¹⁵ См. запись Стратонова в дневнике от 8 марта 1888 г.: «Сегодня утром я с товарищем Орбинским отправился к примадонне итальянской оперы Гверчия, привилегированной красавице, получившей серебряную медаль на 2-х выставках красавиц, и получил от нее карточку с надписью: “Olimpia Guercia ci M-er Vsevolod Stratonoff”» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 2. Л. 92). О ней же Стратонов пишет 17 ноября: «Вчера порядком кутнул. Был студенческий вечер. Не танцевал, по болезни ноги. В дивертисменте участвовала примадонна итальянской оперы красавица Гверчия, о которой я уже упоминал по поводу посещения ее мною и Орбинским. Вчера возобновил знакомство, ухаживал за нею вечером и в заключение провел ее под руку до кареты при овалциях в ее честь публики и студентов. Получил, вместе с некоторыми другими студентами, приглашение быть у нее. Воспользуюсь этим приглашением». А 19 ноября Стратонов помечает: «Был сегодня вечером в опере. Шел бенефис любимой студентами примадонны Катаньо. (...) Во время антракта я зашел в ложу, где сидела Гвер-

Позже Гверчия вышла замуж за своего импресарио Черепенникова – из богатых одесских купцов. Шутники уверя-

чия с матерью, и просидел там полдействия к великому смущению других студентов и публики. Там случился со мной курьезный эпизод. В ложе я познакомился с антрепренером Черепенниковым, о котором одни говорят, что он женат на Гверчии, а другие – большинство, что они живут гражданским браком, хотя последнему, безусловно, я не доверяю. Постоял Черепенников за моей спиной и удалился. Скоро я ушел на свое место в галерее, и каково же было мое изумление, когда я вдруг увидел за своей спиной Черепенникова. Мне уже мерещилось объяснение по поводу визита в ложе, но, конечно, все оказалось вздором» (Там же. Л. 126–127). Еще через неделю, 25 ноября, Стратонов пишет: «Вычитал сегодня в газетах, что в Петербурге на Невском в одной из фотографий выставлен портрет Гверчии рядом с портретом королевы сербской Наталии, известной тоже красавицы. Мое сердце возгордилось по этому поводу...» 27 ноября – новая запись: «Я оказался в несколько глупом положении. Был только что в опере на “Трубадуре”. Перед 4-м актом зашел в ложу Гверчии. Начали объясняться. Вдруг мать Гверчии обращается ко мне со словами: “Скажите мне, только скажите правду, что студенты имеют против Гверчии?” Я начинаю отрицать, говоря, что это едва ли верно, и в доказательство указываю на прием Гверчии во время последнего студенческого бала. На это мне отвечают, что Гверчия и впредь, в случае концерта, не откажется петь, но все-таки просят сказать правду, за что шикали во время представления “Аиды”. Я не особенно покривил душой, указав, в виде предположения, что здесь интрига некоторых артистов против нее, но все-таки сказал, что порасспрошу товарищей от себя. Теперь затрудняюсь, как поступать. Если она смотрит на знакомство со мной исключительно с той точки зрения, что я могу ей быть, как студент, полезен, то мне остается только прекратить это знакомство. Не могу же я сказать ей, что находят плохим ее пение, что ей лично не симпатизируют как якобы интриганке (потому-то я и думаю, что здесь действуют артисты, кутящие вместе со студентами), что не нравится ее манера держать себя и пр.». Тем не менее уже 9 декабря Стратонов указывал в дневнике, что, просидев на «Травиате» в ложе Гверчии «полдействия и полантракта», в разговоре «упомянул, как о причинах шиканья, об ее манерах, но нравящихся публике, но сделал это крайне неудачно благодаря плохому знанию французского языка» (Там же. Л. 131, 138).

ли, будто Черепенников повез Гверчия венчаться в какую-то глухую провинциальную церковку, заказал там священнику отслужить молебен, ее же уверил, что это и есть венчание по православному обряду.

Гораздо охотнее посещал я – и за кулисами, и на дому – прекрасную артистку и симпатичную девушку Олимпию Боронат. Благодаря очаровательному сопрано, она пела в Одессе более одного сезона. Это была небольшого роста черноглазая девушка, с толстой и длинной косой, немного склонная к полноте. Она жила со стариками родителями в чисто семейной обстановке. Однажды Боронат приняла меня больная, лежа в постели. Ничего фривольного здесь, конечно, не было – лишь артистическая простота нравов, но по юности меня это смутило¹¹⁶.

Позже Олимпия Боронат пела в Петербурге и вышла замуж за графа Ржевусского.

Из театральных событий 1887–1891 гг. особенно остались еще в памяти гастроли Виржинии Цукки и мейнингенцев¹¹⁷.

Цукки... Знаменитая итальянская балерина оставила неизгладимый след в балете¹¹⁸. Ее вспоминают еще и теперь.

¹¹⁶ Вирджиния Дамерини выступала 12 ноября 1889 г. вместе с Олимпией Боронат на студенческом концерте, одним из пяти распорядителей которого был Страгонов.

¹¹⁷ Имеется в виду труппа Мейнингенского театра из Саксен-Мейнингенского герцогства. В 1874–1890 гг. труппа постоянно гастролировала по Европе, в 1885 и 1890 гг. – в России.

¹¹⁸ Умерла в 1930 г. 83 лет.

Особенно очаровательна была ее мимика. В некоторых ролях Цукки казалась настоящей вакханкой. О ней говорили:

Цукки ноги, Цукки руки –
Цукки, Цукки, Цукки!

Мейнингенцы

Еще памятнее – гастроли мейнингенцев. Теперь мало кто о них вспоминает. А это была знаменитая в свое время труппа; ее содержал – и тратил на нее громадные суммы – герцог Мейнингенский¹¹⁹.

Труппа выделялась многочисленностью. Не было в ней особо выдающихся звезд. Но превосходен был ансамбль. Даже статистов, а тем более артистов на мелкие роли, – труппа имела своих, постоянных.

Труппа возила с собой и все необходимые ей декорации. Я видел приезд мейнингенцев в Одессу. Вереница в несколько десятков подвод-платформ перевозила декорации с вокзала в театр. Спектакли обставлялись так художественно, как до мейнингенцев не делалось.

Еще более замечательным было то, что в труппе играли все. Едва ли я ошибаюсь в том, что именно со времен мейнингенцев «народ» на сцене перестал изображать собою ряд

¹¹⁹ Имеется в виду Георг II, герцог Саксен-Мейнингенский с 1866 г.

неподвижных столбов, а стал действительно играть. Мейнингенцы ввели на сцену также и игру масс, а не только одних главных персонажей. Этот урок был воспринят и лучшими русскими театрами.

При отсутствии отвлекающих на себя огромное внимание артистических звезд, при полном художественном ансамбле, при прекрасной мизансцене, – сценическая иллюзия была действительно велика. Быть может, уместна аналогия со впечатлением и влиянием, которым после так прославился наш Художественный театр.

Особенно остались у меня в памяти: «Юлий Цезарь» с поражающей, между прочим, игрой каждого отдельного римлянина из толпы, в сцене на площади; «Орлеанская дева», – с колоссальным, как казалось, количеством войск, причем это не были тупо марширующие солдаты, как бывало у наших трупп, черпавших, для массовых сцен, сотрудников из солдат местного гарнизона, а каждый солдат здесь вместе с тем и играл; и еще «Заговор Фиеско»¹²⁰: опять превосходны были сцены массового карнавала.

Одесские гастроли мейнингенцев были их лебединой песнью. Здесь же директор труппы тайный советник Кронегг получил от своего герцога приказание ликвидировать это дефицитное театральное предприятие: герцогская казна не могла более его выдержать. Труппа была распущена, но след

¹²⁰ Упомянуты трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» (1599) и Ф. Шиллера «Орлеанская дева» (1801) и «Заговор Фиеско в Генуе» (1783).

на театре она оставила, конечно, глубокий.

Концерт Фигнера

Это было в эпоху наибольшей славы Н. Н. Фигнера. «Соллист его величества» приехал, в 1888 году, в Одессу, вместе с женой, Медеей Мей, известным сопрано.

Концерт знаменитого тенора был назначен в большом зале городской думы, здание которой от старых еще времен тогда называлось «биржей». Дом этот – на конце Приморского бульвара. Цены были назначены бешеные, но тем не менее билеты расхватали все. Успех продажи заставил Фигнера, а может быть и не его самого, а лишь его импресарио, пожалничать: для «стоящих» слушателей был предоставлен соседний зал, в обычное время отделенный от зрительного зала легкой перегородкой; сейчас эту перегородку разобрали.

И второй зал также оказался переполненным! Из него, однако, большинству публики не было видно эстрады, да и слышно было довольно плохо.

Уже одно это наперед создало в боковом зале враждебное концертантам настроение.

Идет концерт. И вот Фигнер, исполняя какой-то романс, на высокой ноте вдруг сорвался и издал петушиный крик...

Движение и глухой шум в многотысячной толпе...

Фигнер задет неудачей. Желая исправить впечатление, начинает романс сначала. Увы, на том же месте он снова сры-

вается – и еще хуже!

Среди возбужденной публики бокового зала раздаются шиканье и протяжные свистки. Их не могут заглушить жидкие аплодисменты фигнеристок *quand-même*¹²¹.

Шикали и свистели, как я видел, со всех сторон. Между шикавшими были вероятно и студенты, но это делали не они одни.

В «стоящий» зал бросается, сверкая очами, знаменитый одесский градоначальник адмирал П. А. Зеленый. За ним свита – полицеймейстер, пристав, несколько околоточных надзирателей. В дверях – городовые...

Зеленый стремительно несется среди расступающейся перед ним в страхе публики. Вдруг он замечает случайную группу студентов. Его осеняет решение:

– Ар-рестова-аать!!

Околоточные и подбежавшие городовые хватают за рукава с десятков студентов.

В публике крики:

– Не только они! Все свистели...

Студентов волокут из зала.

Возбуждение охватило и постороннюю публику, а тем более нас – студентов, оставшихся в зале. Концерта уже не слушаем. Совещаемся, как бы помочь арестованным. Хорошо знали произвол администрации: арестованных могли выслать из Одессы. Кто-то предлагает:

¹²¹ *вопреки всему (фр.).*

– Немедленно пойдём к генерал-губернатору Роопу!

– Куда же? Теперь ночь. Он спит...

– Все равно, идем!

– Идем, так идем...

Х. Х. Рооп жил во дворце, на том же Приморском бульваре; это было близко от концертного зала.

Толпою, человек в пятьдесят, стали мы против дворца. Тотчас же нас окружила полиция. А на тротуаре и на самом бульваре уже образовалась толпа. Скопилась публика, ушедшая, ввиду скандала, со злополучного концерта. Слышалось из толпы:

– Студенческие беспорядки!

– Началось!

Подбежал пристав. Закричал:

– Разойтись!!

– Не разойдемся! Доложите о нас генерал-губернатору.

Немедленно же!

– Что вы, господа! Его высокопревосходительство уже спит. Расходитесь, господа, лучше добром. Завтра все разберут!

Мы понимали, что они тоже боятся произвести расправу и шум под самыми окнами генерал-губернаторского дворца.

– Все равно – спит или не спит... Если спит, пусть разбудят!

– Да как же это возможно...

– Пусть доложат! Не уйдем!

Но из дворца нас уже заметили. Кто-то вышел, идут переговоры...

Полицейский чиновник говорит:

– Уже пошли докладывать!

А толпа на тротуаре все растет. Из нее выделяется господин в котелке, небольшого роста, плотный, седой. Обращается с речью:

– Нехорошо, господа! Вы, студенты, постоянно нарушаете порядок... Не хорошо-с!

Откуда еще взялся этот ментор?

Пристав почтительно поясняет:

– С вами разговаривает господин председатель окружного суда, его превосходительство господин Акимов!

Это был пресловутый впоследствии недоброй памяти председатель Государственного совета. Предчувствовал он, что ли, свою будущую роль?

Мы не обращаем на него внимания. Повернувшись спиной, разговариваем.

Из дворца выходит чиновник, за ним – полиция:

– Генерал-губернатор просит пожаловать к нему двух делегатов-студентов.

Мы торжествуем. Акимов стушевывается.

Через четверть часа делегаты возвращаются, радостные:

– Генерал-губернатор по телефону приказал немедленно освободить всех арестованных!

– Урааа!!!

Этому быстрому распоряжению, несомненно, подрывавшему престиж градоначальника, помогли достаточно известные трения между Х. Х. Роопом и подчиненным, но будировавшим против него, П. А. Зеленым.

На другой день делегация от студентов отправилась объяснить Фигнеру и Медее Мей, что студенты вовсе не устраивали демонстрации против них¹²².

Градоначальник П. А. Зеленый

Градоначальник, адмирал Павел Алексеевич Зеленый, был яркой в истории Одессы фигурой, не забытой и до сих пор.

Если не ошибаюсь, еще мичманом он участвовал в описанном И. А. Гончаровым плавании «Фрегат Паллада»¹²³. Во время же моего студенчества и еще много лет спустя П. А. Зеленый пользовался в России широкой известностью. О нем появилось впоследствии немало воспоминаний и в печати.

Но так как он был чрезвычайным юдофобом, то еврей-

¹²² См. дневниковую запись В. В. Стратонова от 25 апреля 1888 г. о концерте Н. Н. Фигнера и последующих событиях (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 2. Л. 96–97).

¹²³ Имеется в виду путешествие военного фрегата «Паллада» под командованием вице-адмирала Е. В. Путятина, секретарем которого состоял И. А. Гончаров, в 1852–1854 гг.; см.: *Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: В 2 т. СПб., 1858.*

литераторы сводили с ним в печати свои национальные счёты. Поэтому историческая пресса у него была плохая и страстная.

Он и на самом деле был истериком, плохо владевшим собою. А это проявлялось в том самодурстве, о котором по России ходило немало пикантных анекдотов. И получается впечатление, что кроме самодурства Зелёный ничего не делал.

Вращаясь постоянно в кругу моряков, я не раз слышал, однако, и хорошие отзывы о Зелёном, как о добром и безусловно честном человеке. Несомненно, что при нем в Одессе был хороший порядок. Полиция взятки, конечно, брала, как их берет повсюду всякая полиция, кроме отдельных исключительных лиц. Но лично о градоначальнике Зелёном таких нареканий никогда и ни от кого – даже от его врагов – слышать не приходилось. А так не всегда говорилось о некоторых других администраторах в Одессе: едва ли все они проявляли стойкость к соблазнам, исходившим от богатой еврейской среды. Между тем евреи так ненавидели Зелёного, что немедленно разнесли бы о нем все дурное, если бы оно действительно было.

Зелёный приводил в восхищение моряков своими ругательствами. Бранился он классически, вдохновенно, как артист этого дела. Уж на что матросы привычны были к бытовой русской ругани... А рассказывали, что и они от удовольствия рты раскрывали, слушая, как виртуозно, каждый раз по-новому, собственной импровизацией – разносит их Зеле-

ный. Это его творчество не повторяемо в печати; но некоторые его бранные словца, с сочувственным смехом, постоянно цитировались в кругах моряков.

С П. А. Зеленым сводили, между прочим, счеты и тем ребяческим способом, что время от времени печатали в газетах на первый взгляд безобидные объявления, – однако для одесситов весьма понятные. Помню одно из них в «Одесском листке»¹²⁴, на первой странице; это объявление по недосмотру было пропущено газетной конторой и полицейской цензурой:

– Вылетел зеленый попугай. Отлично бранится по-русски, еще лучше по-французски. Поймавшего просят доставить на квартиру (следовал точный адрес квартиры П. А. Зеленого), за что будет выдано приличное вознаграждение.

Вероятно, хорошо влетело и полицейскому цензору, и редакции за этот недосмотр, по условиям газетной техники вполне объяснимый.

Не повторяя классических, попавших в исторические журналы, анекдотов о нем, приведу лишь кое-что из бывшего во время моей студенческой жизни в Одессе.

П. А. Зеленый шел по улице с женой, также очень известной в Одессе Натальей Михайловной. На некотором расстоянии шагал охраняющий начальство городово́й.

Зазевавшийся гимназистик не отдал градоначальнику чести. Зеленый не переносил, если учащиеся ему не козыряют.

¹²⁴ «Одесский листок» (Одесса; 1880–1917) – ежедневная газета.

Налетел на мальчика с разнесом. Н. М. как-то отвлекла внимание мужа и сделала виновному знак, чтобы он удирал. У мальчишки пятки засверкали.

Вскипевший Зеленый закричал городовому:

– Арестовать! В участок ее!!

Растерявшийся городской мялся с разинутым ртом... Н. М. вскочила на извозчика и укатила.

В соборе, в царский день, – торжественное молебствие. П. А. Зеленый, на паперти, лично следит, чтобы на молебен пропускались только чиновные и важные лица.

Поднимается на паперть высокий плотный господин, с рыжей бородой и волосами, в штатском пальто.

– Эй, ты! Рыжая свинья! Куда прешь? А... извините, ваше превосходительство!

«Рыжий» распахнул пальто с лентой и звездой. Это был ректор университета профессор Некрасов.

Студентами мне постоянно поручалось устройство студенческих балов и концертов. Организуя очередной бал и зная, что хоровой «*Gaudeamus*»¹²⁵ обыкновенно не удастся, вследствие незнания поющими текста, я отпечатал билеты, вместе с текстом *Gaudeamus*'а (по латыни и по-русски), на цветной почтовой бумаге.

У нас было принято развозить почетные билеты. Это я

¹²⁵ *Gaudeamus igitur* (лат. будем веселиться) – студенческая песня (гимн), впервые появившаяся в печатном виде в 1776 г., переложена П. И. Чайковским в 1874 г. для мужского хора и фортепиано.

поручил молоденькому студенту, сыну генерала из военно-окружного суда, вылощенному щеголю, но с большим кругом знакомых. Поручил я, по неосторожности, ему завезти почетные билеты и Н. М. и П. А. Зеленым.

Влетает ко мне студентик. Бледный, растерянный... Щегольские ботинки в грязи...

– Приезжаю к градоначальнику... Говорят: просит сам адмирал! Он де в гостиной, вместе с Натальей Михайловной. Вхожу – там гости. Протягиваю ему билет... Адмирал покраснел. Как закричит:

– Это что за билеты!! Разве такая их форма? Длинные должны быть! В тетраджах... А, что вы там?

К нему подошел чиновник, что-то докладывает.

Наталья Михайловна показывает мне глазами на дверь. Шепчу:

– Почетные привез...

– Какие там почетные... Лучше удирайте, пока он этого не услышал!

Юноша не заставил себе повторять. Забыв в прихожей каалоши, бросился спасаться.

Артист Н. К. Садовский рассказывал, уже за границей, в 1926 году, анекдот, относившийся к той же эпохе:

Приехал Садовский с малороссийской труппой в Одессу. Как полагалось, явился представиться градоначальнику. Но на море был шторм, пароход запоздал, с ним не пришел и гардероб труппы. Позабывши, что можно взять сертук и на-

прокат, Садовский явился к начальству в пиджаке.

Дежурный чиновник покосился:

– Вы так представляться... Не боитесь?

– Что же теперь я могу сделать...

Из-за двери – бас:

– А, Садовский... Просить, просить!

Встречает милостиво и любезно. Переговоривши о деловой стороне, Садовский извиняется за свой костюм:

– Пароход из-за шторма опоздал.

– Ничего-с! Да, да! И у меня пароходы сегодня не вышли.

Ну, а что вы будете играть?

Садовский перечисляет свой репертуар.

– А эта пьеса будет? Ну, как ее... Ну, та, где вы жиду в морду даете?

– Ваше превосходительство, там я не даю в морду, а только угрожаю, что дам ему по морде...

– А вы дайте! На самом деле дайте. От моего имени дайте жиду по морде!

Садовский потом предупреждал артиста, игравшего еврея:

– Ну, брат, берегись! Градоначальник велел от его имени дать тебе по морде!

Генерал-губернатор Х. Х. Рооп сильно сдерживал буйного адмирала. Отношения между ними были плохие, и Зеленый использовал всю свою протекцию, чтобы добиться «полноты власти».

Возвращался я, в августе 1888 года, на пароходе в Одессу. С нами шла из Крыма Н. М. Зеленая. Публика на пароходе ждала очередного представления: ведь Зеленый, наверное, будет встречать жену...

Действительно, на молу стоит П. А. Зеленый со свитой. Поодаль, образуя промежуточную пустоту, – остальная встречающая публика. Едва пароход приблизился, но еще не отшвартовался, как Зеленый радостно закричал во весь голос:

– Генерал-губернаторство упразднено!!¹²⁶

Ставши самостоятельным, П. А. Зеленый действительно развернулся...

2. Студенческие волнения

Беспорядки 1887 года

Прошло лишь три месяца студенческой моей жизни, как в университете вспыхнули беспорядки. Это было 1 декабря 1887 года.

Местных поводов к волнению не было. Но несколько времени назад шумная история разыгралась в Московском университете: студент Синявский ударил на студенческом балу

¹²⁶ Неточность: временное одесское генерал-губернаторство было упразднено в 1889 г.

перетянувшего струны инспектора студентов Брызгалова, и в связи с этим в Московском университете возникли довольно серьезные беспорядки.

На эту историю один за другим стали реагировать провинциальные университеты. Очередь быстро дошла и до Одессы. К нам приехали делегаты из других университетов, требуя поддержки.

1 декабря у нас была объявлена общеуниверситетская сходка. Местом ее было назначено обычное помещение, где собирались студенты, – курилка, – две больших залы, в третьем этаже, в старом здании на Дворянской.

Собрались. Один из лидеров стал читать письма с описанием беспорядков, будто бы происшедших в других университетах. Позже стало известно, что сообщения эти не всегда отвечали действительности; письма, очевидно, были сфабрикованы, и фабрикация, должно быть, шла из революционных кружков. Тем не менее, и из писем, и из горячих речей вытекало логически, что и нам, одесситам, никак нельзя не поддержать москвичей. Студенты, особенно первокурсники, прямо охмелели от молодого задора.

Толпою, в две-три сотни – зеленая молодежь впереди, а более опытные студенты не так торопились – вышли мы из курилки и заполнили площадку вестибюля, против актового зала и церкви. Это была традиция: массовое появление здесь студентов как бы устанавливало факт «беспорядков».

Что-то мы кричали. Произносили зажигательные речи.

Громче всех кричали, самые страстные речи говорили – легко воспламеняющиеся молодые кавказцы.

Тем временем на Дворянской, против университетского входа, выстроилась в конном строю сотня донских казаков, с их красными околышами фуражек.

– Красные против синих! – беспечно острили студенты.

Здесь же, на углу Дворянской и Херсонской, с полным полицейским антуражем, стоял мрачный, как туча, адмирал Зеленый. Вид этой группы не предвещал ничего доброго. Но мы как-то и мысли не допускали о возможности жестокой расправы с нами нагайками.

На сходке кричали изо всех сил:

– Ректора!

– Ректора!!

Прошло около часу. И вот внизу на лестнице показалась маленькая фигура ректора. Это был симпатичнейший С. П. Ярошенко, наш профессор аналитической геометрии. Ярошенко считался «розовым»¹²⁷, начальство на него косилось. Студенты же его любили.

Стараясь казаться спокойным – но по его лицу ходили красные пятна, – С. П. вошел, среди расступившихся студентов, в самую гущу толпы.

Выступил студент-оратор и прочитал заготовленную петицию. Она содержала ряд фантастических, по условиям того времени, требований. Кончалась же петиция тогда обя-

¹²⁷ То есть имевшим либеральные взгляды.

зательным упоминанием об отмене университетского устава 1884 года.

– Просим вас, господин ректор, переслать эту петицию в министерство!

– В министерство! – заорали вокруг.

– Передайте в министерство!!

Мы, зеленая молодежь, были удивительно наивны. Мы верили, будто все зло в неосведомленности министерства. Больше всего мы в ту минуту боялись, как бы эта петиция – для большинства неизвестно кем составленная и вовсе студентами не обсужденная – не осталась не посланной в Петербург.

С. П. Ярошенко учел обстановку. Тонем, не внушавшим нам сомнений в искренности, ответил:

– Даю вам обещание, господа, что петицию эту я перешлю в министерство!

Гул одобрения... Взрыв аплодисментов.

– Вас же я прошу пощадить университет и спокойно разойтись.

– Ура ректору!

– Bravo, ректор!!

Сопровождаемый овациями «бунтовщиков» ректор спускался по лестнице.

– Расходиться!

– Спокойно расходиться! Малыми группами!!

Мы расходились по несколько человек мимо все еще сто-

явших казаков и зловеще молчаливого градоначальника.

Важных последствий беспорядки не имели, хотя кое-кто все же пострадал. Такую мягкость к студентам в Одессе приписывали мудрости генерал-губернатора Х. Х. Роопа, который говорил:

– Что за беда, если мальчишки покричат? На то они и молодежь...

Взятие «Бастилии»

Прошел год. И кому-то из студентов пришло на мысль, что годовщину беспорядков, из которых мы вышли чуть ли не победителями, во всяком случае без ощутительных потерь, надо ознаменовать.

Мысль эта встретила сочувствие. И вот 1 декабря 1888 года все лекции в университете сами собой прекратились. На них никто не пошел. Профессора возмущались:

– Что это? Вы точно взятие Бастилии празднуете...

Студенчество собралось в двух залах курилки, и день прошел у нас довольно мило. После неизбежных речей, посвященных общеполитическим мотивам, начался импровизированный концерт. Образовались хоры разных национальностей; каждый из них должен был петь свои национальные песни. Пелись болгарские, молдаванские, еврейские, грузинские, татарские, армянские и др. песни. Не помню, пелись ли также и русские; скорее, что нет.

Потом стали танцевать свои национальные танцы: очень оригинальный еврейский танец, молдаванский, болгарское коло¹²⁸, неизбежную лезгинку, трепака...

Вечером собрались, в числе нескольких сот, в популярном ресторане Брунса.

Посторонних посетителей, которые не прочь были посмотреть на наше празднество – о нем знал уже весь город – мы выкурили; к сожалению, несколько бесцеремонно... Все комнаты ресторана вплотную переполнились студентами.

Пошло обильное возлияние пива. Сначала приносили кружками. Но это было безнадежным делом – у прислуги сил не хватало. Тогда стали приносить на столы бочонки, и из них струей лилось пиво в кружки, а иногда и прямо на стол.

Опять – песня, начиная с «Gaudeamus»; речи, речи...

На круглый стол посреди ресторана взбирается упитанный студент с бритыми щеками и тонкими усиками; читает свой «экспромт»:

Таких минут душевного восторга,
Как нынче, я давно не испытал;
Сегодня, в звуках вдохновенных песен,
Я старое студенчество узнал.
Мы убедились все, что единенье
В сердцах студенческих живет;
Из этого святого убежденья
Источник сил и вдохновенья

¹²⁸ Коло (в Болгарии – хоро) – южнославянский народный танец-хоровод.

На будущее каждый обретет¹²⁹.

– Ур-ра! Качать его!

Все были достаточно пьяны, и упитанный студент стал взлетать к потолку.

Это был О. Я. Пергамент, в будущем член Государственной Думы, заставивший одно время поговорить о себе в России. О нем ниже еще будет несколько слов.

Граф И. Д. Делянов

Осенью 1889 года провинциальные университеты объезжал министр народного просвещения Иван Давидович Делянов. Говорили, что он расхрабрился на объезд вообще неспокойных в ту пору высших школ для того, чтобы продемонстрировать таким способом Александру III достигнутое им умиротворение студентов.

По поводу его приезда полиция приняла разные меры предосторожности в отношении менее надежных студентов

¹²⁹ В. В. Стратонов не совсем точно передает текст стихотворения О. Я. Пергамента «К студенчеству», которое записал в дневнике 1 декабря 1888 г.: Таких минут безумного восторга, Как нынче, я давно не испытал; Сегодня в звуках вдохновенных песен Я старое студенчество узнал. Мы убедились все, что единенье В сердцах студенческих живет; Из этого святого убежденья Огонь божественного вдохновенья На будущее каждый почерпнет. Тебя приветствую, пора свободы, Стремлений светлых, чести и добра, Цвети счастливо долгие ты годы. Я пью за здравие твое. Ура! (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 3. Л. 133).

и не без основания: отношение студенчества к министру отнюдь не было дружелюбным.

Вот министр и в университете! Маленький человек – юркий, несмотря на старость. Типичный горбатый армянский нос и полная лысина. В вицмундире со звездами.

Делянов посетил, сопровождаемый свитой университетского начальства, несколько лекций. Обращался в малолюдных аудиториях – многие студенты воздержались от посещения при этих обстоятельствах лекций – с речью к слушателям. Он шепелявил, плохо выговаривая слова:

– Вам надо учича, учича и учича! Ваши родители пожакладывали, чтобы вы училиш, швои шеребряные ложки...

Министру попался на пути наш педель с мефистофельским лицом, отмечавший номера вешалок со студенческими фуражками. Педель нарядился в новый черный сертук. Должно быть, Делянов принял его за профессора. На почтительный поклон министр пожал ему руку.

Педель несколько дней сиял, точно вычищенный самовар. А студенты издевались:

– Вы теперь до самой смерти руки не будете мыть! Почему? Чтобы не смыть пожатия министра...

В общем студентами было проявлено к Делянову равнодушие. Кое-где в аудиториях и в коридорах ему посвистали, но это было пустяками.

В результате сошедшего благополучно объезда И. Д. Делянов получил графский титул. В студенческой песенке ста-

ли петь:

Где сыскать таких болванов,
Как министр наш граф Делянов?

А вслед затем у нас вспыхнули серьезные беспорядки.

Беспорядки 1889 года

«Нет больше двоек!» Далее пояснялось, что весьма успешно репетирует неуспевающих учеников студент Ярошевич, адрес которого такой-то.

Это объявление, появившееся в самой распространенной в Одессе газете «Одесский листок», имело неожиданно серьезные последствия.

Многих студентов такая самореклама шокировала. Ее сопоставляли с классическим объявлением:

– Нет больше клопов!

В курилке возникли по этому поводу весьма оживленные разговоры.

К тому времени среди нашего студенчества образовалась немногочисленная, но сплоченная группа крайнего правого направления. Это был зародыш будущих «студентов-академистов»¹³⁰, членов «Союза русского народа» и пр. Такие

¹³⁰ Так называли студенческие монархические организации, возникавшие в высших учебных заведениях с 1901 г., которые выступали против политической

организации стали возникать в конце царствования Александра III, вследствие усилившегося спроса со стороны правительства на проявление реакционности.

Наша группа правых студентов, пользовавшаяся со стороны начальства не только тайной, но и явной поддержкой, состояла по преимуществу из бессарабских дворян. Из ее же недр вышел, бывший на несколько выпусков моложе меня, известный впоследствии своими выходками член Государственной Думы Пуришкевич. К этой же студенческой группе принадлежал и автор нашумевшего объявления – Ярошевич.

Правая группа приняла его под свое покровительство. И вдруг среди студентов поползли слухи, будто эта правая группа студентов, в отместку за нападки на Ярошевича, отправила непосредственно в министерство донос. В доносе будто бы жаловались министру на то, что студенты евреи мутят, мешая правильной академической работе патриотически настроенных студентов. Слухи указывали даже и фамилии «смутьянов» евреев, включенные в отправленный в министерство донос.

Откуда поползли слухи? Как будто проболтались некоторые из менее сдержанных на язык правых студентов – в своих похвальбах... Слухам этим, впрочем, мало кто склонен был верить: слишком это казалось чудовищно нелепым.

А они внезапно подтвердились!

Получилось распоряжение министра народного просве-

щения об исключении из университета около двадцати студентов евреев, как раз тех, которых называли не внушавшие доверия слухи. Между ними был и мой однокурсник и близкий товарищ талантливый математик В. Ф. Каган¹³¹.

¹³¹ Ср. с дневниковой записью В. В. Стратонова от 18 сентября 1889 г.: «Дело происходило так: один студент, математик IV курса, по фамилии Ярошевич, личность к себе не располагающая, напечатал в газете следующее объявление: “Нет больше двоек! Студент, применяя новейшие научные методы педагогики, исправляет самых ленивых учеников и внушает им любовь к наукам и занятиям; за успех ручается. Университет, Л. И. Ярошевичу”. На это безобразное объявление обратил внимание фельетонист “Одесского листка” Оса (Фрейденберг) и поднял на смех в своем фельетоне Ярошевича, сравнивая это объявление с аналогичным: нет более клопов etc. Ярошевич, не посоветовавшись ни с кем из людей более или менее умных, в ответ напечатал письмо в газете “Новороссийский телеграф”, газете с крайним юдофобским направлением, в котором нападает на личность Осы, не давая толковых возражений. “Одесский листок”, орган крайне юдофильский, отстреливается опять письмом, подписанным студентом Воротом, одним из самых несимпатичных студентов университета, в котором (письме) Ворт раздражается руганью против Ярошевича» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 3. Л. 223–224). Вслед за этим «Новороссийский телеграф» напечатал письма еще двух студентов, один из которых, рассуждая об антисемитизме, утверждал, что им «заражен и Запад», от него «не могут отделаться и люди зрелые, взрослые; чего же требовать от студентов?» Тогда же в ресторане Брунса кутившая компания с участием Ярошевича, заметив вошедшего в зал еврея-студента, стала кричать «Долой жида!», о чем тот пожаловался в университет. Все это «сильно возбудило» противоборствующие «партии», причем Стратонов, полагая, что нельзя разделять студентов по национальности, хотя и дружил со своим однокурсником В. Ф. Каганом (когда некий Хвития назвал его «жидом», он демонстративно прекратил с ним общаться), тем не менее еще 5 февраля признавался в дневнике: «Каган предложил мне зайти в то семейство, где он живет, – семейство еврейское, но я, благодаря своему юдофобству, не мог пересилить себя и не зашел» (Там же. Л. 164). Поскольку же из-за избияния еврея правление университета затребовало у студентов письменные показания, Ярошевич и его

Гром грянул неожиданно! Исключили безо всякого видимого повода, без проверки вины, даже без какого-либо конкретного обвинения.

Это исключение своей явной и вопиющей несправедливостью не могло не всколыхнуть студенчества. Оно действительно взволновалось, страсти разгорелись.

Назначили, как принято было, общеуниверситетскую сходку в курилке.

Студенты начали собираться. И вдруг произошел небывалый у нас факт:

В курилку входит помощник инспектора – старик Маньковский...

Кричащее нарушение традиций! Инспекция никогда не входила в курилку, когда там находились студенты. Это был неписанный, но соблюдавшийся закон. Единственное исключение составлял служитель инспекции Феофан. Он заведовал раздачей студентам писем, получавшихся на университетский адрес. Конечно, Феофан был и оком инспекции, но оком не слишком зорким... К тому же он занимался, меж-

сторонники заявили, что «еврейство одолело студентов, евреи постоянно мутят, возбуждают к непозволительным проступкам, укрывают в своей среде различных подлецов и пр., и пр., а потому в высшей степени желательно, чтобы евреи не принимались сверх процентной нормы». В итоге, возмутился Стратонов, «последовало распоряжение министров народного просвещения и внутренних дел об удалении 13 человек из университета и о высылке их из градоначальства», и 18 ноября исключенных студентов, включая Кагана, «заставили дать подписку о не входе в университет» и выезде в течение трех дней из Одессы (Там же. Л. 234–235).

ду прочим, выдачей мелких ссуд студентам – хотя и за лихвенные¹³² проценты, но на простом доверии. Его, однако, не обманывали, и ему едва ли хотелось портить доносами свои банковые операции со столь выгодными клиентами. Во всяком случае, Феофан помещался со своей конторкой в первом малом зале курилки и никогда не рисковал проникать во второй, главный, зал, где обыкновенно происходили сходки.

И вот этого бедного старика Маньковского начальство командировало на столь неприятную для него миссию...

Медленно, провожаемый взглядами студентов, ничего хорошего не предвещающими, проходит Маньковский вдоль стены... Зачем? Объявления незаконного, что ли, ищет?

Доходит он до двери в уборную. Остановился, подумал... и вошел.

Дзинь!

За Маньковским заперли дверь на ключ. Старик оказался арестованным в клозете. Бедняге там пришлось просидеть все долгое время сходки. И начальство, его пославшее, на помощь ему не пришло. Кричал, стучал в дверь кулаками... В ответ только раздавалось:

– Тише, Маньковский!

Сходка открылась. Возбужденная, страстная... Оратор за оратором взвинчивают настроение. Решают послать делегатов к ректору для объяснений.

Делегаты отправляются.

¹³² *Лихвенные* (устар.) – очень большие, ростовщические.

Полчаса... час... Делегатов нет.

Подбегают два студента:

– Стратонов, посмотрите, Феофан что-то записывает!

Почему-то я решаю, что моя обязанность вмешаться. Подхожу к Феофану; за мной – целая толпа...

– Что это вы записываете?

Феофан захвачен врасплох: в руках у него бумажка...

– Дайте мне вашу записку!

Испуганный, побледневший, как стена, Феофан оглядывается... Кругом зловещие лица...

Безропотно протягивает записи. Читаю: действительно записаны разные фамилии. Рву бумажку на клочья.

– Не советую вам это повторять¹³³...

Студенты волнуются из-за отсутствия делегатов. Что с ними? Уже полтора часа...

Вскакивает на скамью маленький, нервный Иванов:

– А что, господа, если делегаты и совсем не вернуться? Что, если их арестовали?!

Нервность растет... Некоторые ораторы требуют более не ждать, а немедленно приступить к началу беспорядков. Другие, в их числе я, решительно возражаем против беспорядков: нам надо спасти исключенных, а беспорядками мы не только им не поможем, а увеличим еще их число. Другими способами надо действовать...

¹³³ Вскоре после этого Феофан был уволен от службы. Очевидно, не оправдал поручения.

Но вот и делегаты! Долгие их переговоры с ректором, а ректора по телефону с другими властями, – ни к чему не привели. От ректора они вернулись ни с чем¹³⁴.

Горячие ораторы еще энергичнее требуют начать беспорядки. Мы, возражающие, требуем голосования. Подавляющее число рук поднимается за беспорядки...¹³⁵

Значит, решено!

Теперь открываем уборную. Выходит Маньковский... С опущенной, нервно трясущейся головой, бледный, пропускается он сквозь строй возбужденных студентов. Пронзительные свистки, шиканье¹³⁶...

¹³⁴ Ректор С. П. Ярошенко был из-за этих беспорядков вскоре лишен ректорских обязанностей.

¹³⁵ Ср. с дневниковой записью В. В. Стратонова от 6 декабря 1889 г. о событиях 20 ноября: «Наконец, кто-то, кажется Попов, предложил идти на традиционную площадку перед актовым залом и этим начать волнения. Уже двинулись было, но я громко стал останавливать, взошел на скамью и советовал сделать сначала все возможное для облегчения их [исключенных из университета] участи, а в случае неудачи начинать беспорядки. Меня поддержали другие, и на один час удалось остановить волнения. Отправили депутацию к ректору из студентов Иващенко, Солухи и Титорова (перешедшего открыто на сторону героев трактиров) для выяснения вопроса и выражения настроения духа студентов. Все это время партия доносчиков держалась тихо, не препятствуя движению. Через полчаса депутация вернулась. Ничего положительного она не сообщила. Ректор говорил много, но, по своему обыкновению, вилял. После новой речи Иващенко, изложившего результаты этих переговоров, Попов предложил идти на площадку, что и было исполнено. Вышло больше 200 человек, в курилке лишь осталось человек 50–60 представителей баши-бузуккой партии» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 3. Л. 235–236).

¹³⁶ Вслед за этим Маньковский вышел в отставку.

Всей гурьбой отправляемся на традиционное место беспорядков – площадку вестибюля.

Крики:

– Ректора! Ректора!!

Из коридора, после прервавшейся лекции, выходит милейший профессор Н. А. Умов. Он сильно взволнован. Подходит к студентам, пытается говорить... Но его знают лишь свои, математики. Большинство студентов заглушает его слова резкими выкриками.

Махнув рукой, Н. А. нахмуренный уходит. Догоняю его:

– Николай Алексеевич, что вы хотели сказать студентам?

– Да, помилуйте, что они делают! Сколько будет новых, вовсе не нужных жертв...

– Я так же думаю. Пойдем назад, попробуйте, Николай Алексеевич, еще раз высказаться!

Поднимаюсь на стул и, добившись тишины, объясняю студентам других факультетов, как все мы, математики, уважаем Умова. Прошу поэтому его внимательно выслушать.

Н. А. поднимается на стул. Он пробует убеждать... Ничего не выходит, он снова должен умолкнуть. Уходит...

Продолжаются крики:

– Ректора!

Но ректор не появляется. Очевидно, и не придет.

Мы стоим на площадке уже часа два, оглашая своды безнадежными криками.

Внизу, в вестибюле, мобилизована вся инспекция и сто-

ит внушительный отряд полиции. Говорили потом, будто в соседних дворах были и воинские части. Мы отрезаны от внешнего мира.

Голод начинает мучить не на шутку. Что же дальше делать? А сдаваться не хочется.

Предлагают устроить складчину для покупки провизии. Набросали в шапку денег. Кто пойдет покупать? Удалось подкупить одного из сторожей: берется раздобыть хлеба и колбасы. Первая партия провианта до нас доходит благополучно. Хлеб и колбасу делим на кусочки и жадно поедаем. Увы, когда сторож несет вторую порцию провианта, его перехватывает инспекция, и продовольствие конфискуется!

Однако день кончился. Совсем уже стемнело. А света нам не дают. Обе стороны уперлись... Что ж, будем, может быть, и ночевать здесь...

Но голод чувствуется вовсю. Становится явно бессмысленным упорствовать и безрезультатно взывать к ректору. Но что же еще можем мы сделать? Не ломать же здание!

Кто-то, наконец, спускается вниз – в роли парламентаря. Объяснение с инспекцией и с полицией:

– Всем обещают свободный выход!

– Голосовать: оставаться или разойтись!

Поднятием рук решается:

– Расходиться!

Утомленные, голодные, подавленные сознанием бесплодности демонстрации – расходимся по домам.

Суд

Часть студентов арестуется в ту же ночь. Образуется особый суд. На другой же день и я получаю от него вызов.

Молва уже разнесла, что предстоит массовое исключение студентов и высылка их из Одессы. В числе предназначенных к исключению называли и меня.

С тяжелой душой шел я в этот суд. Получалась некоторая нелепость: я энергично восставал против этих заведомо бесцельных беспорядков, предвидя то, что неминуемо последует. Хотя я и пошел с другими, но я боролся против развития беспорядков... Далее, у меня была в полном ходу научная работа на обсерватории, и я пользовался добрым отношением к себе почти всех профессоров... И слишком, наконец, ярко всплывала в памяти та семейная драма, которою сопровождалось, несколько лет назад, увольнение из числа студентов и высылка в сопровождении жандармов из Москвы старшего брата Вячеслава. Для родителей это было страшным ударом. А брат, хотя после этого и устроился снова в Дерптском университете, но сильно расшатал свою нервную систему¹³⁷. Заканчивая экзамены на доктора медицины, он,

¹³⁷ Окончив гимназию в 1882 г., Вячеслав Стратонов учился в Московском университете, но за участие в беспорядках, происходивших 2 октября 1884 г. на Страстном бульваре, был уволен и выслан в Екатеринодар по месту жительства родителей под негласный надзор полиции, прекращенный в связи с поступлени-

во время пасхальных вакаций, застрелился¹³⁸. Самоубийство

ем его в 1885 г. на медицинский факультет Дерптского университета.

¹³⁸ Старший брат В. В. Стратонова покончил с собой 16 апреля 1889 г. выстрелом из револьвера. Докладывая 25 апреля о проведенном расследовании, помощник начальника Лифляндского губернского жандармского управления в Дерптском и Верроском уездах подполковник В. Л. Грумбков писал: «Университетский суд постановил передать на мое распоряжение все письма и бумаги покойного, и, по моему настоянию, вскрыты были письма умершего на имя Лидии Ивановны Стратоновой в г. Одессу, Новая улица, д. Казанской, и на имя студента Евгения Сеницкого; в первом письме покойный просит прощения у тетки и родителей за свое преступное решение, но что он потерял всякое к себе уважение и сознает свое ничтожество; Сеницкого же он просит переслать все вещи его к тетке и отвезти, к ней же, дорогую свою Лелю. Приняв во внимание такие близкие отношения покойного к Сеницкому, состоявшему некоторое время под негласным надзором, и что Стратонов лишил себя жизни в квартире состоящего под надзором Максимилиана Лесника, а также, получив негласно сведения, что прощальные письма написаны Стратоновым незадолго до смерти в квартире студента Университета Николая Василенко, я признал нужным немедленно же произвести обыски в квартирах Сеницкого, Лесника и братьев Николая и Ивана Василенко, что и было мной исполнено в тот же день. Как по обыску, так равно и при подробном осмотре вещей и писем умершего обнаружено лишь, что Стратонов состоял в любовных отношениях к 14½-летней Елене Матюниной, дочери железнодорожного чиновника в г. Дерпте, чем и объяснилась загадочность некоторых записок, вроде: “Если я попадусь, будет мне беда великая”, написанная, как оказалось, женским почерком; эту любовь, при некотором нервном расстройстве, следует признать причиной самоубийства Стратонова. Сеницкий, в свою очередь, состоит в любовной переписке со старшей дочерью Матюнина, проживающей также в г. Дерпте. Вследствие изложенного я не нашел данных для производства дознания и 21-го сего апреля возвратил Университетскому Суду все просмотренные мною письма и бумаги умершего, как не имеющие политического значения и совершенно семейного характера...» (Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 87. 3 д-во. 1889. Д. 222. Л. 9–10). Одно из упомянутых писем гласило: «Мама дорогая, отец! Простите своего сына за все страдания. Не плачьте обо мне. Я теперь спокоен и счастлив.

старшего сына совсем подкосило моих родителей... А те-

Мне лучше будет. Истрадался я и потерял к себе всякое уважение». В другом письме, адресованном тете, Лидии Ивановне Стратоновой, говорилось: «Дорогая, милая, поймите и простите. Я Вам писал, кажется, что как только потеряю веру в себя – этим кончается и жизнь моя. Время пришло. Я подавлен гнетом сознания собственного ничтожества. Вы обещали воспитать мою милую Лелю: ее к Вам привезут. Сделайте это в память обо мне. Пусть она избегнет моей участи. Только вера в свои силы спасает людей. Что я хотел бы, чтобы из нее вышло, Вы знаете, насколько Вы знаете меня. Простите еще раз. Успокойте родных, насколько это возможно. Вспоминайте иногда, как я Вас всех люблю». Самоубийца оставил также послания товарищам и Елене Ивановне Матюниной, которой писал: «Милая, дорогая моя Лелечка, прости меня за все страдания. Пусть мой конец даст тебе указания в жизни. Набирайся сил и с тем вступай в жизнь. Помни обо мне и верь, что жизнь стоит труда, не теряй только веру в себя и будешь счастлива. Твой Славочка. Прости. Г. Дерпт, 16.IV.89. Как я люблю тебя, дорогой мой Валдайчик» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 3. Л. 180, 183). В свою очередь товарищ покойного, Е. Д. Синицкий (1866–1915), сообщал Лидии Ивановне (выписки из его письма Стратонов приводит в дневнике 12 мая), что покойный предъявлял к себе громадные требования: «Он нарисовал себе идеал честного человека – тот идеал, которому почти никто не может удовлетворить, и жил во имя этого идеала. В осуществлении его он видел свое собственное достоинство. Всякие отступления в сторону ему казались преступлением. А отступления приходилось делать по “независящим обстоятельствам”. Приходилось иногда и покривить душой, смолчать там, где хотелось бы ответить прямо и открыто, не сделать того, что задумал. Кто был в этом виноват? “Независящие обстоятельства” – отвечаем мы. “Я” – отвечал покойный. И начиналась старая и страшная история самобичевания, терзаний совести, внутреннего разлада. Стратонову казалось, что он – преступник перед людьми, а главное, перед собой, что своего идеала он нисколько не осуществляет, что этот идеал для него недостижим, а ведь во имя этого идеала он жил, в осуществлении его видел свое достоинство. Стратонов все более и более терял веру в себя, начинал чувствовать к себе презрение. <...>Были, разумеется, и частные [причины]. Одна из главных – любовь Вячеслава Викторовича и Лели. (Слава смотрел на брак как на самоубийство для того, кто хочет посвятить себя общественной деятельности.) <...> Любовь, по его

перь – новая драма со мною – последним сыном!

Шел я через Строгановский мост, – излюбленное в ту пору в Одессе место для самоубийств. Бросались с большой высоты, с парашюта, вниз на мостовую и всегда разбивались насмерть.

Был большой соблазн и у меня, когда я проходил по мосту самоубийц.

Вот и университет! В тускло освещенной комнате уже

мнению, отрывала человека от его идеалов, связывала ему руки. А он, между тем, влюбился. Новый разлад и новые мучения... Слава сначала верил в Лелю, но иногда и эта вера покидала его... По временам в отзывах о Леле слышалось разочарование... Ему казалось, что не Леля, а сам он вяжет себе руки и поступает нечестно, нехорошо под влиянием своей негодности. Вот главные причины душевных мук Стратонова. Как они были страшны, это скажут все, кому случилось видеть его, особенно в последнее время. Стратонов страшно исхудал, стал раздражителен, не владел собой. Дня за два до смерти с ним начались нервные припадки, истерики, дрожь. Он поселился у своего знакомого доктора [М. Лесника], с которым занимался в последнее время. Тот ходил за ним, давал успокоительные лекарства. Последние минуты Стратонова были таковы: утро пролежал в постели; вечером зашел к Леле, почти кончил дело об ее отъезде [к Лидии Ивановне], затем зашел ко мне, еще к нескольким товарищам, потом пришел к доктору, у которого он поселился, и стал ходить по комнате, закурив папиросу. Доктор сидел за столом и занимался. “Какой у вас крепкий табак”, – заметил он Вячеславу Викторовичу. – “Извините”, – проговорил Стратонов и швырнул папиросу. – “Какой вы стали нервный, совсем не владеете собой”, – сказал доктор. – “Я не владею собой? Так я вам докажу, что владею”, – ответил Стратонов. Доктор обернулся и увидел, что Стратонов стоит возле него с револьвером, направленным в грудь. Прежде чем доктор успел произнести хоть одно слово, сделать хоть одно движение, раздался выстрел. Смерть была моментальна. Покойный стрелял, как медик, прямо в сердце» (см. также: *Василенко М. П.* Вибрани твори: У 3 т. Київ, 2008. Т. 3. С. 183–185).

ожидали допроса десятка два студентов. Хмурые, молчаливые... Разговоры не завязываются, каждый углублен в свои мысли.

Вызывают по очереди. Вызванные более сюда не возвращаются...

Дошла очередь и до меня.

За столом с синим сукном восседает судилище. В его составе – все правление университета, инспектор студентов и еще кто-то из посторонних властей. Видно сразу, что главную здесь роль играет инспектор студентов Балдин – старик с недобрым лицом и с трясущейся головой.

– Участвовали ли вы в беспорядках?

– Да, участвовал.

– Сочувствовали ли вы?

– Нет. Я высказывался на сходке против них.

Пауза. Справки в записях. Мои слова, как видно по лицу справлявшихся, подтверждаются.

– Почему же вы примкнули к беспорядкам?

– Не находил возможным оставить товарищей.

Вмешивается Балдин:

– А зачем вы переходили от толпы студентов к профессору Умову?

Объясняю, как было дело.

Снова справляются в записях... Я жду рокового для себя вопроса: об отображении мною агентурных записей от Феофана...

Нет, не спрашивают. Очевидно, Феофан не выдал!

Еще несколько незначительных вопросов... Шепчутся...

Инспектор указывает мне на одну из двух выходных дверей.

За дверьми стоит педель с мефистофельской физиономией. С чем-то поздравляет...

Позже выяснилось: в одни двери выпускались исключаемые и высылаемые из Одессы; в другие – подлежащие более мягким наказаниям. Вот, оказалось, с чем поздравлял педель!¹³⁹

¹³⁹ Ср. с дневниковой записью В. В. Стратонова от 6 декабря 1889 г. о «допросе» его 21 ноября (накануне «встретившаяся группа студентов» и профессор А. К. Кононович, к которому он зашел с А. Р. Орбинским, уговаривали их «давать уклончивые, не прямые ответы»): «Вызывают и меня. Правление состоит из ректора, инспектора, деканов. Вхожу, кланяюсь. Ректор: Скажите, вы были вчера в университете до какого времени? Я: Все время, т. е. от 9 до 4-х часов. [ектор]: Почему же вы оставались? Я: Потому что перспектива быть оплеванным и получить вдогонку нелестные эпитеты не настолько заманчива, чтобы можно было выйти. Богдановский: Неужели доходило даже до этого? Я: Да, насколько мне помнится. Относительно плевков, впрочем, не ручаюсь. Ректор: Так что вы оставались только потому, что не видели возможности уйти? Я: Да, пожалуй. Инспектор: Скажите, значит вы этим хотели подвергнуть критике распоряжение министра? Я: Насколько это следует из факта моего присутствия. Ректор: А сочувствуете ли вы беспорядкам? Я: В этом я еще сам себе не давал ответа. В начале же я, пожалуй, был против беспорядков. Инспектор: Скажите, а зачем вы несколько раз переходили от группы студентов к проф. Умову и обратно? Я: Для переговоров с проф. Умовым. Инспектор: О чем же? Я: Я просил проф. Умова повторить студентам еще раз слова попечителя. Ректор предлагает желающим членам правления задать вопросы, но таковых не оказывается. И я отпускаюсь даже без взятия подписи о невходе в университет. Итак, я несколько сподличал во второй раз в жизни; в первый раз дело было по поводу истории с экзаменом по истории в гимназии. На этот раз я, пожалуй, и не сказал неправду, но я сказал и не всю

Бессонная ночь – незнание своей судьбы. Незвестность мучительна. Утром пошел за справками в университет¹⁴⁰. Справиться, однако, не у кого. Но в профессорской комнате декан юридического факультета проф. Богдановский. Он был вчера членом суда. Прошу его вызвать:

– Скажите, пожалуйста, как на суде решили мою судьбу?

– Вы не исключены! Но постановлено объявить вам выговор за участие в беспорядках, с предупреждением на будущее время.

– Почему так мягко?

У меня это вырвалось как-то невольно: я почувствовал неловкость по отношению к другим, наказанным суровее.

Богдановский посмотрел на меня сквозь очки. Пожал плечами:

– За вас хлопотали профессора вашего факультета, как за предназначенного к оставлению при университете. Ну, кроме того, было принято во внимание ваше происхождение из

правду. Мне стыдно вспомнить, что, когда я вышел, ко мне подошел помощник инспектора Прохоров и поздравил с благополучным окончанием допроса» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 3. Л. 236).

¹⁴⁰ Неточность: 23–24 ноября 1889 г. В. В. Стратонов не появлялся в университете, о чем писал в дневнике: «Около часу [22 ноября], усталый, я вернулся домой, но все-таки для развлечения мыслей принялся за работу. Через четверть часа приходит ко мне Цветинович, посланный, очевидно, Кононовичем, и начинает меня уговаривать не губить себя, пожалеть родителей, etc., etc. Он-де знает, что инспекция считает меня вожаком, что я все время бродил возле университета (донесение шпионов) и пр. Ввиду этого он пришел взять с меня слово, что я не пойду на другой день, в четверг, 23-го, в университет. Дал я ему это слово и на другой день был лишь возле университета, не заходя в оный» (Там же. Л. 240).

уважаемой семьи...¹⁴¹

Богдановский возвращается в профессорскую:

– Удивительное, господа, дело: Стратонов заявил протест против слишком мягкого, по его мнению, наказания!

Отсюда пошло по университету, будто я протестовал, что меня не исключили.

Обо мне и о моем друге А. Р. Орбинском усерднее всего хлопотал, как позже мы узнали, профессор астрономии А. К. Кононович. Мы оба были уже золотыми медалистами за работу по астрономии.

Кононович связал Балдина честным словом – не настаивать на нашем исключении. Поддержали нас и другие профессора факультета.

Поднимаюсь после разговора с Богдановским наверх, в курилку. Студентов здесь мало, человек шестьдесят. Тихо,

¹⁴¹ Неточность: разговор с А. М. Богдановским, «хорошим знакомым отца», произошел 25 ноября, см. дневниковую запись В. В. Стратонова от 7 декабря 1889 г.: «В пятницу я был болен, а в субботу прихожу на утреннюю лекцию. Все, кто меня видит, широко раскрывают глаза. Оказывается, разнесся слух, что я исключен в числе других. Отправляюсь к декану юридического факультета Богдановскому. Спрашиваю о своей участи – приговорен к выговору с подпиской, что, в случае чего, буду немедленно исключен. Всего исключено 38 или 40 человек... “Почему же со мной так снисходительно поступили?” – “А потому, что вы из хорошей семьи, молоды, инспекция дала благоприятный отзыв... А вы недовольны, что вас не исключили?” – “Недовольным быть нельзя, но это ставит меня в двусмысленное положение относительно товарищей”. Поговорили еще, и я ушел. На другой день, 26 ноября, узнаю, что я-де подал заявление в правление о недовольстве незначительным наказанием» (Там же).

нет обычного оживления.

Видна и кучка студентов правой организации. Они, было, исчезли из университета, во время горения страстей. Теперь осмелели и снова появились в курилке.

Меня встречают с широко открытыми глазами – считали для университета уже конченным.

Не успел я обменяться со студентами и несколькими словами, как на скамью вскакивает какая-то горячая голова:

– Господа! Студенчество разгромлено! Сотня наших лучших товарищей арестована или исключена! И что же, мы так и примем это молча? Не поддержим, не заступимся за них? Разве мы не будем протестовать!?

– Нет! Нет! Поддержим!

– Протестовать! Протестовать!!

Оратор призывает к немедленному возобновлению беспорядков.

Несколько десятков студентов снова бросаются на площадку вестибюля.

В зале остается только кучка правых студентов. Они иронически улыбались на призывы оратора.

Для меня – положение неожиданно трудное. Опять участвовать в беспорядках? Но не оставаться же в курилке и одному с правыми студентами, виновниками всего происшедшего... Иду также на площадку¹⁴².

¹⁴² Мемуарист путает последовательность событий, так как в дневнике пишет о событиях 22 ноября 1889 г. следующее: «На другой день часам к 10½ подхо-

Ничего из этих беспорядков не вышло. Напуганное студенчество, сидевшее на лекциях, нас не поддержало, не присоединилось. Наша группа немного и безрезультатно покричала, а затем мирно разошлась.

К вечеру приходит ко мне астроном-наблюдатель обсер-

ву к университету, но никого не встречаю из числа получивших запрещение на вход. В университете та партия в полном составе расхаживает с геройским видом и поднятыми головами, готовая противодействовать беспорядкам. Меня сейчас же окружила толпа студентов нашей партии. Я предлагал многим прямо, в виде демонстрации, выйти из здания университета, чтобы показать, что не только получившие запрещение входа были зачинщиками. Часов в 11 зашел в находящуюся возле университета молочную и, посоветовавшись с находившимися там товарищами из числа “запрещенных”, отправился вновь в здание с одним студентом, чтобы провести свою идею и оставить героев одних в курилке. Но около 12 часов поднялся один студент и из тех же мотивов предложил идти вновь на площадку. Его поддержали второй, третий, и мы вновь двинулись. Однако, придя на площадку, мы увидели, что нас вышло лишь человек тридцать, да и из этих человек пять сейчас же вернулись назад. Такой группе, конечно, нечего было делать, и я предложил, чтобы не погубить этих 25, выйти сейчас из здания. Мне некоторые возражали, образовалась возле толпа, в центр которой попал я. Пришла инспекция, осмотрев и заметив всех. Инспектор <...> прошел дальше, а помощник Прохоров стоит за спиной и слушает, а прогнать его нельзя. Постояли так с четверть часа, и я с Огаджановым, кажется, вышел опять в молочную. Застал там много товарищей. Через несколько времени появляется студ[ент] Попов в сопровождении околочного надзирателя. Оказывается, что его схватили на улице. Позавтракал и отправился в тюрьму. В этот же день были арестованы студенты Зозулинский, Лосятинский и Заболотный. Тем временем в университете Ярошевич собирал подписи студентов; говорят, для поднесения сочувственного адреса начальству... Сойдя с площадки, инспектор заявил Кононовичу, что берет свое обещание назад относительно меня и Орбинского, обвинив меня, что я-де сегодня являюсь вожаком и коноводом, несмотря на вчерашний допрос» (Там же. Л. 239–240).

ватории Н. Д. Цветинович:

– Профессор Кононович вами страшно возмущен. Его встретил сегодня в университете Балдин и говорит: «Я беру назад данное мною вам слово, что Стратонов не будет исключен! Он сегодня опять участвовал в беспорядках». Теперь Кононович послал меня к вам. Я обязался не уходить от вас, пока вы не дадите честного слова... Вы должны обещать, что не будете посещать университета, пока там все не успокоится.

Цветинович просидел у меня, пока не получил этого обещания.

Затем приходит ко мне мой товарищ Огаджанов:

– Как, ты дал такое обещание? Как же можно было его давать!

Спустя несколько дней, вызывают меня повесткою в инспекцию. Ведут в кабинет к Балдину. Старик смотрит на меня злыми глазами и сурово трясет головой:

– Вы не исключены совершенно, но вам объявляется выговор! Распишитесь вот здесь в его получении...

Расписались? Так! Теперь вот что: вам нельзя более оставаться в нашем университете! Вы пользуетесь большим влиянием среди студенчества. Это вас связывает. Легко может случиться, что, даже против своего желания, вы будете вовлечены в какую-нибудь историю. Да это с вами уже и случилось... А тогда вы будете уже немедленно исключены!

Более того, вы будете исключены за малейшую неисправность с вашей стороны. Ну, вот вам, если хотите, пример: если у вас пуговица на сертуке окажется пришитой не по форме... Тогда с вами и кончено! Поэтому в ваших же интересах я настаиваю, чтобы вы немедленно перешли в другой университет. Всего хорошего!

Выслушал я его молча. Целый день раздумывал над этим предостережением. Уйти – в научном отношении было бы для меня катастрофой. Здесь моя работа налажена на обсерватории. Меня хорошо знают все профессора... А начинать в другом месте все с начала...¹⁴³

¹⁴³ Ср. с дневниковой записью В. В. Стратонова от 7 декабря 1889 г.: «Сегодня в 11 часов являюсь к инспектору. Он обращается ко мне со словами следующего приблизительно содержания: “Правление уполномочило меня сделать вам строгий выговор за участие в беспорядках. Вы себя в них очень сильно скомпрометировали, и вас, по справедливости, следовало бы уволить вместе с остальными. Но к вам отнеслись снисходительно, щадя ваших родителей, и я, например, не делал вам таких вопросов, которые могли бы вас погубить. Например, я вас не спрашивал относительно требования, с которым вы обратились к помощнику инспектора, вместе с несколькими товарищами, требуя отдать вам хлеб. Правление поручило взять с вас подписку, что, в случае малейшего нарушения университетских правил или малейшего проступка, вы будете немедленно уволены. Но, так как вы поставлены в такие отношения к вашим товарищам, что не сможете не провиниться, правление, желая дать вам возможность окончить образование, официально рекомендует немедленно перейти в другой университет. Я, со своей стороны, лично советую вам сделать то же, ибо иначе вы будете неминуемо уволены, – а теперь потрудитесь подписать имя, отчество, фамилию и число”. На мой вопрос, какие проступки мне будут вменены в вину, он сообщил: “Вы будете уволены за нарушение, например, формы, за неотдачу чести и пр.” Я заявил, что все-таки, вероятно, останусь; он повторил совет, взял подписку и поклонился в знак окончания аудиенции. Вышел я положительно ошеломленный этим ударом.

Нет, сдаваться не хочу. Пошел еще переговорить с ректором, с нашим симпатичным С. П. Ярошенко.

Ласковый прием:

– Вас вовсе не удаляют из университета насильственно. Этого, конечно, нет! Инспектор студентов говорил это лично от себя. Но все же вы должны хорошо сознавать, что почва под вами сильно колеблется. Что простится другому – вам не простится. Сумеете вы пробалансировать на канате полтора года до окончания курса – ваше счастье! Не сумеете – сами понимаете, что будет...¹⁴⁴

Решил оставаться.

Начались высылки полицией арестованных и исключенных. Большой произошел у нас погром! Пострадало почти

Бросить вместе с Одессой все мечты об оставлении при университете и работе на медаль, бросить все, с чем свыкся за 2½ года, слишком тяжело. <...> Итак, аминь той студенческой жизни, которую я вел до сих пор. Теперь надо смириться, подличать, чтобы окончательно не погубить свою жизнь. Я-то выбьюсь как-нибудь, а вот родителей жаль, особенно ввиду тягчайшего их удара со Славочкой» (Там же. Л. 242).

¹⁴⁴ 8 декабря 1889 г. В. В. Стратонов советовался, переводиться ли ему в другой университет, с деканом физико-математического факультета Ф. Н. Шведовым: «Он, по своему обыкновению, сострил, но посоветовал дать слово ректору, что не буду бунтовать, и сдерживать слово, так как он находит, что слово и подписка – не одно и то же. Затем отправился на аудиенцию к ректору. И этот стал острить. Уверял, что меня не гонят и не неволят уходить, но что под моими ногами почва очень сильно колеблется; если поэтому я надеюсь, что сумею “балансировать”, то ничто мне не мешает остаться, но он все-таки находит, что для меня выгоднее убираться» (Там же. Л. 243). Поговорив 9 декабря на ту же тему с А. К. Кононовичем, Стратонов, не приняв никакого решения, уехал 18 декабря на каникулы в Екатеринодар, где отец сурово отчитал его за неповиновение начальству.

сто человек. Теперь в университете всего-навсего осталось около четырехсот студентов.

Мы провожали высылаемых на вокзале и на пароходах, заодно подразнивая полицию.

В университете стало пустынно и тихо. Положением завладела группа правых студентов.

После беспорядков

Расправа была суровее, чем вызывалось обстоятельствами. Сознавалось это, очевидно, и в министерстве.

По инициативе этого последнего, через год почти всем исключенным было разрешено сдавать государственные экзамены. Время, протекшее после исключения, им зачитывалось, как будто они не прерывали занятий в университете. Однако экзамены разрешалось сдавать не в нашем, а непременно в других университетах.

Большинство исключенных этим правом и воспользовалось. Но право сдавать государственные экзамены исключенным студентам евреям предоставили, а права проживать в тех университетских городах, где они должны были бы сдавать эти экзамены, им не дали...

Мой университетский товарищ В. Ф. Каган рассказывал, как его гоняла во время экзаменов по Киеву полиция. Едва устроился и начал экзамены, полиция потребовала выселения с квартиры. Каган перебрался к знакомому; но едва его

прописали, как явился околоточный надзиратель и потребовал, чтобы он в тот же день выселился. Снова Каган нашел себе где-то приют, и снова на следующий же день его пришли выселять.

– Но ведь мне разрешили сдавать в Киеве государственные экзамены!

– Вы и можете их сдавать, а жить в Киеве вы не можете!

– Что же мне делать?

Полицейский задумался:

– Знаете что? Переселитесь по ту сторону Днепра, в уезд. Оттуда и приезжайте!

Каган отправился с рассказом о своих мытарствах к председателю государственной испытательной комиссии:

– При таких условиях я, к сожалению, должен отказаться от предоставленного мне права сдавать экзамены!

Председатель возмутился. Поехал с жалобой к генерал-губернатору. Этот последний приказал разрешить Кагану пребывание в Киеве до дня последнего экзамена.

Немедленно после сдачи экзаменов Каган попросил удостоверение о том, что он сдал экзамены с дипломом первой степени: такой диплом открывал тогда евреям право на повсеместное свободное проживание в России.

Дома его уже поджидала полиция для выдворения. Каган предъявил удостоверение.

– Что же вы нам раньше этой бумажки не показали? – наивно спросил помощник пристава. – Мы бы вас и не беспо-

коили!

Зозулинский

Перед возникновением последних беспорядков среди наших студентов существовала правильная организация. Мы имели кассу взаимопомощи, специальные научные библиотеки, избрали нечто вроде старостатов¹⁴⁵ более позднего времени, создали студенческий суд чести и пр.

В результате беспорядков все это с корнем было разрушено. Деньги, собранные студенческими грошами, а также купленные на них книги, – бесследно исчезли.

И знаменитая среди ряда поколений нашего студенчества курилка, просуществовавшая много лет, – была теперь закрыта. Для курения и для пребывания студентов в свободное от лекций время отвели две маленькие комнаты. В них не только было бы невозможно устроить сходку, но и вообще студентам не хватало места: приходилось толпиться в коридоре.

Перед возникновением беспорядков признанным вожаком нашего студенчества был математик четвертого курса Зозулинский. Симпатичной внешности, обладающий приятным, с малороссийским акцентом, голосом, хорошо при этом владевший словом, он умел – при публичных выступ-

¹⁴⁵ Старостат – выборный орган в учебных заведениях, состоящий из старост групп.

лениях – влиять на толпу. Около Зозулинского группировалось несколько находившихся под сильным его влиянием однокурсников и друзей: Лозинский, Стародубцев и др. Эта сплоченная группа, с Зозулинским во главе, фактически управляла студенческую жизнь.

Они собственно и решили организовать беспорядки. Преодолеть их влияние на сходке не удалось.

После беспорядков Зозулинский был арестован, а затем исключен из университета и выслан. Это наказание окружило его ореолом мученичества.

Местом высылки Зозулинский и его сателлиты избрали Севастополь. И в среде студентов стало обычаем, проезжая морем Севастополь, навещать Зозулинского. Навещал его и я, хотя вообще мы с ним мало сходились.

В первое время Зозулинский скромно работал корректором в местной газетке. А затем как-то быстро расцвел, и в связи с этим у него возникло отчуждение со студентами. Мало-помалу паломничество к нему прекратилось.

Зозулинский поступил в какое-то угольное предприятие, если не ошибаюсь – Шполянского. Благодаря умению производить хорошее впечатление, он здесь сделал карьеру. Не прошло и нескольких лет, как Зозулинский фактически заведовал поставкою угля для всего Черноморского военного флота. Поставку он производил так, что одни из морских офицеров, заведовавших этим делом, оказались у него на постоянном откупу, другим он делал просто подарки углем на

дом...

Зозулинский женился, зажил в роскошной барской квартире, сорил деньгами. В Севастополе он сделался весьма популярным лицом. Из прежних сателлитов возле него остался только Лозинский, разделивший до конца судьбу своего патрона.

Через несколько лет все это разразилось крупным скандалом, нашумевшим на всю Россию под названием «севастопольской угольной Панамы». Под суд попало несколько офицеров, а также и сам Зозулинский с неразлучным Лозинским. Но он сумел произвести хорошее впечатление и на суд, а затем, должно быть, предусмотрительно заранее подготовился к возможности этого суда. Отделался он сравнительно пустяками.

Впоследствии его имя снова всплыло в печати, когда Зозулинский был на Дальнем Востоке, и опять в связи с какою-то историей. Слышал я, что там он и умер, около времени Русско-японской войны.

3. Профессура

Юбилей А. О. Ковалевского

Наш физико-математический факультет в мое время уже не имел той славы, как несколько лет назад. Тогда на есте-

ственном его отделении гремели имена Мечникова, Ценковского, Ковалевского... Тем не менее и теперь это был сильный факультет.

А. О. Ковалевский, впрочем, в университете еще был. Помню юбилей – 25-летие его научной деятельности. Было это, кажется, в 1888 году.

Вечером, в актовом зале – блестящее собрание и университетских сил, и местного общества. Общий подъем и увлечение! Подогреваемое речами ораторов, это увлечение доводит студентов до благородного экстаза:

– Устроим юбиляру факельцуг¹⁴⁶!

В шапку летят студенческие полтинники и двугривенные. Из ближайшей похоронной конторы достаем связку факелов.

Торжественное заседание кончено. Вся зала, с несмолкаемыми овациями, провожает Александра Онуфриевича к выходу. Ковалевский смущен. Растерянно пробирается среди сжавшей его восторженной толпы.

Внезапно загораются факелы. Эффект – громадный! Возгласы:

– Вот это настоящий праздник науки!

Утомленного юбиляра усаживают на извозчичью пролетку. И кортеж – многосотенная толпа – трогается к квартире Ковалевского, на Молдаванке. Несмолкаемое «ура!».

Крики и пылающие факелы... Необычайное зрелище! –

¹⁴⁶ Факельцуг (*устар.*) – шествие, процессия с зажженными факелами.

Отовсюду сбегаются прохожие. Толпа растет и на далекое расстояние запруживает улицу.

Заставляем извозчика выпрячь свою лошаденку. Студенты подхватывают экипаж и везут юбиляра.

Место кучера зря пустует... Гмм! Взбираюсь, с факелом в руках, на кучерские козлы.

После студенты ворчали:

– Вас-то мы с какой стати на себе везли?

А процессия все растет и растет! «Ура», «Gaudeamus», студенческие песни... В них уже принимает участие и совсем посторонняя публика.

Полиция растерялась. Сначала требовала:

– Расходитесь!

Рев протеста. Полиция стушевывается. Городовой стал даже помогать распрягать лошадь. А потом – полиция впереди, расчищает нам дорогу.

Привозим Ковалевского – точнее, студенты привозят А. О. и меня, грешного, – на квартиру юбиляра.

Факельцуг кончился¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Описывая день чествования юбиляра, 26 ноября 1888 г. В. В. Стратонов указывал, что, когда привезли факелы, один из них «захватил себе», после чего стали ждать, когда выйдет А. О. Ковалевский: «Подали ему извозчика; так как я был без калош, а было очень грязно, то я стал с факелом на подножке. Но сейчас же выпрягли лошадь, и студенты повезли на руках профессора. Тогда я уже вскарабкался на козлы и там сидел с факелом до прибытия к дому Ковалевского. Шествие с факелами, студенческие песни, постоянные крики “ура” привлекли внимание публики, и толпа, состоявшая сначала немного более чем из двухсот студентов и нескольких профессоров, быстро увеличилась. Идти пришлось око-

Извозчику набросали в шапку кучу денег. Он долго кланялся вслед расходящимся.

А. В. Клоссовский

Украшением факультета в мое время был, конечно, профессор метеорологии Александр Викентьевич Клоссовский. Имя А. В. слишком вошло в русскую науку. И о нем лично и в память его много печаталось.

Плотный, сутулый, как будто угрюмый, строго поглядывающий сквозь дымчатые очки – непосредственное впечатление. Но первая же лекция – и аудитория завоевана! Его манера читать была как бы чеканная. А. В. выковывал фразу за фразой, и студентам все становилось ясно и понятно. Читаемый курс прочно оставался в памяти, усваивался в самой аудитории.

А. В. пользовался широкой популярностью как создатель огромной метеорологической сети Юго-Запада России. В 1000 или в 1500 пунктах добровольцы, вдохновленные Клоссовским, производили, по его программе, разносторонние метеорологические наблюдения. Ежедневно эти наблюдения целыми тюками пакетов приходили в руки Клоссовского. И он, не имея на это денежных средств и не имея других по-

ло часа, по дороге останавливая движение конки и проезжающих. Профессор несколько раз хотел выйти и идти пешком, но ему не позволяли» (НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1068. Ед. хр. 3. Л. 130).

мощников, кроме жены и двух-трех случайных добровольцев сотрудников, обрабатывал научно полученные материалы. Он лично вел деятельную и необходимую для поддержания научного вдохновения переписку с армией своих наблюдателей, подбадривая и направляя их работу. Получаемые материалы были ценными и для метеорологического изучения до того времени еще мало изученного края и для чисто практических нужд сельского хозяйства. Клоссовский еще выхлопывал откуда-то средства на их издание. И том за томом выходили в свет результаты метеорологических наблюдений сети. Все это делалось независимо от чтения лекций и от научного руководства университетской метеорологической обсерваторией, тогда как одна последняя работа другого ученого могла бы занять целиком.

Идейная и вдохновенная работа Клоссовского протекала на глазах у всех, и его юго-западная метеорологическая сеть все росла. Она могла бы расшириться гораздо больше. Но сам А. В. должен был сдерживать ее буйный рост. Вот пример: зараженный его вдохновением, я склонил попечителя Кавказского учебного округа просвещеннейшего К. П. Яновского на то, чтобы метеорологические станции при учебных заведениях Кавказа – а их было множество – присоединились к сети... Территориально это почти удваивало ее район.

– Я должен от этого отказаться! – писал мне А. В. – Душевно благодарен за предложение Кириллу Петровичу. Но мне не по силам так расширить свое дело... Я верю, что най-

дутся другие работники, которые это сделают.

Как и следовало ожидать, широкая популярность Клоссовского в России и могучий рост его добровольческой сети не могли равнодушно перевариваться официальными метеорологами-бюрократами. Больше всех этим был недоволен генерал от метеорологии академик Вильд, директор Главной физической обсерватории¹⁴⁸. Сам большой ученый, он все же стал жертвой своей ревности.

По его, конечно, инициативе был поднят в правительственных кругах вопрос о принуждении проф. Клоссовского упразднить свою добровольческую метеорологическую сеть... Дело метеорологии России должно было оставаться монополией Главной физической обсерватории и ее станций. Под конец юго-западная сеть все же была оставлена, но только под условием отобрания от Клоссовского письменного обязательства в том, что он... никогда не станет предсказывать погоду! Такие предсказания должны были составлять исключительное право Главной физической обсерватории, управляемой Вильдом.

А. В. должен был согласиться на это нелепое ограничение его деятельности и соблюдал его в течение долгого ряда лет.

Строя на Малом Фонтане в Одессе новую университетскую физическую обсерваторию, Клоссовский хотел позна-

¹⁴⁸ Главная физическая обсерватория была создана в Петербурге в 1849 г. для управления всеми метеорологическими учреждениями (в 1924 г. переименована в Главную геофизическую обсерваторию).

комиться с чертежами магнитной обсерватории в Павловске, чтобы использовать этот опыт для магнитного павильона в Одессе. Вот что он мне рассказывал:

– В Павловске мне отказались показать эти чертежи. Со-
слались на категорическое запрещение Вильда. Меня стара-
лись не допускать и в самый магнитный павильон. Я бы уехал
ни с чем, если б не счастливая случайность: один из загра-
ничных ученых попросил Вильда прислать ему те же самые
чертежи магнитного павильона, с которыми тщетно старал-
ся ознакомиться я. Вильд тотчас же приказал изготовить их
для отсылки. И вот, пользуясь минутами, когда разрисован-
ные красками чертежи сушились на солнце, я подглядывал
в них и срисовывал для одесской обсерватории.

Мы сдавали государственные экзамены. Клоссовский об-
ратился к проф. астрономии А. К. Кононовичу:

– Кого вы решили оставить при университете: Орбинского
или Стратонова?

В самом начале сдачи этих экзаменов я заболел, в резуль-
тате переутомления. Кононович говорил, что сомневался,
удастся ли мне вообще довести их до конца. Он ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.